

Уголовный процесс

ПРАКТИКА УСПЕШНОЙ ЗАЩИТЫ И ОБВИНЕНИЯ

№ 8 август 2023

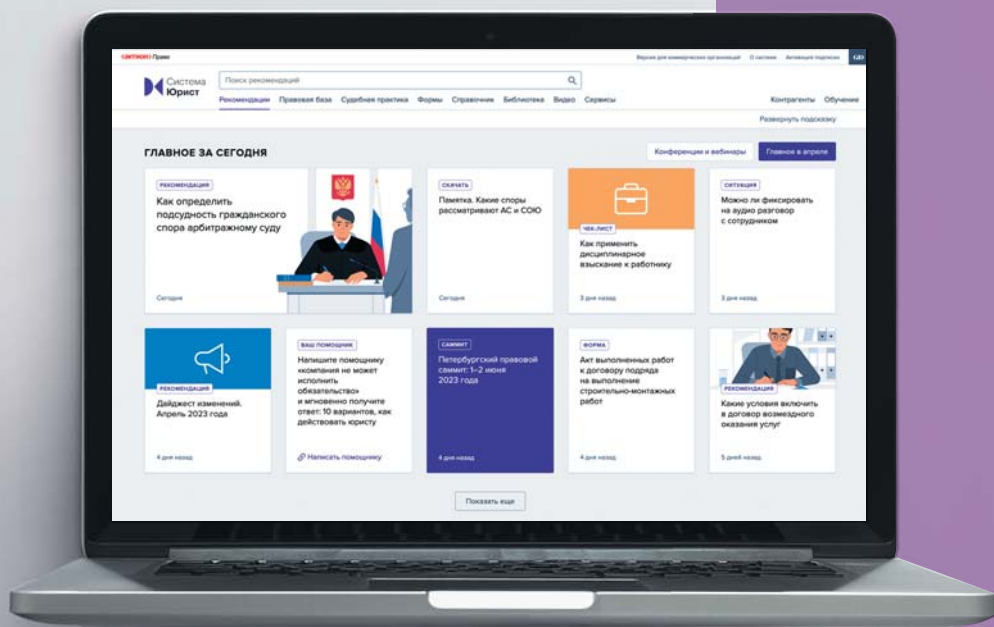
Преступления против представителей
власти • с. 22

Новый дополнительный механизм реализации
освобождения от уголовной ответственности в связи
с истечением сроков давности • с. 50

Фальсификация процессуальных документов
по гражданским делам • с. 68

ВС РФ оправдал предпринимателя, обвиненного
в злом неисполнении судебного решения • с. 92

Правовые заключения со ссылками на практику вместо груды нормативных документов

А еще в Системе Юрист все шаблоны документов собраны в удобные сервисы, короткие скринкасты помогут быстро разобраться в теме, а умные чат-боты безошибочно ориентируют, как действовать в конкретной ситуации.

8 800 333 01 15 Закажите подробную презентацию Системы

Для подписчиков журнала
открыт ВИП-доступ на 3 дня
по QR-коду

Несправедливое решение

Ислам Рамазанов,

к. ю. н., главный редактор журнала «Уголовный процесс»

glred@ugpr.ru

Следствие обвинило человека в тяжком преступлении. Спустя более пяти лет расследования дело так и не отправилось в суд. Прекратить дело за истечением срока давности уголовного преследования у следствия не получалось: 10 лет не прошло, да и обвиняемый категорически отрицал вину. Внезапно следствие нашло выход. Оно «занизило» квалификацию — с тяжкого на преступление средней тяжести и с помощью этого сократило с 10 до 6 лет срок давности уголовного преследования. Этот срок подошел и, невзирая на несогласие обвиняемого, следствие прекратило дело за истечением сроков. При этом от предъявления нового обвинения до прекращения дела прошло всего четыре рабочих дня, защита даже не успела понять, как это произошло. Тем самым следователи не испортили себе отчетность, ведь дело прекращено по нереабилитирующему основанию. Это реальный случай, который мы описали в электронной версии прошлого номера журнала в статье «Злоупотребление следствием правом прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования».

Как возможно? Возможно. Так как на помощь следствию пришел Конституционный Суд РФ. В постановлении от 18.07.2022 № 33-П КС РФ установил срок в 12 месяцев со дня истечения срока давности уго-

ловного преследования, в течение которого следствие (дознание) должно направить дело в суд. То есть КС РФ фактически установил срок на дополнительное расследование. Если и допросследование не поможет, то дело можно прекратить за истечением сроков и без согласия на это обвиняемого или подозреваемого. Последние могут оспорить такое решение в суд в порядке ст. 125.1 УПК.

В названной выше статье мы изложили позицию защиты о том, почему решение следствия — это вольная трактовка позиции КС РФ. Действительно, КС РФ принял свое постановление для того, чтобы дела не расследовались бесконечно, а не для того, чтобы их прекращали с нарушением прав обвиняемых.

В текущем номере мы продолжили тему прекращения уголовного преследования в связи с истечением срока давности, так как вступили в силу нормы ч. 2.2 ст. 27 УПК, которые прикрыли «лазейку» для органов предварительного расследования. В статье наш автор ответила на вопросы, которые неизбежно возникнут при применении новой нормы. Например, что делать, если прокурор или суд вернули дело следствию, а к тому времени истек и срок давности, и срок на допросследование (с. 50). Но тема явно открытая, и мы будем за ней следить.

Уголовный процесс

№ 8, август 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ
ООО КФЦ «Аktion»

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «Аktion Цифровое издательство»

РЕДАКЦИЯ
Издатель группы юридических изданий:
Чубарева Ольга Александровна
Главный редактор: Рамазанов Ислам Рамазанович
Шеф-редактор: Родионова Кристина Викторовна
Руководитель отдела маркетинга:
Саруханова Татьяна Андреевна
Редактор по работе с авторами:
Клюкина Ольга Александровна
Ответственный секретарь:
Долголаптева Анна Анатольевна
Верстальщик: Шахалин Константин Сергеевич
Менеджер по производству:
Устинова Надежда Ивановна

Журнал издает

«АКТИОН» Право

Служба подписки:

8 (800) 511-20-91

Адрес издателя: 123022, Москва,
1-й Земельный переулок, д. 1, 15-й этаж,
комната 1507

Адрес редакции: 123022, Москва,
1-й Земельный переулок, д. 1

Телефон: (495) 967-86-25

e-mail: glred@ugpr.ru

website: www.ugpr.ru

Редакция журнала обязательно разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов. Любое воспроизведение материалов из журнала «Уголовный процесс» возможно лишь с письменного разрешения редакции.

Распространяется по подписке на территории Российской Федерации.
Подписной индекс «Почты России» — П1435.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.
Дата включения в Перечень: 29.12.2015

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором).

Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС-62332 от 03.07.2015 (ранее ПИ № ФС77-57610 от 08.04.2014, ПИ № ФС77-36385 от 26.05.2009)

Номер подписан в печать 05.07.2023
Дата выхода в свет: 14.07.2023
Отпечатано в ООО ПО «Периодика», 105082, Москва, Спартаковская пл., д. 14, стр. 3
Заказ № 28096. Тираж 4000 экз.
Цена свободная

© ООО «Аktion Цифровое издательство»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АНКУДИНОВ Олег Тимофеевич, советник Генерального прокурора РФ

БОНДАР Анатолий Владимирович, председатель Второго кассационного суда общей юрисдикции

ДАВЫДОВ Владимир Александрович, заслуженный юрист РФ, д. ю. н., заместитель Председателя Верховного Суда РФ — председатель Судебной коллегии по уголовным делам

ДОРОШКОВ Владимир Васильевич, заслуженный юрист РФ, д. ю. н., профессор, судья Верховного Суда РФ в почетной отставке, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО (Университет)

КАЛИНОВСКИЙ Константин Борисович, к. ю. н., доцент, советник Конституционного Суда РФ, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала РГУП

КАЧалОВА Оксана Валентиновна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной РГУП

КОЛОКОЛОВ Никита Александрович, д. ю. н., судья Верховного Суда РФ в отставке, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин МПГУ

КОСТАНОВ Юрий Артемьевич, к. ю. н., доцент, первый вице-президент Гильдии российских адвокатов

КУПРИЯНОВ Алексей Анатольевич, почетный адвокат России, почетный юрист г. Москвы, президент МКА «Адвокаты Куприяновы и партнеры»

КУРЧЕНКО Вячеслав Николаевич, заслуженный юрист РФ, д. ю. н., профессор УрГЮУ, судья в отставке

ЛЬВОВА Елена Юлиановна, к. ю. н., руководитель АК «Львова и партнеры»

ОСМАНОВ Тамирлан Сейфуллаевич, к. ю. н., судья Верховного суда Республики Дагестан

ПАРШИН Александр Иванович, к. ю. н., заместитель генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ

ПАШИН Сергей Анатольевич, к. ю. н., профессор НИУ ВШЭ, федеральный судья в отставке

СМИРНОВ Александр Витальевич, заслуженный юрист РФ, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса РГПУ им. А.И. Герцена

СОЛОВЬЕВ Сергей Александрович, к. ю. н., управляющий партнер АБ «Сословие», член Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы

ТИСЕН Ольга Николаевна, д. ю. н., начальник Юридического управления Федеральной службы по финансовому мониторингу

ТОЛКАЧЕНКО Анатолий Анатольевич, заслуженный юрист РФ, д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия РГУП

ЧЕРВОТКИН Александр Сергеевич, заслуженный юрист РФ, к. ю. н., судья Верховного Суда РФ

Обойдите правовые преграды с журналом для практиков

Готовые
рабочие
алгоритмы

Актуальные
образцы
документов

Ноу-хау
коллег-
юристов

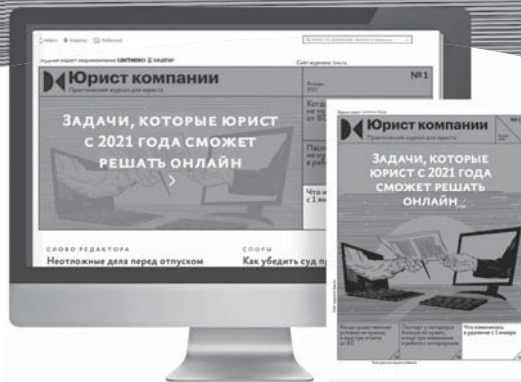
Обзоры
судебной
практики

e.law.ru

Подписка за две минуты:

8 800 511-20-91

В КУРСЕ

- 6 Заключать под стражу будут реже
Вещдоки, проходящие по нескольким уголовным делам, нельзя уничтожать до конца рассмотрения всех дел
- 7 КС РФ защитил права потерпевших по делам частного обвинения
Процессуальные издержки могут распространить на этап доследственной проверки
- 8 Спасая пешехода, водитель имеет право маневрировать
- 9 Возмещение расходов потерпевшего на представителя
- 10 Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ
- 14 Дайджест практики по уголовным делам кассационных судов общей юрисдикции
- 18 Обзор дисциплинарной практики адвокатских палат

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Преступления против представителей власти

- 22 Преступления против представителей власти и посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа.
Позиции Пленума ВС РФ
Е.В. Пейсикова, к. ю. н., доцент, судья Верховного Суда РФ
С.В. Борисов, д. ю. н., доцент, советник Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики ВС РФ
А.О. Полищук, главный консультант Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики ВС РФ
- 30 Разграничения норм УК РФ о применении насилия в отношении представителя власти и в отношении участников процесса
Е.Н. Карabanова, д. ю. н., заведующая отделом НИИ Университета прокуратуры РФ
- 36 Применение насилия в отношении представителя власти. Практика освобождения от ответственности
А.А. Хайдаров, к. ю. н., доцент, заместитель директора Казанского филиала РАНХиГС
- 43 Оскорбление представителя власти. На что обращают внимание суды
А.В. Комаров, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы

«Насилие или оскорбление, предусмотренные статьями 317–319 УК, совершенные в отношении двух или более потерпевших, квалифицируются как одно преступление, если осуществлены одновременно и единым умыслом» • с. 22

Елена Владимировна Пейсикова, к. ю. н., доцент, судья Верховного Суда РФ

РАССЛЕДОВАНИЕ

- 50 **Новый дополнительный механизм реализации освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности**

Н.В. Ильютченко, к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

- 54 **Восстановление доказательств и их оценка по утраченным уголовным делам**

С.О. Махтук, старший инспектор пятого отдела управления контроля за следственными органами ГСУ СК России

- 62 **Следственные действия в отношении адвокатов: всегда ли нужна санкция суда**

В.Ю. Стельмах, д. ю. н., доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России

КВАЛИФИКАЦИЯ

- 68 **Фальсификация процессуальных документов по гражданским делам: когда есть состав преступления**

В.В. Хилота, д. ю. н., доцент, доцент Гродненского государственного университета им. Я. Купалы

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

- 74 **Антиконкурентные соглашения и согласованные действия: проблемы разграничения**

Д.В. Грибанова, аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

ПРОИЗВОДСТВО В СУДЕ

- 82 **Запрет поворота к худшему при разрешении вопросов о конфискации вещдоков, процессуальных издержках и гражданском иске**

К.В. Ивасенко, к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ им. М.В. Ломоносова

ПРАКТИКА ЗАЩИТЫ

- 92 **ВС РФ оправдал предпринимателя, обвиненного в злостном неисполнении судебного решения**

Н.А. Колоколов, д. ю. н., профессор, судья Верховного Суда РФ в отставке

- 96 ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СИСТЕМЫ РИНЦ /
TABLE OF CONTENTS

«Сообщение о неисполнении решения суда — не более чем повод для организации качественной доследственной проверки, а не сигнал к немедленному возбуждению уголовного дела» • с. 92

Никита Александрович Колоколов, д. ю. н., профессор, судья Верховного Суда РФ в отставке

Новое в УК и УПК

Заключать под стражу будут реже

Заключение под стражу в качестве меры пресечения можно будет применить к обвиняемым в преступлениях средней тяжести, только если деяние носит насильственный характер. Это и другие изменения предусматривает законопроект (№ 381316-8), который в Госдуму внес Верховный Суд РФ.

ВС РФ предлагает прописать в ст. 5 УПК понятия преступлений насильственного и ненасильственного характера. Под деянием насильственного характера будет пониматься преступление, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения, под ненасильственным — без насилия и угрозы его применения.

Обвиняемых (подозреваемых) в преступлениях средней тяжести ненасильственного характера можно будет арестовывать при одном из условий, установленных сейчас для исключительных случаев ареста обвиняемых (подозреваемых) в преступлениях небольшой тяжести. В частности, если фигурант дела не имеет места жительства или места пребывания на территории РФ, нарушил ранее избранную меру пресечения, скрылся от следствия или суда либо его личность не установлена. В ч. 1 ст. 108 УПК предлагается оставить возможность арестовывать обвиняемых (подозреваемых) в преступлениях небольшой тяжести только в двух случаях: если они нарушили ранее избранную меру пресечения или скрылись.

Согласно поправке в ч. 2 ст. 108 УПК женщин, имеющих малолетних детей, арестовывать можно будет, только если они обвиняются в тяжких или особо тяжких преступлениях, а в исключительных случаях — если обвиняются в насильственных преступлениях средней тяжести. Те же правила распространяют на несовершеннолетних. В отношении подозреваемого и обвиняемого, страдающего

тяжелым заболеванием, подтвержденным медицинскими документами, заключение под стражу применять будет нельзя. Это следует из проектной ч. 2.1 ст. 108 УПК.

Также ВС РФ предложил ужесточить требование к ходатайству следствия о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу. Такое ходатайство нельзя будет обосновывать тем, что обвиняемый не имеет места жительства или пребывания в РФ или его личность не установлена. Эти два довода, как отметил ВС РФ, ежегодно фигурируют примерно в двух тысячах случаев продления «стражи».

Как следует из данных в пояснительной записке к проекту закона, благодаря принятию предложенных поправок примерно 20 тысячам обвиняемых, которые не нарушают условия меры пресечения, не будет грозить заключение под стражу.

Вещдоки, проходящие по нескольким уголовным делам, нельзя уничтожать до конца рассмотрения всех дел

Вещественные доказательства (предметы, образцы), которые содержатся в двух или более уголовных делах, нельзя уничтожать после вступления в силу приговора по одному из дел. Они должны храниться для их исследования в суде по каждому делу до вступления в силу приговоров по всем делам, если такое сохранение возможно, исходя из свойств самих вещдоков. Это следует из постановления Конституционного Суда РФ от 19.06.2023 № 33-П по жалобе гр-на В.Г. Скотникова.

В этом постановлении КС РФ рассматривал ситуацию, когда психотропное вещество, приобщенное в качестве вещдока к делу о незаконном приобретении этого вещества (ч. 2 ст. 228 УК), было также приобщено к уго-

ловному делу заявителя о незаконном сбыте психотропного вещества (ст. 228.1 УК). После вступления в силу приговора по делу по ст. 228 УК вещество было уничтожено. При рассмотрении дела в отношении заявителя суд его не исследовал, хотя сослался как на доказательство.

КС РФ указал, что так делать нельзя, и признал ст. 82 и 240 УПК не соответствующими Конституции. Суд обязал внести изменения в УПК, а до этого хранить вещдоки, проходящие по двум делам и более, до вступления в силу приговора по всем уголовным делам.

На практике может возникнуть вопрос о том, кто будет определять невозможность хранения вещдока до итогового решения по всем делам, в которых используется это доказательство, и каким документом.

КС РФ защитил права потерпевших по делам частного обвинения

Судья не имеет права отказать в возбуждении уголовного дела частного обвинения или прекратить его, со ссылкой на то, что имеется неотмененное постановление следствия (дознания) об отказе в возбуждении дела в отношении того же подозреваемого или обвиняемого по тому же обвинению. Это следует из постановления Конституционного Суда РФ от 28.06.2023 № 36-П.

В этом постановлении КС РФ подтвердил позицию, выраженную в определении от 29.03.2016 № 706-О. В определении № 706-О КС РФ указал, что по делам частного обвинения орган предварительного расследования, который рассматривал сообщения о преступлении, вправе либо возбудить дело, либо передать это сообщение в суд в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК. Выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения орган расследования не уполномочен. Если все же следствие (дознание) вынесет такое постановление, то оно «не может служить ни препятствием

для принятия судом к своему производству заявления о преступлении, преследуемом в частном порядке, ни основанием для прекращения уголовного дела».

Указав, что не все суды следуют позиции КС РФ, изложенной в определении № 706-О, в постановлении № 36-П КС РФ добавил, что постановление следствия (дознания) об отказе в возбуждении дела частного обвинения подлежит обязательной отмене, как не имеющее юридической силы с момента его вынесения.

Процессуальные издержки могут распространить на этап доследственной проверки

Расходы, которые органы следствия и дознания понесли при проверке сообщения о преступлении (ст. 144 УПК), нужно отнести к процессуальным издержкам. Это следует из законопроекта о поправках в ст. 313 и 132 УПК (№ 391771-8), который в июне в Госдуме внесла группа депутатов. Законодатели указали, что сейчас в ст. 131 и 132 УПК процессуальными издержками названы только расходы, произведенные по уголовному делу, то есть когда дело уже возбуждено. Хотя в практике есть случаи, когда суды взыскивают с государства средства в счет оплаты услуг исполнителей, предоставленные на этапе проверки сообщения о преступлении. Например, Седьмой арбитражный апелляционный суд постановлением от 19.05.2022 по делу № А03-12045/2021 оставил в силе решение арбитражного суда Алтайского края о взыскании с казны 25 тыс. руб. в пользу экспертной организации за проведение товароведческой экспертизы, назначенной в рамках проверки сообщения о преступлении. Чтобы следователи и дознаватели могли включать расходы, связанные с доследственной проверкой, в процессуальные издержки, законодатели предложили заменить в ст. 131 и 132 УПК слова «уголовное дело» на слова «уголовное судопроизводство».

Алексей Анатольевич Куприянов, почетный адвокат России, почетный юрист г. Москвы, президент МКА «Адвокаты Куприяновы и партнеры»

Спасая пешехода, водитель имеет право маневрировать

Нередко сам пострадавший провоцирует ДТП — наезд на пешехода, когда тот грубо нарушает п. 4.5 ПДД, согласно которому пешеходы не должны создавать помех для движения транспортных средств.

Для квалификации действий водителя по ст. 264 УК важно правильно определить момент, когда водитель получил объективную возможность обнаружить пешехода — момент возникновения опасности для движения. В каждом случае этот момент определяется исходя из дорожной обстановки с учетом возможности ее восприятия водителем конкретного автомобиля. В сложных случаях суды назначают для его установления «судебные инженерно-психологические» или «комплексные комиссионные автотехнические экспертизы» с привлечением экспертов автотехников, трасологов, психологов и видеотехников (апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 21.06.2020 по делу № 22-2274/2020).

С момента возникновения опасности водитель обязан руководствоваться абз. 2 п. 10.1 ПДД, который предписывает ему тормозить до остановки. Водитель не имеет права заменять обязательное торможение маневрированием, поскольку тем самым он, нарушая правила, модифицирует сложившуюся

по вине пешехода дорожно-транспортную ситуацию. Любые маневры в условиях нарушения абз. 2 п. 10.1 ПДД водитель совершает на свой риск, так как п. 8.1 ПДД запрещает при маневре создавать опасность для движения. Маневром без торможения создается новая опасность — не та, что создал сам себе пешеход.

Однако совершенные для спасения пешехода маневры не должны признаваться огульно запрещенными, ведь п. 1.5 ПДД предписывает водителю действовать таким образом, чтобы не причинять вреда. Например, маневр автомобиля, называемый «в противоход», нередко дает пешеходу шанс на спасение.

Обобщив сказанное, приходим к выводу, что если у водителя нет технической возможности избежать столкновения исключительно путем торможения автомобиля, его действия нельзя признавать находящимися в причинно-следственной связи с наездом даже в том случае, когда водитель наряду с торможением (если у него имелась техническая возможность его начать) начинает маневрировать. При маневре в названных условиях водитель не создает новой опасности в смысле п. 8.1 ПДД, а лишь исполняет адресованный ему п. 1.5 ПДД.

Оксана Валентиновна Качалова, д. ю. н., профессор,
профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной РГУП

Возмещение расходов потерпевшего на представителя

В постановлении КС РФ от 13.05.2021 № 18-П указано, что возмещению подлежат в полном объеме все необходимые и оправданные расходы на выплату вознаграждения представителю потерпевшего. В том числе которые лицо понесло до формального получения статуса потерпевшего. Например, расходы, связанные с обжалованием отказа в возбуждении уголовного дела, обжалованием прекращения уголовного дела, если решение о том было отменено, и др. Расходы на представителя должны быть подтверждены документами. При этом такие расходы не включаются в гражданский иск, а возмещаются в порядке процессуальных издержек за счет федерального бюджета с учетом инфляции.

В связи с необходимостью выполнения требований КС РФ Правительство РФ скорректировало постановление от 01.12.2012 № 1240. Постановлением от 18.10.2022 № 1858 кабмин ввел п. 22 (3) в Положение о возмещении процессуальных издержек. Согласно новому пункту расходы потерпевшего, связанные с выплатой вознаграждения его представителю, возмещаются в ходе судебного производства по уголовному делу на основании постановления дознавателя, следователя, прокурора в размере от 1560 до 3484 руб. за каждый день участия в деле.

Время работы исчисляется в днях, в которые представитель был фактически занят по данному уголовному делу, вне зависимости от продолжительности работы в течение дня.

При разрешении вопроса о размере расходов на представителя суд не ограничен вышеуказанными размерами вознаграждения адвоката. Поскольку, согласно позиции КС РФ, стоимость услуг представителя определена не постановлением Правительства РФ, а соглашением с потерпевшим, то эти расходы подлежат возмещению как вынужденно понесенные убытки. Размер таких расходов зависит от объема, интенсивности, сложности, продолжительности юридической помощи. Особенно если потерпевшему приходится добиваться защиты своих прав от недобросовестно действующих должностных лиц (при длительности расследования, незаконных и необоснованных решениях и т. д.), когда он вынужден обращаться за помощью к квалифицированным юристам на договорной основе и нести расходы, обусловленные поведением должностных лиц органов публичной власти. При определении размера расходов суд руководствуется их необходимостью и оправданностью с учетом конкретных обстоятельств дела.

Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- При каких обстоятельствах неуставных отношений ВС РФ счел, что военнослужащий действовал в состоянии необходимой обороны
- Почему ВС РФ указал, что суд необоснованно оставил без удовлетворения иск о компенсации потерпевшим морального вреда, причиненного преступлением против их собственности
- Какое противоречие между позициями защитника и обвиняемого стало причиной отмены приговора ввиду нарушения права подсудимого на защиту

Вопросы уголовного права *ВС РФ отменил приговор о неуставных отношениях и признал необходимой обороной действия военнослужащего*

Суд первой инстанции признал Х. виновным в нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, сопряженном с насилием (ч. 1 ст. 335 УК).

ВС РФ не согласился с выводами суда. Как следовало из материалов дела, потерпевший Н. при исполнении обязанностей военной службы предъявил Х. надуманные претензии, после чего нанес ему удар кулаком в лицо, а затем стал наносить удары кулаками по туловищу, а также рукам Х., которыми тот защищался. Х., не желая дальнейшего развития конфликта, отошел от Н., однако тот поднял с земли замерзший кусок грунта и бросил его в Х., попав ему в лицо. Х. полу-

чил рваную рану верхней губы и потерял четыре зуба вследствие указанной травмы (вред здоровью средней тяжести). Лишь после того, как Х. повалил Н. на землю и нанес ему удары руками по туловищу и лицу, Н. прекратил свои преступные действия, извинился перед Х. и обещал оплатить лечение. В судебном заседании Х. показал, что он не нападал на Н., с которым до этого виделся несколько раз, а оборонялся от него и никаких угроз в его адрес не высказывал. Лишь для прекращения конфликта и дальнейшего насилия со стороны Н. и после того, как тот выбил ему зубы, он совершил в отношении Н. насилие. О том, что противоправные действия более предприниматься не будут, Х. понял только со слов Н., который стал просить у него прощения, обещал помощь в лечении.

Преступные действия Н. в отношении Х. совершал поэтапно и с повышающейся сте-

пенью общественной опасности. Обстоятельства начала и развития конфликтной ситуации, а также характер действий Н. не позволяли Х. определить момент окончания применяемого к нему насилия. Действия же Х., направленные на прекращение дальнейшего насилия со стороны Н., не вышли за пределы необходимой обороны. По смыслу ч. 1 и 2 ст. 37 УК, п. 8 и 11 постановления Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19 состояние необходимой обороны может иметь место в том числе в случаях, когда защита последовала непосредственно за актом хотя и оконченного посягательства, но, исходя из обстоятельств, для оборонявшегося лица не был ясен момент его окончания и лицо ошибочно полагало, что посягательство продолжается.

ВС РФ отменил приговор и прекратил уголовное дело на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК в связи с отсутствием в деянии состава преступления (кассационное определение ВС РФ от 02.05.2023 по делу № 228-УД23-1-К10).

Суд необоснованно отказал осужденной в отсрочке от отбывания наказания до достижения ее ребенком возраста 14 лет

По приговору суда З. осуждена за покушение на незаконный сбыт наркотиков группой лиц по предварительному сговору, в значительном размере, с использованием интернета (ч. 3 ст. 30, подп. «а, б» ч. 3 ст. 228.1 УК). Суд назначил ей наказание в виде лишения свободы с его отбыванием в исправительной колонии общего режима. При этом суд пришел к выводу об отсутствии оснований для предоставления З. в соответствии со ст. 82 УК отсрочки отбывания наказания до достижения ее ребенком четырнадцатилетнего возраста. Суд посчитал, что ребенком З. будет заниматься бабушка ребенка, мать осужденной.

Вместе с тем, по смыслу закона, критериями применения положений ч. 1 ст. 82 УК являются наличие у осужденного ребенка в возрасте до 14 лет и его обязанность как ро-

дителя заниматься воспитанием своего ребенка. При этом нужно учитывать условия жизни осужденного на свободе, совокупность данных, характеризующих его до и после совершения преступления.

В деле имелось педагогическое представление заместителя заведующего детским садом, который посещала дочь осужденной. Из этого представления следовало, что З. приводила и забирала свою дочь из детского сада. Ребенок был ухожен, одет соответствующим образом и по сезону, у девочки с матерью были теплые и доброжелательные взаимоотношения. При этом З. поддерживала тесный контакт с педагогами группы, следила за здоровьем дочери и всегда своевременно производила оплату за посещение ребенком дошкольного учреждения. Согласно выводам заключения, по результатам психологического обследования актуального состояния дочери осужденной, девочка находилась в тесном эмоциональном контакте с мамой, нарушение которого крайне негативно могло бы отразиться на эмоционально-психическом состоянии ребенка.

Эти обстоятельства, касающиеся судьбы малолетней дочери З., суд оставил без внимания, каких-либо суждений об этом в приговоре не привел. Более того, суд не проанализировал и не оценил данные, характеризующие осужденную З. В частности, о том, что З. имела профессиональное образование, была трудоустроена, одна обеспечивала и воспитывала ребенка, не нарушала общественный порядок, по месту жительства участковым характеризовалась положительно, была вежлива, не имела вредных привычек, не привлекалась к административной ответственности.

Соглашаясь с выводами суда первой инстанции, кассация лишь указала, что возможность отсрочки отбывания наказания суд обсуждал. Вместе с тем возможность применения ст. 82 УК была одним из доводов кассационной жалобы.

ВС РФ отменил кассационное определение, направил уголовное дело на новое кассационное рассмотрение (определение ВС РФ от 07.06.2023 по делу № 45-УД23-17-К7).

Вопросы уголовного процесса ВС РФ увидел противоречия между позицией адвоката по делу и позицией защищаемого им лица

Суд осудил С. за незаконный сбыт наркотиков (ч. 1 ст. 228.1 УК), за кражу сотового телефона потерпевшего (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК), за незаконное приобретение и хранение без цели сбыта наркотиков (ч. 1 ст. 228 УК).

Осужденный подал апелляционную жалобу на приговор, в которой просил смягчить ему наказание и оправдать его по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК. Между тем из протокола судебного заседания суда апелляционной инстанции следовало, что назначенный осужденному адвокат, выступая в прениях, указал, что с доводами своего подзащитного об оправдании его по ст. 158 УК он не согласен. Ссылаясь на разъяснения Пленума ВС РФ, что С. совершил именно кражу телефона.

Таким образом, позиция адвоката М. противоречила позиции и интересам защищаемого им лица, чем было нарушено право осужденного С. на защиту. Судебная коллегия ВС РФ отменила судебные акты апелляционной и кассационной инстанций, передала уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение (определение ВС РФ от 03.05.2023 по делу № 35-УД23-7-К2).

Суд необоснованно оставил без удовлетворения иски о компенсации потерпевшим морального вреда, заявленные в связи с совершением преступления против их собственности

Суд первой инстанции осудил Ю. за мошенничество (ч. 4 ст. 159 УК). Осужденный Ю. присвоил деньги потерпевших в размере более 11 млн руб., не построив им обещан-

ные дома. При этом суд оставил в приговоре без удовлетворения гражданские иски потерпевших Г., С. и Т. о взыскании компенсации морального вреда с Ю. Суд руководствовался тем, что совершенное Ю. преступление не относится к категории причиняющих вред личным неимущественным правам или принадлежащим потерпевшему нематериальным благам (ст. 151 ГК).

Однако суд не принял во внимание, что ст. 151 ГК применяется с учетом постановления КС РФ от 26.10.2021 № 45-П, которым ч. 2 ст. 151 ГК признана не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она служит основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности. Не принял во внимание суд и разъяснения ВС РФ, содержащиеся в п. 13 постановления Пленума от 13.10.2020 № 23, о том, что иск о компенсации морального вреда подлежит рассмотрению судом и в случаях, когда в результате преступления, посягающего на чужое имущество или другие материальные блага, вред причиняется также личным неимущественным правам либо принадлежащим потерпевшему нематериальным благам.

Как следовало из доводов потерпевших, Ю. причинил им нравственные страдания. В частности, в связи с совершенным преступлением ухудшилось состояние их здоровья, они лишились своей единственной квартиры и денег от ее продажи, так как они передали их Ю., обманувшему их. Кроме того, потерпевший Г. был вынужден взять кредит в банке, понеся дополнительные финансовые затраты.

Суд первой инстанции, оставляя без удовлетворения исковые заявления истцов Г., С. и Т., уклонился от оценки приведенных в них доводов, а также от установления наличия либо отсутствия факта причинения им нравственных страданий вследствие нарушения прав преступными действиями Ю.

ВС РФ отменил приговор в части оставления без удовлетворения исковых требований Г., С. и Т. о взыскании компенсации морального вреда и направил материалы в этой части на новое рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства (определение ВС РФ от 23.05.2023 по делу № 46-УД23-10-К6).

Кассация незаконно лишила осужденного права на участие в судебном заседании

По уголовному делу в отношении З., признанного виновным в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшего по неосторожности его смерть (ч. 4 ст. 111 УК), адвокат Р. в интересах осужденного З. подал кассационную жалобу.

Суд первой инстанции передал уголовное дело в кассационный суд общей юрисдикции. После этого в суд первой инстанции поступило заявление З., в котором он заявил о своем желании участвовать в судебном заседании суда кассационной инстанции при рассмотрении кассационной жалобы своего защитника, а также воспользоваться услугами адвоката Р.

Между тем из протокола судебного заседания кассационного суда следовало, что уголовное дело было рассмотрено с участием прокурора, адвоката Р., но в отсутствие осужденного З. При этом кассация, решая вопрос о возможности рассмотрения дела в отсутствие осужденного, приняла во внимание, что тот был своевременно извещен о дате, месте и времени судебного заседания, и что в материалах уголовного дела имеется расписка З. о нежелании участвовать в судебном заседании, что защиту своих интересов доверяет адвокату Р., с которой заключено соглашение. Однако это заявление осужденный направил задолго до постановления в отношении него приговора и за полгода до подачи им указанного заявления о желании участвовать в судебном заседании суда кассационной инстанции.

ВС РФ отменил определение кассационного суда и передал уголовное дело на новое кассационное рассмотрение (определение ВС РФ от 11.05.2023 по делу № 11-УД23-5-К6).

ВС РФ отменил кассационное определение, так как его подписал судья, не принимавший участия в рассмотрении уголовного дела

Защитники осужденных за фальсификацию доказательств по гражданскому делу (ч. 1 ст. 303 УК) и покушение на мошенничество (ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК) обжаловали приговор и апелляционное определение. Кассационный суд рассмотрел дело судебной коллегией кассационного суда общей юрисдикции в составе судей Д. (председательствующей), Х. и В.

Однако кассационное определение подписали судьи Д., Х. и судья Б., не участвовавший в рассмотрении дела. При этом во вводной части кассационного определения также указан состав суда из судей Д., Х. и Б., что противоречило протоколу судебного заседания.

Судебная коллегия ВС РФ пришла к выводу о незаконности состава суда кассационной инстанции и отменила кассационное определение с направлением дела на новое рассмотрение иным составом (определение ВС РФ от 30.05.2023 по делу № 56-УД23-8-К9). ■

Приведенные в рубрике судебные решения не являются официальной позицией Верховного Суда РФ по рассмотренным в них вопросам. Источником официальной позиции по вопросам применения норм УК и УПК РФ служат только постановления Пленума ВС РФ и обзоры судебной практики, утвержденные Президиумом ВС РФ, опубликованные в «Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации» и на сайте vsrf.ru.

Дайджест подготовила Анна Михайлова на Балибекова, юрист (Санкт-Петербург)

Дайджест практики по уголовным делам кассационных судов общей юрисдикции

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- Какую ошибку допустил суд, когда изменил категорию преступления, а затем прекратил дело за примирением
- Какие недостатки в приговоре, связанные с описанием самодельного транспортного средства, стали основанием возврата прокурору дела о повторном пьянстве за рулем

Вопросы уголовного права

Суд ошибся, когда перед прекращением уголовного дела за примирением сторон изменил категорию преступления на менее тяжкую

Суд прекратил уголовное дело в отношении З., обвиняемой в краже с банковского счета потерпевшего (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК), на основании ст. 76 УК в связи с примирением сторон. До этого решения суд удовлетворил ходатайство потерпевшего и его представителя, поддержанное гособвинителем и осужденным, об изменении категории преступления по делу в отношении З. с тяжкого преступления на преступление средней тяжести.

Принимая постановление о прекращении уголовного дела, суд не учел, что в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК суд вправе изменить категорию преступления на менее тяжкую, если за совершение преступления осужденному назначено наказание. Согласно правовой позиции, изложенной в п. 5, 8 поста-

новления Пленума ВС РФ от 15.05.2018 № 10, вопрос об изменении категории преступления на менее тяжкую суд разрешает при вынесении обвинительного приговора. Изменение категории преступления возможно только после того, как осужденному назначено наказание с учетом предусмотренных УК правил назначения наказания, при условии, что вид и срок назначенного наказания отвечают требованиям ч. 6 ст. 15 УК. Кассация отменила постановление суда и передала уголовное дело на новое рассмотрение¹.

Вопросы уголовного процесса

Кассация исключила решение суда о взыскании с осужденного расходов на производство товароведческой экспертизы негосударственным экспертом

Суд признал Д. виновным в краже, совершенной с незаконным проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК). Суд взыскал с осужденного процессуальные издержки,

связанные с проведением по делу товароведческой судебной экспертизы.

Производство товароведческой экспертизы по уголовному делу в отношении Д. на основании постановления следователя было поручено эксперту «ИП А», то есть негосударственного экспертного учреждения. Однако мотивы, по которым производство данной экспертизы не могло быть поручено государственному судебно-экспертному учреждению, следователь в постановлении о назначении экспертизы не привел. Суд этот вопрос также не выяснил.

Между тем взыскание с осужденного процессуальных издержек, связанных с проведением этой экспертизы, обусловлено именно тем, что она назначена и проведена в негосударственном учреждении. Производство экспертизы в государственном учреждении не давало оснований для взыскания с осужденного соответствующих расходов.

По смыслу ст. 132 УПК, с учетом разъяснений, содержащихся в п. 3 постановления Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 42, в состав процессуальных издержек не входят суммы, израсходованные на производство судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях (экспертных подразделениях), поскольку их деятельность финансируется за счет средств федерального бюджета или бюджетов субъектов Российской Федерации. Согласно п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2010 № 28 при невозможности производства экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем определенную территорию, производство экспертизы может быть поручено государственным судебно-экспертным учреждениям, обслуживающим другие территории, негосударственному судебно-экспертному

учреждению или лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении. Кассация решила, что назначение товароведческой экспертизы в «ИП А» было немотивированным, и исключила из приговора решение о взыскании с осужденного процессуальных издержек на производство экспертизы².

Кассация отменила приговор по делу о повторном пьянстве за рулем, указав, что обвинение не установило вид самодельного транспортного средства, которым управлял обвиняемый

Дознаватель предъявил У. обвинение в управлении скутером в состоянии опьянения, при том что У. имел административное наказание за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст. 264.1 УК). Суд рассмотрел уголовное дело в отношении У. в особом порядке ввиду согласия обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК).

По жалобе на суровость назначенного наказания кассационный суд отменил приговор, выйдя за пределы доводов жалобы. Кассация напомнила, что лицо может быть привлечено к ответственности по ст. 264.1 УК при доказанности в том числе управления механическим транспортным средством в состоянии, указанном в данной норме уголовного закона. Согласно п. 1.2 ПДД механическое транспортное средство — транспортное средство, приводимое в движение двигателем. Термин распространяется также на любые тракторы и самоходные машины.

В качестве доказательств отнесения средства передвижения, на котором следовал У., к механическим транспортным сред-

1 Обзор судебной практики по уголовным делам Восьмого КСОЮ № 1 (2023) от 14.04.2023 // 8kas.sudrf.ru.

2 Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Девятого КСОЮ за второе полугодие 2022 года от 03.03.2023 // 9kas.sudrf.ru.

ствам обвинение представило в том числе показания самого У. Обвиняемый показал, что он сам собрал скутер, который имеет двигатель объемом более 50 кубических метров, колеса, корпус. На учет в органах ГИБДД собранный им скутер он не ставил, так как у него не было подтверждающих происхождение транспортного средства документов.

По мнению кассации, суд первой инстанции оставил без внимания, что средство, на котором передвигался У., собрано из различных деталей. Это не позволяло без дополнительной проверки применить характеристики средства, имеющего тождественное наименование (скутер), к тому средству передвижения, которое создал У., равно как и оценить объем двигателя, известный только со слов осужденного.

Дознание не допросило У. на предмет того, составляли ли двигатель собранного им средства передвижения и картер, номер которого фигурировал в материалах дела, единый механизм, либо он сам приискал их и самостоятельно соединил эти детали.

Дознание также не привлекло к делу специалиста, обладающего необходимыми познаниями, чтобы выяснить технические характеристики созданного У. транспортного средства.

Кассация посчитала, что допущенные нарушения являлись основанием для возвращения уголовного дела прокурору вне зависимости от мнения сторон и заявленных ходатайств³.

Суд не обосновал размер причиненного ущерба по делу о краже ювелирных изделий

Суд признал Т. и С. виновными в краже ювелирных изделий группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в жилище с причинением значительного ущерба потерпевшим (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК).

Кассация отменила судебные акты. В суде первой инстанции потерпевшие заявили, что часть похищенного они позже нашли в доме. В подтверждение этого они представили в судебное заседание фотографии найденных ювелирных изделий. Отвергая довод потерпевших, суд посчитал его ничем не подтвержденным, поскольку сами предметы на обозрение потерпевшие не представили, идентичность ксерокопии фотографий похищенным украшениям не установлена.

По мнению кассации, выводы суда не отвечали требованиям УПК о надлежащей оценке доказательств. Просьб представить найденные ювелирные изделия на обозрение в судебном заседании ни суд, ни другие участники процесса не высказывали. Не признав фото изделий недопустимыми доказательствами или неотносимыми к делу, суд отверг их в приговоре со ссылкой только на недоверие фотографиям. Фактически суд лишил стороны возможности подтвердить или опровергнуть заявленное потерпевшими.

Кроме того, указывая на неустановление идентичности фотографии найденных ювелирных изделий похищенному, суд не учел, что в деле вообще не было подробного описания похищенных предметов, позволяющего установить их идентичность изделиям, найденным потерпевшими, даже при условии их обозрения в суде.

То, каким образом суд установил предмет хищения, его свойства, характеристики и стоимость, из приговора не следовало, что являлось нарушением положений ст. 307 УПК. Суд установил стоимость похищенных изделий со слов потерпевших, данных в ходе предварительного следствия. Однако не оценил их заявления о том, что эта стоимость была указана на новые изделия, без учета их износа и реальной стоимости на момент похищения.

Потерпевшие, как сторона обвинения, отказались от значительности причиненно-

го им ущерба. Однако суд установил факт причинения им значительного ущерба, исходя из стоимости похищенного имущества, не оценив имущественного положения потерпевших, реальной стоимости похищенного имущества на момент хищения, его значимости для потерпевших, размера заработной платы, пенсии, наличия у потерпевших иждивенцев, совокупного дохода членов семьи, с которыми они ведут совместное хозяйство, как того требует п. 24 постановления Пленума ВС РФ от 27.12.2002 № 29.

Наконец, в приговоре отсутствовала ссылка на какие-либо товароведческие экспертизы, устанавливающие размер ущерба, в основу приговора они положены не были⁴.

Суд незаконно отказал в рассмотрении в порядке статьи 125 УПК жалобы обвиняемого, который указал в ней на совершенное при расследовании дела преступление

А. обратился в суд с жалобой в порядке ст. 125 УПК о признании незаконными действий должностного лица СО СК России, который отказал заявителю в регистрации его сообщения о совершении преступления при расследовании в отношении него уголовного дела. В жалобе А. просил суд первой инстанции истребовать указанный ответ должностного лица.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали заявителю А. в принятии данной жалобы ввиду отсутствия предмета обжалования. Свое решение суд первой инстанции мотивировал тем, что не подлежат обжалованию в порядке ст. 125 УПК действия (бездействие) и решения, проверка законности и обоснованности которых относится

к исключительной компетенции суда, рассматривающего уголовное дело по существу.

Между тем в силу п. 2 постановления Пленума ВС РФ от 10.02.2009 № 1 к затрудняющим доступ граждан к правосудию следует относить такие действия (бездействие) либо решения должностных лиц, ограничивающие права граждан на участие в досудебном производстве по уголовному делу, которые создают гражданину препятствие для дальнейшего обращения за судебной защитой. К ним относятся, например, отказ в признании лица потерпевшим, отказ в приеме сообщения о преступлении либо бездействие при проверке этих сообщений и др.

Нарушение порядка приема сообщения о преступлении либо бездействие при проверке этого сообщения, по смыслу закона, относятся к действиям, затрудняющим доступ граждан к правосудию.

Выводы судов о том, что жалоба А. не содержала предмета обжалования, определенного ст. 125 УПК, ограничивали права данного лица и создали препятствие для дальнейшего обращения за судебной защитой. Кассация отменила судебные акты нижестоящих инстанций, направила материал на новое рассмотрение⁵. ■

Приведенные в рубрике судебные решения не являются официальной позицией Верховного Суда РФ по рассмотренным в них вопросам. Источником официальной позиции по вопросам применения норм УК и УПК РФ служат только постановления Пленума ВС РФ и обзоры судебной практики, утвержденные Президиумом ВС РФ, опубликованные в «Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации» и на сайте vsrf.ru.

Дайджест подготовила Анна Михайловна Балибекова, юрист (Санкт-Петербург)

3 Обобщение судебной практики Седьмого КСОЮ за второе полугодие 2022 года от 17.03.2023 // 7kas.sudrf.ru.

4 Обзор судебной практики по уголовным делам Восьмого КСОЮ № 2 (2022) от 12.12.2022 // 8kas.sudrf.ru.

5 Обобщение судебной практики Шестого КСОЮ по рассмотрению уголовных дел и материалов за второе полугодие 2022 года // 6kas.sudrf.ru.

Обзор дисциплинарной практики адвокатских палат

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- **За какое содержание адвокатского запроса адвокат получил предупреждение**
- **Почему адвокату не помог вернуть статус факт прекращения уголовного дела о посредничестве во взятке ввиду активной помощи в изобличении взяточполучателя**
- **Какие сведения представила палата, чтобы доказать отсутствие адвоката на допросе ее подзащитного**

Суды подтвердили правомерность предупреждения адвокату, который в своем запросе требовал прекратить трудовой договор с процессуальным оппонентом доверителя

Совет Адвокатской палаты Московской области (далее — АПМО) вынес адвокату Б. предупреждение. Основанием для наказания адвоката стало то, что в своем адвокатском запросе, поступившем в адрес руководителя Московского Губернского колледжа искусств, адвокат Б. сообщил о привлечении процессуального оппонента доверителя к уголовной ответственности и потребовал от колледжа прекратить с ним трудовой договор. Квалификационная комиссия и Совет палаты решили, что такой адвокатский запрос не соответствует требованиям, предъявляемым к содержанию запроса. Адвокат нарушил п. 1 ст. 6.1, подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатуре), п. 2 ст. 5, п. 2 ст. 8, п. 1 ст. 10 КПЭА.

Адвокат Б. не согласился с решением Совета палаты и обжаловал его в суд, но суды первой и апелляционной инстанций отказали адвокату в иске. Во-первых, суды не усмотрели нарушений процедуры привлечения адвоката Б. к дисциплинарной ответственности. В своем решении апелляция отметила, что доводы адвоката Б. о том, «что первый вице-президент не вправе направлять представление о возбуждении дисциплинарного производства в адвокатскую палату, не основаны на законе, в частности противоречат подп. 2 п. 1 ст. 20 КПЭА». Во-вторых, суды согласились с выводом Квалификационной комиссии АПМО о том, что направленный адвокатом запрос ни по форме, ни по содержанию не соответствует требованиям ст. 6.1 Закона об адвокатуре.

Как отметил суд первой инстанции в своем решении, «вопреки правовому смыслу данного института (адвокатского запроса — прим. «УП»), текст адвокатского запроса направлен не столько на получение от адресата информации, сколько на сообщение определенных порочащих сведений и оказание

давления, побуждающего к действиям в желательном адвокату ключе, неблагоприятном для лица, в отношении которого сообщаются дискредитирующие сведения» (решение Лефортовского районного суда г. Москвы от 08.12.2022 по делу № 2-5193/2022, апелляционное определение Московского городского суда от 12.05.2023 по делу № 33-19007/2023).

Адвокат лишился статуса за участие в коррупционной схеме

В адвокатскую палату Свердловской области (далее — АПСО) 18.12.2022 с жалобой в отношении адвоката К. обратился заявитель А. В жалобе он указал, что 04.05.2021 его (А.) задержали сотрудники полиции и поместили в камеру для административно задержанных ОП № 5 УМВД России по г. Екатеринбург. На следующий день 05.05.2021 к нему пришел адвокат К., с которым он не заключал соглашения на защиту. По мнению заявителя, адвокат К., действуя в интересах сотрудников правоохранительных органов и в нарушение порядка и правил назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, навязал ему свои услуги, обещая за взятку в размере 100 тыс. руб. решить все проблемы. Тогда А. понял, что адвокат К. пришел к нему по инициативе полицейских и действует в их интересах как посредник.

По словам А., он вынужденно согласился на условия, предложенные адвокатом, и под давлением адвоката К. подтвердил ранее данные объяснения, которые в протоколе допроса были зафиксированы как признательные показания. Эти показания не соответствовали действительности и в дальнейшем он от них отказался. Как отметил А., адвокат К. участвовал в деле как защитник лишь формально, действовал вопреки воле А. в своих корыстных интересах, не оказывая квалифицированной юридической помощи.

Впоследствии за получение взятки через посредника, адвоката К., был осужден Д.В., а уголовное дело в отношении адвоката К. по п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК «Посредничество во взяточничестве» было прекращено по примечанию к ст. 291.1 УК — ввиду того, что адвокат активно способствовал раскрытию и (или) пресечению преступления и добровольно сообщил о совершенном преступлении. Адвокат К., в частности, участвовал в оперативном эксперименте по передаче взятки непосредственно Д.В. Однако постановление о прекращении дела в отношении адвоката К. отменила апелляционная инстанция.

По итогам рассмотрения жалобы Квалификационная комиссия АПСО вынесла заключение о наличии в действиях адвоката К. умышленного нарушения подп. 1, 4, п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и п. 1 ст. 4, п. 1, 2, 3 ст. 5, подп. 1, 2, 9 п. 1 ст. 9, п. 6 ст. 15 КПЭА. Совет АПСО решением от 02.03.2023 прекратил статус адвоката К.

Бывший адвокат обжаловал данное решение в судебном порядке, но суд отказал в удовлетворении его исковых требований. Среди прочего суд сослался на вступивший в законную силу приговор в отношении Д.В. Согласно приговору суда, Д.В., занимая должность начальника отделения Отдела по контролю за оборотом наркотиков УМВД по г. Екатеринбург, получил взятку через посредника, адвоката К., в сумме 100 тыс. руб. за бездействие в интересах взяткодателя.

Суд указал, что, «участвуя в совершении преступления, адвокат К. позиционировал себя как адвокат и защитник. То обстоятельство, что А. обратился к компетентным органам, сообщив о противоправных предложениях адвоката, не снижает уровень негативных последствий для престижа адвокатского сообщества» (решение Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 18.05.2023 по делу № 2-3035/2023).

Палата лишила статуса адвоката за неучастие в следственном действии

Совет Адвокатской палаты Архангельской области (далее — АПАО) решением от 12.05.2022 лишил адвоката Г. статуса за нарушение подп. 3 п. 6 ст. 18 КПЭА. Палата нашла доказанными сведения из жалобы бывшего доверителя адвоката С. о том, что «его допрос в качестве подозреваемого фактически не проводился, адвокат подписала протокол, не читая. Суть ее участия в процессуальных действиях сводилась лишь к номинальному минутному присутствию и проставлению подписи в протоколах допроса и явки с повинной».

Бывший адвокат Г. обжаловала данное решение в судебном порядке. В иске она указала, что ее бывший подзащитный П. указал в своей жалобе не соответствующие действительности сведения.

Суд выяснил, что, согласно ордеру, адвокат Г. защищала П. в рамках уголовного дела, находящегося в производстве ВСО СК России по П-му гарнизону по назначению следователя. Уголовное дело по ч. 1 ст. 159 УК в отношении П. было возбуждено 27.10.2021 в 14 ч. 50 мин. Согласно предоставленной адвокатом Г. детализации ее телефонных соединений, показаниям следователя В. и показаниям Г., данным в судебном заседании, ей (Г.) позвонили в 14 ч. 58 мин. и пригласили для защиты П. После чего она прибыла в военно-следственный отдел.

Согласно предоставленным самим П. пояснениям и копиям детализаций абонента П. за 27.10.2021, он, после поступивших ему звонков, в 13 ч. 56 мин. прибыл к зданию следственного отдела. Там в отсутствие адвоката Г. на протяжении около одного часа, по предложению следователя, он (П.) собственноручно переписал с предоставленной следователем явки с повинной от имени другого лица текст явки с повинной от своего имени, а также подписал несколько

других документов, содержание которых не помнил. Факт нахождения П. в здании следственного отдела в течение часа до прибытия адвоката Г. (в период с 14 до 15 часов) подтверждался детализацией телефонных соединений, предоставленной адвокатом Г. Согласно записи в протоколе допроса П. в качестве подозреваемого, допрос был начат в 15 ч. 00 мин., то есть через две минуты после обращения следователя (14:58:14) к адвокату Г. для ее участия в следственных действиях и через одну минуту после окончания телефонного разговора следователя с адвокатом Г. С учетом таких обстоятельств у защитника — адвоката Г. — действительно, отсутствовала реальная возможность лично присутствовать при написании П. явки с повинной до допроса в качестве подозреваемого. За две минуты адвокат Г. не могла ознакомиться с документами, провести беседу с подозреваемым, обсудить и согласовать позицию с подзащитным.

Суд также не принял во внимание доводы Г. о том, что она участвовала в допросе П. в следственном органе с 15 ч. 00 мин. до 15 ч. 45 мин.

В соответствии с представленным АПАО в дело протоколом судебного заседания Мирненского городского суда от 27.10.2021 в 15 ч. 30 мин. Г. участвовала в судебном заседании в качестве защитника по уголовному делу в отношении Н. На запрос АПАО из Мирненского городского суда поступил ответ, из которого следовало, что адвокат Г. не приносила замечания на протокол судебного заседания по уголовному делу Н. в части исправления времени его возобновления после перерыва с 15 ч. 30 мин. на иное время.

При этом доводы Г., что фактически судебное заседание по делу Н., в котором она участвовала, началось после перерыва в 15 ч. 43 мин., не могли, по мнению суда, опровергнуть тот факт, что она ненадлежащим образом оказывала помощь подозреваемому.

мому П., так как допрос П. длился с 15 ч. 00 мин. до 15 ч. 45 мин. Из этого следовало, что Г. не присутствовала на протяжении всего допроса П.

В итоге суд отклонил жалобу адвоката на решение Совета палаты (решение Октябрьского районного суда г. Архангельска от 05.04.2023 по делу № 2-885/2023).

Адвокат получил предупреждение за игнорирование требований к повышению квалификации

Адвокат Ю. обратился в суд с иском к Адвокатской палате Республики Дагестан (далее — АПРД) о признании незаконным решения Совета палаты о применении к нему меры дисциплинарного взыскания в виде замечания. В иске адвокат Ю. указал, что при вынесения указанного решения Совет АПРД не учел наличие у него 45-летнего юридического стажа, звание Ветерана труда, неоднократных поощрений за добросовестную работу, почетных грамот Адвокатской палаты РФ, РД, наградений медалями, а также отсутствие фактов привлечения к дисциплинарной ответственности.

Также Ю. указал, что он всегда в курсе нового российского законодательства, регулярно читает бюллетень судебной практики, ведет общественную юридическую работу в рамках созданной им гильдии Дагестанских адвокатов. Наконец адвокат обратил внимание на то, что на его иждивении находится его престарелая мать, поэтому он не смог участвовать в вебинарах, проводимых раз в месяц Федеральной палатой РФ.

Однако суды первой и апелляционной инстанций отказали Ю. в удовлетворении его исковых требований. В силу положений п. 3 ч. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и п. 3 ст. 8 КПЭА адвокат обязан постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном ФПА РФ и адвокатскими палатами субъектов РФ.

В соответствии с п. 13 Стандарта профессионального обучения и повышения профессионального уровня адвокатов и стажеров адвокатов, утвержденного Девятым Всероссийским съездом адвокатов, адвокаты со стажем менее трех лет должны ежегодно повышать профессиональный уровень в количестве не менее 40 академических часов. Адвокаты со стажем более трех лет должны ежегодно повышать профессиональный уровень в количестве не менее 30 академических часов. Адвокатские палаты субъектов РФ вправе увеличить минимальное количество часов повышения адвокатами своего профессионального уровня в год, но не более чем до 60 академических часов.

Как указали суды, согласно электронному журналу учета количества часов повышения квалификации адвокатов АПРД, адвокат Ю. за 2021 год не подтвердил участие в повышении квалификации в количестве не менее 30 академических часов по видам и формам, предусмотренным вышеуказанными локальными актами.

Это является грубым нарушением норм, а также свидетельствует о системном неисполнении адвокатом обязанности, предусмотренной п. 3 ч. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре (апелляционное определение Верховного суда Республики Дагестан от 19.04.2023 по делу № 33-3165/2023). ■

Обзор практики содержит авторскую подборку решений адвокатских палат о привлечении адвокатов к дисциплинарной ответственности, а также судебных решений, связанных с дисциплинарным судопроизводством, и не отражает официальную позицию Федеральной палаты адвокатов РФ по вопросам соблюдения Кодекса профессиональной этики адвоката и Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве.

*Обзор подготовил **Владимир Александрович Виноградов**, старший преподаватель юридического факультета РГПУ им. А.И. Герцена*

Елена Владимировна Пейсикова, к. ю. н., доцент, судья Верховного Суда РФ

Сергей Викторович Борисов, д. ю. н., доцент, советник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства
Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики ВС РФ

Артем Олегович Полищук, главный консультант отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства
Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики ВС РФ

Преступления против представителей власти и посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Позиции Пленума ВС РФ

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- Кто признается потерпевшим по уголовным делам о преступлениях по статьям 317 и 318 УК
- Что понимается под посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего
- Как отграничивать посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего от применения к ним насилия, опасного для жизни

В постановлении Пленума ВС РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного

кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление № 14) разъяснены отдельные вопросы судебной практики по уголовным делам о посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК), при-

менении насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК) и его публичном оскорблении (ст. 319 УК).

Согласно данным Судебного департамента при ВС РФ в 2020 году за данные преступления по основной и дополнительной квалификации было осуждено 16 402 лица, в 2021 году — 15 909 лиц, в 2022 году — 14 526 лиц, из которых 28 лиц — по ст. 317 УК, 8586 лиц — по ст. 318 УК (7940 лиц — по ч. 1 и 646 лиц — по ч. 2 ст. 318 УК), 5912 лиц — по ст. 319 УК. Как видим, судимость за данные преступления в последние три года уменьшается.

Далее коснемся ключевых разъяснений Пленума ВС РФ, изложенных в Постановлении № 14.

Потерпевшие от преступлений

В п. 1 Постановления № 14 Пленум ВС РФ привел перечень нормативных актов, которые нужно учитывать при рассмотрении вопроса о том, является ли лицо, в отношении которого совершено преступление, сотрудником правоохранительного органа или представителем власти. При этом в п. 2, 3 и 4 Постановления № 14 Пленум конкретизировал понятия потерпевших от преступлений, предусмотренных статьями 317, 318 и 319 УК, с акцентом на понятиях сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего и их близких.

Так, в п. 2 подчеркивается, что по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317–319 УК, необходимо устанавливать, сотрудником какого именно правоохранительного или контролирующего органа являлся потерпевший либо в каком именно государственном органе или организации проходило военную службу это лицо. Также следствие и суд должны устанавливать содержание полномочий лица либо обстоятельства, подтверждающие, что потерпевший являлся близким сотрудника (должностного лица) соответствующе-

го правоохранительного, контролирующего органа или военнослужащего.

В абз. 2 п. 2 Постановления № 14 указаны отдельные правоохранительные органы. В п. 3 применительно к ст. 317 УК разъяснены понятия сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, в отношении которых может быть совершено данное преступление. При этом отмечено, что к сотрудникам правоохранительных органов могут быть отнесены как должностные лица, так и не являющиеся должностными лицами иные государственные служащие этих органов, наделенные полномочиями по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Пункт 4 Постановления № 14 посвящен раскрытию понятия близких лиц, посягательство на жизнь которых при определенных условиях квалифицируется по ст. 317–318 УК. Здесь приведено устоявшееся определение таких лиц, в частности закрепленное в п. 4 ст. 5 УПК и в абз. 3 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

Понятие посягательства на жизнь в статье 317 УК

В п. 5 Постановления № 14 разъяснено, что под посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, а равно их близких, предусмотренным ст. 317 УК, признается как убийство этих лиц, так и покушение на их жизнь.

При этом в рамках квалификации содеянного не требуется ссылаться на ч. 3 ст. 30 УК, а также применять ст. 105 УК. При подготовке данного пункта были учтены разъяснения, содержащиеся в п. 5 утратившего силу постановления Пленума Верховного Суда СССР от 22.09.1989 № 9, а также в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1.

Приготовление к посягательству на жизнь и ограничение от применения насилия

В п. 6 Постановления № 14 приведены разъяснения, касающиеся содержания и квалификации приготовления к посягательству на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких (ст. 317 УК). Под приготовлением понимаются действия, когда лицо, умышленно создавшее условия для совершения этого преступления, не смогло приступить к выполнению действий, непосредственно направленных на причинение смерти потерпевшему, по независящим от этого лица обстоятельствам. Такие действия подлежат квалификации по ст. 317 УК со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК (приговор Южного военного суда от 14.04.2021 по делу № 1-7/2021).

Пункт 7 Постановления № 14 посвящен вопросу ограничения посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, а равно их близких, не повлекшего причинения им смерти по независящим от лица обстоятельствам, от применения насилия, опасного для жизни данных лиц (ч. 2 ст. 318 УК). Такое ограничение необходимо проводить с учетом умысла виновного, который определяется на основе совокупности всех обстоятельств содеянного, в частности способа и орудий совершения преступления, количества, характера и локализации телесных повреждений, а также предшествующего преступлению и последующего поведения данного лица. Эти разъяснения согласованы с содержанием п. 3 постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1, касающегося разрешения сходного вопроса при квалификации убийства.

из практики. По приговору Новосибирского областного суда от 21.21.2020 (по делу № 2-031/2020) Г. был осужден по ст. 317 УК.

Согласно приговору, признанные потерпевшими инспектор и сотрудник полиции прибыли в подъезд жилого дома в связи с поступившим сообщением о признаках правонарушения. При проверке личности Г. и выяснении обстоятельств нахождения последнего в вечернее время в подъезде дома, в котором тот не проживал, Г., намереваясь причинить смерть каждому из полицейских, нанес им удары ножом в шею, лицо, голову, руку. В результате действий Г. потерпевшие получили средней тяжести и тяжкий вред здоровью. Вместе с тем их смерть не наступила по независящим от Г. обстоятельствам, так как сотрудники полиции, применив табельное оружие, пресекли его противоправные действия. Кроме того, потерпевшим была своевременно оказана медицинская помощь. Действия Г. суд квалифицировал по ст. 317 УК, а не по ч. 2 ст. 318 УК¹.

Обязательное условие квалификации действий по статье 317 УК

В п. 8 Постановления № 14 Пленум ВС РФ разъяснил, что обязательное условие квалификации преступления по ст. 317 УК — совершение деяния с целью воспрепятствования законной деятельности сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо по мотиву мести за такую деятельность. При этом цель может заключаться в стремлении виновного прекратить или не допустить законное осуществление потерпевшим охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности. В подавляющем большинстве случаев посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа происходит с целью воспрепятствования его законной деятельности, в том числе в ходе оказания сопротивления при задержании во время совершения преступления.

В п. 9 Постановления № 14 содержится понятие законной деятельности сотрудника

правоохранительного органа или военнослужащего по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, в связи с которой совершается преступление по ст. 317 УК. Такая деятельность должна быть не только предусмотрена законом, но еще и находиться в пределах полномочий соответствующего лица. При этом Пленум ВС РФ напомнил, что если посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего или их близких совершено из мести на почве личных неприязненных отношений, то такое деяние квалифицируется как преступление против личности.

Нужно обратить внимание на п. 13 Постановления № 14, в котором Пленум ВС РФ оставил без изменения подход к квалификации действий лица, когда насильственное посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, представителя власти и их близких было реакцией обвиняемого на незаконные действия указанных потерпевших. В этих случаях деяние квалифицируется как преступление против личности, если незаконный характер деятельности, послужившей поводом для посягательства, был явным, то есть очевидным для виновного лица, и не был связан с какими-либо формальными нарушениями со стороны потерпевших.

Понятие представителя власти

В п. 10 Постановления № 14 Пленум ВС РФ привел разъяснение относительно понятия представителя власти как потерпевшего от применения насилия, угрозы его применения либо публичного оскорбления в статьях 318 и 319 УК. При этом учтено определение представителя власти, содержащееся в примечании к ст. 318 УК. Также указано, что при квалификации содеянного

по ст. 318 или ст. 319 УК необходимо выяснить, является ли соответствующий сотрудник правоохранительного или контролирующего органа представителем власти либо наделено ли в установленном законом порядке иное должностное лицо распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. Такое должностное лицо может выполнять функцию представителя власти не только в органах государственной власти или органах местного самоуправления, но и в других организациях. В частности, в госучреждениях, если оно в установленном порядке наделено соответствующими полномочиями.

В п. 11 Постановления № 14 раскрыто понятие представителя власти в части, касающейся должностного лица контролирующего органа. Здесь Пленум ВС РФ обратил внимание на необходимость руководствоваться нормами Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». В частности, ст. 1, 26, 27 этого закона, которые определяют понятия государственного контроля (надзора), муниципального контроля, контрольных (надзорных) органов и их должностных лиц.

Объективная сторона преступлений, предусмотренных статьями 318 и 319 УК

В п. 12 Постановления № 14 подчеркивается, что по ст. 318 или по ст. 319 УК может быть квалифицировано только такое преступное деяние, которое совершено в связи с законным исполнением представителем власти своих должностных обязанностей. При этом Пленум ВС РФ указал, что по смыслу ст. 319 УК публичное оскорбление пред-

1 Здесь и далее приведены примеры, содержащиеся в Справке по результатам изучения практики рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 317–319 Уголовного кодекса РФ, подготовленной отделом систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики ВС РФ в 2022 году.

ставителя власти может быть совершено как в связи с его законной служебной деятельностью, так и непосредственно во время законного исполнения им своих должностных обязанностей.

В п. 14 раскрыты понятия насилия, не представляющего и представляющего опасность для жизни или здоровья потерпевшего, указанного в ст. 318 УК. Пленум учел аналогичные разъяснения, содержащиеся в п. 21 постановления Пленума ВС РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Кроме того, в этом же п. 14 для применения ч. 1 ст. 318 УК Пленум ВС РФ указал, что под угрозой следует понимать высказывания или иные действия лица, свидетельствующие о его намерении применить к потерпевшему любое физическое насилие, когда такая угроза воспринималась потерпевшим как реальная. Признак реальности угрозы в диспозиции ч. 1 ст. 318 УК не указан, однако устойчиво учитывается в судебной практике.

ИЗ ПРАКТИКИ. Биробиджанский районный суд Еврейской автономной области приговором от 30.03.2021 по делу № 1-60/2021 осудил А. по ч. 1 ст. 318 УК. Суд указал, что А. незаконно охотился без надлежащего на то разрешения. В целях проверки информации о выстрелах государственного инспектора по охране диких животных выехал на место, потребовал от А. представить разрешающие документы на оружие. В ответ на законное требование представителя власти А., имея при себе охотничий карабин, высказал угрозу применения насилия, произнеся фразу: «Сейчас развернусь и выстрелю». При этом А. повернулся к инспектору, удерживая карабин при себе. Высказанную угрозу инспектор воспринял как реальную и опасался ее осуществления.

В п. 15 Постановления № 14 Пленум ВС РФ указал типичные последствия, наступающие на практике в результате при-

менения насилия в отношении представителя власти или его близких. Они состоят в умышленном причинении потерпевшему легкого или средней тяжести вреда здоровью, что охватывается ч. 2 ст. 318 УК и не требует дополнительной квалификации по ст. 115 или ст. 112 УК.

Разграничение деяний, предусмотренных статьями 317 и 295 УК

В п. 16 Постановления № 14 Пленум ВС РФ разъяснил, что при совершении посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа или его близких при рассмотрении дел или материалов в суде, производстве предварительного расследования либо при исполнении приговора (или иного судебного акта), в целях воспрепятствования законной деятельности данного сотрудника или из места за такую деятельность, содеянное квалифицируется не по ст. 317 УК, а по ст. 295 УК «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование», то есть как преступление против правосудия.

Понятие оскорбления представителя власти

В п. 17 Постановления № 14 Пленум ВС РФ раскрыл содержание оскорбления представителя власти, предусмотренного ст. 319 УК. Под оскорблением следует понимать публичное унижение чести и достоинства представителя власти, затрагивающее его личностные и (или) профессиональные (служебные) качества, совершенное при исполнении или в связи с исполнением потерпевшим своих должностных обязанностей и выраженное в неприличной или в иной форме, унижающей честь и достоинство потерпевшего.

Отметим, что в диспозиции ст. 319 УК указание на форму оскорбления представителя власти отсутствует, вместе с тем уточнение относительно двух возможных форм

оскорбления, сделанное Пленумом на основе обобщения сложившейся судебной практики применения данной нормы, способствует ее единообразному истолкованию и более полной уголовно-правовой охране порядка управления, чести и достоинства представителей власти, поскольку в ряде случаев внешнее выражение публичных действий, фактически имеющих оскорбительный характер, нельзя однозначно признать неприличным. Тем не менее такие действия, как, например, срывание погон или форменного головного убора, совершенные публично, фактически унижают честь и достоинство потерпевшего, обладают общественной опасностью и не должны выпадать из сферы действия уголовного закона.

При подготовке п. 17 Постановления № 14 Пленум принял во внимание содержание п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

Публичность оскорбления представителя власти

В п. 18 Постановления № 14 Пленум ВС РФ описал понятие публичного способа оскорбления, которое учитывает содержание п. 4 и п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». При этом подчеркивается, что вопрос о публичности оскорбительных действий необходимо разрешать с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела.

Публичное оскорбление представителей власти преимущественно имеет место в общественных местах, в присутствии других граждан в ходе исполнения потерпевшими своих служебных обязанностей или непосредственно после их исполнения. Есть примеры совершения данного преступления с использованием интернета.

ИЗ ПРАКТИКИ. Мировой судья Косланского судебного участка Удорского района Республики Коми приговором от 30.09.2020 по делу № 1-15/2020 осудил Ф. по ст. 319 УК. Как установил суд, Ф. в открытой группе «Комитет спасения Печоры» в социальной сети «ВКонтакте» разместил под фотографией с изображением сотрудника полиции М. в форменном обмундировании в момент исполнения ею должностных обязанностей комментарий, содержащий оскорбительное высказывание и негативную характеристику М. в неприличной форме.

Разграничение деяний по статьям 318, 319 УК от деяний по статье 296 УК

В п. 19 Постановления № 14 Пленум ВС РФ привел обстоятельства, при которых действия, состоящие в применении насилия, угрозе убийством или причинением вреда здоровью (ст. 318 УК), а равно в публичном оскорблении представителя власти (ст. 319 УК), квалифицируются как преступления против правосудия по ст. 296 или ст. 297 УК либо как сходное преступление против порядка управления, предусмотренное ч. 2 или ч. 3 ст. 321 УК. Данные обстоятельства связаны с содержанием должностных обязанностей потерпевших и направленностью совершаемых против них противоправных действий.

ИЗ ПРАКТИКИ. Суд первой инстанции признал Е. виновным по ч. 1 ст. 318 УК. Деяние Е. состояло в том, что он нарисовал могильный холм с крестом, дополнил рисунок текстом с негативной оценкой судьи и направил в адрес суда письмо с угрозами в отношении судьи. Кассационная инстанция переквалифицировала действия Е. с ч. 1 ст. 318 УК на ч. 1 ст. 296 УК, признав их угрозой причинения вреда здоровью судьи, участвующего в отправлении правосудия. Кассация отметила, что Е. выразил указанную угрозу в отношении судьи, рассматривавшего иски заявленные осужденного. Тем самым

Е. нарушил интересы правосудия, охраняемые ч. 1 ст. 296 УК (определение Восьмого КСОЮ от 11.03.2020 по делу № 7У-2650/2020).

Публичное оскорбление в ходе или после применения насилия

В п. 20 Постановления № 14 Пленум ВС РФ дал разъяснение по вопросу о квалификации публичного оскорбления представителя власти, совершенного во время или после применения в отношении данного лица насилия или угрозы применения насилия. Такие действия квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 318 УК и ст. 319 УК. Эта позиция основана на различии дополнительных объектов указанных посягательств и содержания присущей им объективной стороны. Оскорбление не является ни формой применения насилия, ни угрозой его применения.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных статьями 317–319 УК

Пункты 21 и 22 Постановления № 14 посвящены особенностям субъективной стороны преступлений, предусмотренных статьями 317–319 УК.

Из п. 22 Постановления № 14 следует, что виновный должен осознавать направленность совершаемых им действий на потерпевшего. При этом следует исходить из совокупности обстоятельств, подтверждающих осведомленность лица о том, что потерпевший является сотрудником правоохранительного органа, военнослужащим или представителем власти. Например, наличие у потерпевшего форменной одежды, использование им специального транспорта, предъявление служебного удостоверения. Также уточнено, что при доказывании субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 317 УК, нужно выяснить, осознавало ли виновное лицо, что потерпевшим или близким ему лицом осуществляется дея-

тельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Ситуация, когда сотрудник правоохранительного органа действует вне служебного времени, приведена в п. 23 Постановления № 14. Пленум ВС РФ указал, что на отдельные категории сотрудников правоохранительных органов, например на сотрудников полиции, законом могут быть возложены исключительные по своему объему и характеру обязанности по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка. В связи с этим ответственность по ст. 317, ст. 318 или ст. 319 УК за посягательство на такого сотрудника или его близких наступает в том числе и в случаях осуществления им законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности вне рамок служебного времени.

из ПРАКТИКИ. Мировой судья судебного участка № 1 Октябрьского района г. Иркутска в приговоре от 06.08.2020 по делу № 1-11/2020 в отношении К. и В. установил, что старший оперуполномоченный отдела уголовного розыска Ц., не находившийся на службе, следовал на личном автотранспорте по одной из улиц. Он увидел идущих по проезжей части в состоянии алкогольного опьянения К. и В., мешавших нормальному движению транспорта. Ц., исполняя свои должностные обязанности, подошел к К. и В., представился им сотрудником полиции, предъявил служебное удостоверение и попросил покинуть проезжую часть. Однако данные лица в присутствии посторонних публично в грубой нецензурной форме совместно оскорбили Ц., а затем прибывшего по вызову сотрудника патрульно-постовой службы Х. Признав К. и В. виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 319 УК, суд отметил в приговоре, что потерпевший Ц. действовал в соответствии с положениями ст. 27 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».

Совершение преступления в отношении двух и более лиц

В п. 24 Постановления № 14 Пленум ВС РФ учел возможность совершения рассматриваемых преступлений в отношении двух или более лиц, в том числе когда содеянное представляет собой продолжаемое преступление. Пленум разъяснил, что по статьям 317–319 УК как одно преступление следует квалифицировать совершение соответствующих противоправных действий в отношении одного, двух или более потерпевших, указанных в данных статьях, если такие действия виновный предпринял одновременно либо с незначительным разрывом во времени, но они охватывались единым умыслом, и при этом ни за одно из данных действий оно ранее не было осуждено.

ИЗ ПРАКТИКИ. Кассационный суд изменил судебные решения и квалифицировал действия К. как одно преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 318 УК. Суд первой инстанции неверно признал совершенные К. насильственные действия в отношении Ю. — инспектора ДПС ГИБДД и полицейского (кинолога) Ж. как два самостоятельных преступления. Суд установил, что К. применил насилие с целью избе-

жать задержания и доставления в отдел полиции. Его действия были обусловлены единым умыслом и мотивом, совершены в одном месте и фактически одновременно, в связи с чем они не могут расцениваться как самостоятельные преступления в отношении каждого из потерпевших.

По другому уголовному делу С. был осужден по ч. 1 ст. 318 и ч. 2 ст. 318 УК за то, что, пытаясь скрыться от сотрудников полиции Р. и Д., управляя автомобилем, он нанес Р. удары рукой и на ходу протащил его за автомобилем и наехал на ногу Д. Эти действия С. суд квалифицировал как совокупность преступлений. Однако Забайкальский краевой суд апелляционным определением от 26.04.2021 по делу № 22-1034/2021 исключил из приговора указание об осуждении С. по ч. 1 ст. 318 УК, квалифицировал действия С. как одно преступление по ч. 2 ст. 318 УК.

В п. 25 Постановления № 14 Пленум указал, что, исходя из ч. 2 ст. 63 УК, обстоятельства, относящиеся к признакам составов преступлений, предусмотренных статьями 317, 318, 319 УК, нельзя повторно учитывать при назначении наказания (например, по обстоятельствам, указанным в п. «б» или п. «ж» ч. 1 ст. 63 УК). ■

ЗАПОМНИМ

- ✓ Публичное оскорбление представителя власти, совершенное во время или после применения в отношении данного лица насилия или угрозы применения насилия, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных частями 1 или 2 статьи 318 УК и статьей 319 УК
- ✓ Насильственные или оскорбительные действия, предусмотренные статьями 317, 318 или 319 УК, совершенные в отношении двух или более потерпевших, квалифицируются как одно преступление, если данные действия осуществлены одновременно либо в разное время, но охватывались единым умыслом лица, и при этом ни за одно из данных действий оно ранее не было осуждено

Елена Николаевна Карабанова, д. ю. н., заведующая отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера НИИ Университета прокуратуры РФ

Разграничения норм УК РФ о применении насилия в отношении представителя власти и в отношении участников процесса

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- Как соотносятся нормы статей 296 и 318 УК РФ
- В каких случаях насилие в отношении участника судебного заседания охватывается статьей 296 УК РФ

Применение насилия в отношении представителя власти является одним из наиболее распространенных преступлений, ежегодно по ст. 318 УК осуждается в среднем 7000 человек. Несмотря на обширную практику, применение этой статьи вызывает трудности. Постановление Пленума ВС РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление № 14) позволило разрешить

ряд дискуссионных вопросов и упорядочить правоприменительную практику. Вместе с тем разъяснения оставляют частные вопросы квалификации деяний. Один из таких вопросов связан с ограничением деяний по ст. 318 УК от применения насилия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК).

Позиция Пленума ВС РФ

В п. 19 Постановления № 14 Пленум ВС РФ справедливо отмечает, что в случаях, когда

действия, состоящие в применении насилия, угрозе убийством или причинении вреда здоровью в отношении представителя власти или его близких, осуществлены в связи с выполнением им должностных обязанностей, касающихся участия в рассмотрении дел или материалов в суде, производства предварительного расследования либо исполнения приговора, решения суда или иного судебного акта, содеянное признается преступлением, предусмотренным ст. 296 УК РФ.

Из этого следует, что ст. 318 и ст. 296 УК соотносятся как общая и специальная нормы, несмотря на то, что санкции за угрозу применением насилия и за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, более строгие в ст. 318 УК. Это обстоятельство обусловлено, скорее, различными подходами к законодательному конструированию ст. 296 и ст. 318 УК, а также погрешностями пенализации, а вовсе не привилегированностью составов ст. 296 УК. Например, в случае применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, санкция ч. 3 ст. 296 превосходит по строгости ч. 1 ст. 318 УК.

Ошибки обвинения

Приведенное разъяснение Пленума ВС РФ было необходимо судам ввиду того, что осужденные и их защитники часто в своих жалобах просят о переквалификации со ст. 318 на ст. 296 УК по причине меньшей строгости санкций последней. Кроме того, встречались случаи необоснованной квалификации применения насилия к представителю власти по общей норме при наличии признаков преступления, предусмотренного ст. 296 УК.

из ПРАКТИКИ. Так, Е., будучи недовольным процессом рассмотрения судьей его исковых заявлений, собственноручно выполнил на листке бумаги адресованные судье Канского городского суда Красноярского края рукописный текст и изображение могильного холмика с крестом. Следствие по уголовному делу установило,

что в этих записях содержалась негативная оценка судьи, а также вербальная агрессия в форме угрозы в адрес судьи. Также текст содержал негативную оценку в адрес лица, обозначенного как «Судья ФИО13», выраженную инвективой, относящейся к ненормативной лексике русского языка и употребляющейся в качестве ругательства, что является прямой угрозой, связанной с причинением насилия, вплоть до физического уничтожения, судье. Следствие квалифицировало деяние Е. по ч. 1 ст. 318 УК. Но суд кассационной инстанции обоснованно переквалифицировал действия осужденного на ч. 1 ст. 296 УК (определение Восьмого КСОЮ от 11.03.2020 № 77-289/2020).

В приведенном примере имеет место переквалификация на норму о менее тяжком преступлении. Намного сложнее исправить квалификационную ошибку, когда речь идет о применении насилия, не опасного для жизни или здоровья, ввиду уже отмеченных особенностей этих двух статей.

из ПРАКТИКИ. Так, подсудимый М.Е. во время судебного заседания бросил в государственного обвинителя И. бутылку с водой, причинив ей боль. Следствие неверно квалифицировало действия М.Е. по ч. 1 ст. 318 УК, поскольку они охватывались специальной нормой — ч. 3 ст. 296 УК. Однако в силу запрета на переквалификацию, ухудшающую положение осужденного, предъявление обвинения по более суровой норме оказалось невозможным (определение Шестого КСОЮ от 23.07.2020 № 77-1308/2020).

Различия норм статей 296 и 319 УК

Описанные выше ошибки показывают, насколько важно правильно разграничивать составы преступлений, предусмотренных ст. 296 и 318 УК. Их различие заключается в объекте преступления, в специальном статусе потерпевшего, в содержании угроз, а также в мотивах и целях преступления. Рассмотрим эти различия более детально.

Различие объектов преступления. Обе статьи являются частью механизма правовой защиты лиц, указанных в п. 2 ст. 3 Федерального закона от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов». В случае применения насилия и угрозы применением насилия к таким лицам виновный посягает не только на интересы государственно власти, но и на права личности, умаляя ее достоинство и причиняя физическую боль или вред здоровью. Преступления, предусмотренные этими статьями, являются многообъектными, и в обоих случаях это свойство обусловлено направленностью умысла на определенный объект.

Однако видовые объекты обоих деяний различаются. Преступление, предусмотренное ст. 318 УК, относится к преступлениям против порядка управления, а преступление, предусмотренное ст. 296 УК, — к преступлениям против правосудия.

Возникает проблема, когда имеет место угроза применением насилия, допустим, к судье, прокурору, следователю, а квалификация по ст. 296 УК невозможна. В качестве примера приведем угрозу похищением ребенка или изнасилованием из мести за принятое процессуальное решение. Такие угрозы не менее опасны, чем угроза повредить автомобиль потерпевшего, однако в диспозициях ст. 296 УК места им не нашлось.

Статья 318 УК в этом смысле сформулирована лучше. В ней расширен перечень угроз до угроз применением насилия. Поэтому в некоторых случаях эта норма является резервной для квалификации угроз, не охваченных ст. 296 УК. В случае высказывания подобной угрозы в адрес судьи, прокурора или следователя вред причиняется интересам правосудия, однако квалифицировать содеянное придется по ст. 318 УК, как преступление против порядка управления, благо примечание к этой статье это позволяет, видовым объектом преступления придется пренебречь.

Насколько это критично? Некоторые последние изменения УК показывают, что в его Особенной части становится все больше статей, содержание которых расходится с наименованием глав и разделов, куда они структурно помещены. Проблема видится в том, что классификация объектов преступлений не в полной мере соответствует наименованиям классов, к которым их отнес законодатель, и нуждается в комплексном пересмотре.

Вместе с тем в практике уже давно можно найти немало решений, в которых посягательство на представителя власти, проходящего службу в органах, не входящих в систему органов исполнительной власти, квалифицируется как преступление против порядка управления. Например, оскорбление следователя Следственного комитета РФ и высказывание ему угрозы применением насилия влечет уголовную ответственность по совокупности ст. 319 и 296 УК (кассационное определение ВС РФ от 28.03.2012 № 81-О12-22).

Результаты экспертного опроса показывают, что большинство практических работников рассматривают нормы, закрепленные в ст. 318 УК, в качестве общих по отношению к ст. 296 УК, если потерпевший — представитель власти, независимо от того, является ли он представителем исполнительной власти. Лишь незначительное число респондентов высказались за необходимость учета видовой принадлежности объекта преступления при квалификации преступлений, совершенных в отношении представителей власти¹.

Это исследование позволило установить, насколько законодательная классификация объектов преступлений релевантна представлениям правоприменителей. Применяя ту или иную норму, сегодня уже нельзя строго следовать наименованию главы и раздела Особенной части УК при определении объекта преступления, тем более что в нашем случае преступления против порядка управления и против правосудия объединены в одну группу преступлений против государствен-

ной власти. Точку в дискуссии поставил Пленум ВС РФ в Постановлении № 14, определив соотношение ст. 318 и ст. 296 УК как общей и специальной нормы.

Различие в статусе потерпевшего. В ст. 296 и ст. 318 УК очевидно различие статусов потерпевших. В общей норме ст. 318 УК — это представитель власти — должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, и его близкие. В специальной норме — судья, присяжный заседатель или иное лицо, участвующее в отправлении правосудия (ч. 1 ст. 296 УК), прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, защитник, эксперт, специалист, сотрудник органов принудительного исполнения Российской Федерации (ч. 2 ст. 296 УК) и их близкие.

В связи с этим можно изучить вопрос о множественности потерпевших. В п. 24 Постановления № 14 разъясняется, что по ст. 318 УК как одно преступление следует квалифицировать совершение соответствующих противоправных действий в отношении одного, двух или более потерпевших, указанных в данной статье, если такие действия осуществлены одновременно либо с незначительным разрывом во времени, но охватывались единым умыслом лица, и при этом ни за одно из данных действий оно ранее не было осуждено. Аналогично применяется и ст. 296 УК. Однако поскольку правоохранительная деятельность и судопроизводство тесно связаны, не исключены случаи, когда угроза одновременно высказывается в адрес нескольких потерпевших, обладающих различным статусом. Причем

преступник действует с единым умыслом — избежать уголовной ответственности. Содеянное квалифицируется по совокупности ст. 296 и 318 УК.

из практики. П. при составлении в отношении него протокола задержания оскорблял следователей Б. и К., а также оперуполномоченного Р. Он заявлял, что будет освобожден из-под стражи и тогда им всем «не поздоровится», он с ними «разберется», «и тогда им всем конец». При этом в нецензурной форме высказал угрозу лишения жизни как лично каждого из них, так и членов их семей. Его действия правильно квалифицированы как два преступления — по ч. 2 ст. 296 и ч. 1 ст. 318 УК (определение ВС РФ от 25.10.2007 по делу № 33-007-32).

Различия в содержании угроз. Очень важным для разграничения рассматриваемых составов является различное содержание угроз. В ст. 296 УК это угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества. В ст. 318 УК — угроза применением насилия. С одной стороны, содержание угроз в ст. 296 УК расширено, так как они включают в себя угрозу уничтожением или повреждением имущества. С другой стороны, сужено, поскольку угрожаемое насилие ограничено убийством и причинением вреда здоровью, в то время как ч. 1 ст. 318 УК предусматривает ответственность за угрозу применением любого насилия. Это может быть угроза похищением человека, незаконным лишением свободы, применением сексуального насилия.

В связи с изложенным представляется, что суд кассационной инстанции необоснованно переквалифицировал действия Е. с ч. 1 ст. 318 на ч. 1 ст. 296 УК по описанному выше делу в отношении Е., который в трех информационных письмах допустил выска-

1 В интервьюировании, проведенном в 2018 году, приняли участие 72 судьи, 114 прокуроров, 56 следователей Следственного комитета РФ, 47 следователей МВД России из 24 субъектов РФ.

звания, содержащие признаки вербальной агрессии в форме угрозы сексуальным насилием (определение Восьмого КСОЮ от 11.03.2020 № 77-289/2020). Однако, несмотря на судейский статус потерпевшей и связь угроз с осуществлением ею правосудия, этот эпизод следовало квалифицировать по ч. 1 ст. 318 УК, поскольку ч. 1 ст. 296 УК не предусматривает ответственность за такого рода угрозы. Иные действия Е. в виде угроз другому судье физическим уничтожением, сопровождавшиеся рисунком могильного холмика с крестом, были правильно переквалифицированы судом кассационной инстанции с ч. 1 ст. 318 на ч. 1 ст. 296 УК.

Различия в содержании специальных мотивов и целей. При разграничении преступлений, предусмотренных ст. 296 и 318 УК, необходимо иметь в виду, что в их диспозициях по-разному определяется служебная деятельность потерпевшего. Это рассмотрение дел или материалов в суде, производство предварительного расследования или исполнение судебного акта (ст. 296 УК) либо исполнение должностных обязанностей (ст. 318 УК).

Проблема в том, что профессиональная компетенция некоторых потерпевших шире, чем деятельность, указанная в диспозиции ст. 296 УК. Так, судебные приставы-исполнители осуществляют принудительное исполнение как судебных актов, так и актов иных органов и должностных лиц. Прокурор имеет широкие полномочия в сфере надзора за исполнением законов, а также координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Посягательство в связи с осуществлением такой деятельности не охватывается ст. 296 УК и должно квалифицироваться по ст. 318 УК.

ИЗ ПРАКТИКИ. Д. совершил угрозу применением насилия (ч. 1 ст. 318 УК) в отношении судебного пристава-исполнителя Кировского РОСП г. Саратова ГУФССП России по Саратовской области

Г., находящейся в связи с исполнением своих должностных обязанностей о взыскании задолженности по кредитным платежам на основании исполнительного документа — исполнительной надписи нотариата. Осужденный угрожал причинением телесных повреждений, замахиваясь садовыми вилами на пристава (постановление Первого КСОЮ от 28.04.2023 № 16-2232/2023).

Квалификация содеянного как преступления, совершенного в связи с осуществлением служебной деятельности, зависит не только от специальных признаков потерпевшего. Важное значение имеет разграничение связи преступления с конкретным эпизодом этой деятельности и с ее осуществлением в целом. Нам поможет это понять один весьма точный пример. Мечь судье за строгий приговор и мечь судье за строгое обращение с участниками судопроизводства — это один и тот же мотив? Не совсем так.

В литературе высказывается точка зрения (и она достаточно распространена), согласно которой ответственность по ст. 296 УК должна наступать не только за совершение указанных в ней действий в связи с рассмотрением или расследованием конкретных дел, но и в целом в связи с деятельностью по осуществлению правосудия или предварительного расследования².

Чтобы прояснить вопрос, необходимо обратиться к буквальному толкованию диспозиции ч. 2 ст. 296 УК. Применительно к посягательству на сотрудника органов принудительного исполнения судебного решения законодатель указывает на совершение преступления в связи с исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, то есть говорит о них не во множественном, а в единственном числе. Таким образом, в названной статье идет речь об исполнении конкретного судебного акта. Соответственно, признак конкретности присущ и производству по делу (материалу). В остальных случаях применения насилия к представителю власти, ука-

занному в диспозициях ст. 296 УК, содеянное должно квалифицироваться по ст. 318 УК, за исключением ситуации, когда преступление совершено по мотиву ненависти к представителям власти как к социальной группе.

ИЗ ПРАКТИКИ. Военная коллегия ВС РФ оставила в силе в части квалификации приговор 3-го окружного военного суда от 28.06.2010. Суд признал виновными членов организованной группы в совершении преступлений по мотиву ненависти в отношении социальных групп — сотрудников полиции и прокуратуры. Последние, по мнению осужденных, являлись коррумпированными и способствовали засилью кавказцев на территории РФ (кассационное определение ВС РФ от 20.09.2012 по делу № 209-О12-5).

Наконец, при разграничении рассматриваемых составов специальные мотивы и цели должны оцениваться в совокупности с иными обстоятельствами преступлений. Например, для правоохранительных органов обычная практика — поручение следователем производства отдельных следственных действий сотрудникам уголовного розыска. Если виновный пытается воспрепятствовать предварительному расследованию или ото-

мстить сотруднику уголовного розыска за выполнение порученного ему следственного действия путем угроз или применения насилия, то такие действия должны квалифицироваться по соответствующей части ст. 318 УК. Сотрудник уголовного розыска не является «специальным потерпевшим» по ст. 296 УК даже при производстве отдельных следственных действий.

ИЗ ПРАКТИКИ. На основании судебного решения и по поручению следователя был проведен обыск в жилище Е. В обыске принимали участие сотрудники полиции К.С.В., З.Ф.Ф. и Я.Ю.М. В ходе обыска Е. вел себя агрессивно, выражался нецензурной бранью, стал толкать З.Ф.Ф. в область груди. Он начал снимать происходящее на камеру телефона. Е. ударил ему в грудь один раз рукой, он почувствовал физическую боль. Потом Е. нанес удар правой ногой в пах З.Ф.Ф. Его действия были правильно квалифицированы по ч. 1 ст. 318 УК (постановление Шестого КСОЮ от 04.10.2022 № 77-5064/2022). ■

ЛИТЕРАТУРА

Бобраков, И. Вопросы законодательной регламентации ст. 296 УК РФ // Российский судья. — 2005. — № 12.

2 Бобраков И. Вопросы законодательной регламентации ст. 296 УК РФ // Российский судья. 2005. № 12.

ЗАПОМНИМ

- ✓ Статьи 318 и 296 УК соотносятся как общая и специальная нормы. Деяние охватывается статьей 296 УК, если лицо применяет насилие, угрожает убийством или причинением вреда здоровью в отношении представителя власти или его близких в связи с выполнением потерпевшим должностных обязанностей при рассмотрении дел или материалов в суде, производстве предварительного расследования либо исполнения приговора
- ✓ В некоторых случаях статья 318 УК является резервной для квалификации угроз, не охваченных статьей 296 УК

Альберт Анварович Хайдаров, к. ю. н., доцент, заместитель директора Казанского филиала РАНХиГС

Применение насилия в отношении представителя власти. Практика освобождения от ответственности

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- В каких случаях суды прекращали уголовные дела по статье 318 УК с применением судебного штрафа и примирением сторон
- Когда возможно оправдание по делу о применении насилия в отношении представителя власти

Принятое недавно постановление Пленума ВС РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление № 14) конкретизирует состав преступления по ст. 318 УК и должно унифицировать практику. Но оно не регламентирует возможности прекращения дел по ст. 318 УК.

Данные Судебного департамента при ВС РФ говорят о росте примерно на 25% количества осужденных по ч. 1 ст. 318 УК, применение насилия в отношении представителя власти, не опасного для жизни и здоровья, в 2021–2022 годах по сравнению с 2020 годом. Всего в 2022 году суды осудили по ч. 1 ст. 318 УК 7638 человек, а по ч. 2 указанной статьи — 623 человека. При этом выросло и количество осужденных к реаль-

ному лишению свободы за это преступление в 2021–2022 годах по отношению к 2020 году более чем на 18%. При этом количество лиц, к которым суды применили судебный штраф за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 318 УК, к 2022 году по сравнению с 2020-м снизилось более чем в 10 раз (с 899 до 89).

Налицо изменение подхода в судебной практике по вопросу назначения судебного штрафа по двухобъектным преступлениям¹. Ориентирующим в отношении дел по ст. 318 УК можно назвать кассационное определение ВС РФ от 18.11.2021 по делу № 1-УДП21-15-К3. Этим решением ВС РФ отменил постановление суда первой инстанции о прекращении дела судебным штрафом на том основании, что основным объектом преступления, предусмотренного ст. 318 УК, является нормальная деятельность органов власти, а дополнительным — здоровье человека. Поэтому само по себе принесение извинений сотруднику полиции не может устранить наступившие последствия и снизить степень общественной опасности совершенного преступления. Аналогичное решение ВС РФ принял позднее (кассационное определение ВС РФ от 10.03.2022 по делу № 2-УДП22-2-К3).

Тем не менее в практике есть решения судов, которые признают возможным прекращение уголовных дел по ст. 318 УК судебным штрафом и с примирением сторон. В статье приведем обзор этих решений, а также оправдательных приговоров по делам по ст. 318 УК.

Применение судебного штрафа

Черемушкинский районный суд г. Москвы постановлением от 16.04.2021 прекратил судебным штрафом в размере 30 тыс. руб. уголовное преследование в отношении П., апелляция оставила решение суда в силе.

Сотрудник полиции Г. задержал П. по подозрению в совершении двух краж. Задержанный П. попытался сбежать из отделения полиции. В момент, когда Г. остановил П., последний нанес полицейскому несколько ударов металлическим велосипедным насосом в область головы, а затем в ходе борьбы укусил зубами Г. за левое предплечье.

Суды обеих инстанций установили, что П. полностью загладил причиненный преступлением вред. В частности, пожертвовал 10 100 руб. в благотворительный фонд; выплатил потерпевшему Г. 25 000 руб. в счет компенсации морального вреда, принес ему извинения. При этом Г. в своем заявлении указал о полном возмещении причиненного ему вреда и просил суд, так же как и П., прекратить уголовное дело либо в связи с примирением сторон, либо судебным штрафом. Кассационный суд счел, что меры, предпринятые П. по заглаживанию вреда, снижают степень общественной опасности содеянного, и оставил решения судов в силе (кассационное постановление Второго КСОЮ от 07.06.2022 по делу № 7У-5083/2022).

В другом деле по ч. 1 ст. 318 УК кассационный суд не отменил судебный штраф в связи с отзывом гособвинителем кассационного представления (кассационное постановление Девятого КСОЮ от 04.08.2022 по делу № 7У-3252/2022).

В следующей ситуации защитник осужденного смог добиться судебного штрафа в суде кассационной инстанции. Приговором Альметьевского городского суда Республики Татарстан от 28.02.2022 Ш. был осужден по ч. 1 ст. 318 УК к 1 году лишения свободы условно.

Адвокат в кассационной жалобе среди прочего указал, что Ш. применил насилие в отношении сотрудника полиции совместно с другим лицом, который напал на второго

1 См. Хайдаров А.А. «Отмена судебного штрафа в кассационной инстанции по делам о преступлениях с формальным составом» // Уголовный процесс. 2023. № 4. С. 40.

сотрудника полиции. Было возбуждено два уголовных дела по ч. 1 ст. 318 УК, оба уголовных дела суды рассматривали в особом порядке. При этом в отношении другого лица апелляция отменила приговор и прекратила дело с применением судебного штрафа на основании положительной характеристики личности подсудимого, наличия на иждивении двоих малолетних детей, принесения извинений потерпевшему и с учетом благотворительного взноса в ГКУЗ «Республиканский дом ребенка». Однако при точно таких же обстоятельствах, как в деле другого напавшего на полицейского, в отношении Ш. апелляция отказалась применять судебный штраф. Кассация согласилась с доводами адвоката и передала дело в отношении Ш. на новое апелляционное рассмотрение (постановление Шестого КСОЮ от 13.09.2022 по делу № 7У-11185/2022). В последующем апелляционным постановлением Верховного суда Республики Татарстан от 01.11.2022 по делу № 22-8834/2022 уголовное дело в отношении Ш. было прекращено судебным штрафом.

Прекращение уголовного дела за примирением сторон

Уголовные дела по ст. 318 УК крайне редко прекращаются за примирением сторон. Однако можно констатировать, что те выводы, которые были сделаны в кассационном определении ВС РФ от 26.02.2013 по делу № 19-О13-8СП, продолжают оставаться актуальными. Согласно этому решению ВС РФ К. обвинялся по ч. 2 ст. 297 УК в оскорблении судьи. Таким образом, сама возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон по многообъектным преступлениям сохраняется.

Так, Невский районный суд г. Санкт-Петербурга постановлением от 10.04.2018 по делу № 1-675/2017 прекратил уголовное дело в отношении К., обвинявшегося по ч. 1 ст. 318 УК. Основанием для такого решения

было ходатайство потерпевшего, полицейского, о прекращении уголовного дела в отношении К. в связи с примирением сторон, поскольку подсудимый принес извинения за совершенное преступное действие и полностью загладил причиненный вред. При этом гособвинитель возражала против прекращения дела со ссылкой на двухобъектность преступления. Но суд апелляционной инстанции подтвердил законность принятого решения (апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 23.08.2018 по делу № 22-6192/2018).

Калининский районный суд г. Уфы постановлением от 02.10.2020 прекратил уголовное дело в отношении Н., обвинявшегося по ст. 319, ч. 1 ст. 318 УК, за примирением с потерпевшими. Осужденный применил к полицейским насилие и высказал оскорбления, когда они задерживали его за мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП). Суд кассационной инстанции оставил в силе решение суда первой инстанции о примирении с потерпевшим. Кассация отметила, что ни действующие нормы уголовного и уголовно-процессуального закона, ни толкующие их положения разъяснения КС РФ и ВС РФ не предусматривают какого-либо ограничения в применении положений закона о примирении сторон по уголовным делам о преступлениях, посягающих на два объекта и причиняющих вред не только физическому лицу. Напротив, возможность прекращения уголовного дела о двухобъектном преступлении по данным основаниям прямо предусмотрена разъяснениями, содержащимися в п. 16 постановления Пленума ВС РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». Таким образом, запретов для прекращения уголовного дела по мотивам и основаниям,

указанным в кассационном представлении, уголовный и уголовно-процессуальный закон не содержат (кассационное определение Шестого КСОЮ от 16.01.2021 по делу № 7У-13354/2021).

Оправдательные решения

Отдельно скажем о случаях вынесения реабилитирующих решений судов по уголовным делам о применении насилия к представителю власти. Как показывает описанное ниже дело, в ходе судебного заседания обвинению необходимо доказать наличие прямого умысла в действиях нападающего на представителя власти. Телесные повреждения могут быть причинены потерпевшему в результате неосторожных действий подсудимого, например во время падения.

Недоказанность умысла и насильственных действий. Известно уголовное дело в отношении Михаила Цакунова. Как следовало из приговора, потерпевший сотрудник полиции С., вместе с коллегами А. и Д., задерживал пытавшегося бежать участника незаконного митинга Цакунова. Полицейский догнал и схватил подсудимого за куртку. Якобы в ответ на это Цакунов, развернувшись, кулаком правой руки нанес ему умышленный и акцентированный удар в левую часть лица, причинив физическую боль и телесное повреждение — перелом коронковой части зуба.

Суд апелляционной инстанции оправдал Цакунова. Апелляция обратила внимание на противоречия в показаниях потерпевшего и его коллег, а также на несоответствие их показаний видеозаписи всего случившегося, которую представила свидетель по делу. При рассмотрении дела в суде первой инстанции С. сначала указал, что «удар был нанесен ему после падения», а потом,

что Цакунов нанес ему удар с разворота из положения стоя, после чего Цакунов упал сам. При просмотре видеозаписи С. «себя не узнал, пояснив, что со спины все сотрудники находятся в одинаковой форме, о том, как все происходило, он узнал со слов своих коллег». В заседании апелляционной инстанции С. сообщил, что Михаил Цакунов нанес ему удар «за столбом и из положения стоя».

По мнению апелляции, на видеозаписи было видно, что полицейские, включая самого потерпевшего — полицейского С., задержали и обездвигили Цакунова, когда он уже лежал на земле. При этом, как отметила судебная коллегия, имеющееся на видео препятствие в виде столба не мешает обзору того момента, когда, как следует из показаний С. и других сотрудников полиции, Цакунов якобы нанес удар. При этом апелляционная коллегия указала также, что суд первой инстанции не привел в приговоре ни описания видеозаписи, ни анализа противоречий между показаниями полицейских и видеозаписью и показаниями свидетеля, который ее представил (апелляционный приговор Санкт-Петербургского городского суда от 17.09.2019 по делу № 22-6255/2019)².

Важно также при оценке медицинских документов и экспертиз обратить внимание на давность причинения телесных повреждений потерпевшему, локализацию телесных повреждений и соотносить эту информацию с имеющимися в деле видеозаписями. Некоторые видеозаписи могут быть сделаны непосредственно после совершения предполагаемого преступления. Соответственно, с помощью этих видеозаписей может быть установлен факт их наличия либо отсутствия. Но необходимо иметь в виду, что симптоматика телесных повреждений может развиваться позже, что может установить судебно-медицинская экспертиза.

2 Подробнее см. Оправдание обвиняемого в применении насилия к сотруднику полиции на митинге. Анализ доказательств в апелляции // Уголовный процесс. 2021. № 3. С. 90.

Суд первой инстанции осудил Ш. по ч. 1 ст. 171 УК и ч. 1 ст. 318 УК. Следствие вменило Ш. ч. 1 ст. 318 УК, поскольку во время проведения обыска она бросила полено в дознавателя, попала ей в ногу, тем самым причинила ей физическую боль.

Суд апелляционной инстанции отменил обвинительный приговор и оправдал Ш. Отрицая свою виновность в совершении преступления, Ш. утверждала, что умысла на применение насилия к сотрудникам полиции у нее не было. Поленом бросила в собаку, которая находилась между крыльцом и дровником. Полено, ударившись о кирпичи, которыми был вымощен двор, раскололось на две части, ни одна из частей сотрудников полиции не ударила.

Показания потерпевшей С. и свидетелей обвинения суд апелляционной инстанции посчитал непоследовательными и не согласующимися между собой и с другими материалами дела.

Так, из показаний потерпевшей С., данных на следствии, следовало, что она не успела увернуться от брошенного Ш. в ее сторону полена, и оно попало ей в область левого бедра. От удара поленом она почувствовала сильную боль, но на ногах устояла. В месте удара в области левого бедра образовалось покраснение, небольшая ссадина. Указанное повреждение она тут же показала понятным.

Приводя в приговоре показания потерпевшей С. относительно того, какой частью тела она была обращена к травмирующему предмету, суд указал, что, заметив полет полена, С. пыталась увернуться, но полено попало ей в заднюю поверхность левого бедра. Апелляция отметила, что таких показаний потерпевшая никогда не давала. Как следует из протокола судебного заседания от 06.05.2019, после повторных пояснений эксперта потерпевшая С. предположила, что в момент броски полена Ш. она могла повернуться к ней задом. Таким образом, в приговоре были предположительные показания потерпевшей.

При этом кадры просмотренных видеозаписей с места проведения обыска подтверждали показания Ш. — возле крыльца находятся две части полена, крыльцо мокрое от дождя. Показания С., которая утверждала, что полено, брошенное Ш. во время сильного дождя, сразу ударило ее по ноге и упало рядом, после чего эксперт К. зафиксировал его, противоречили видеозаписи. Ш. была оправдана судом апелляционной инстанции (апелляционный приговор Костромского областного суда от 15.11.2019 по делу № 22-890).

Недоказанность причинения физической боли. В п. 14 Постановления № 14 Пленум ВС РФ, как и ранее, говорит о том, что под насилием, не опасным для жизни или здоровья, в ч. 1 ст. 318 УК следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы и не повлекших причинения вреда здоровью потерпевшего. В частности, связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др. То есть перечень воздействий открыт. Может встать вопрос: будет ли отнесено кратковременное удержание руки представителя власти ограничением свободы, и имеет ли значение уровень и продолжительность причинения физической боли представителю власти или будет достаточно самого факта.

Суд вынес оправдательный приговор Я., которого обвинили в том, что он хватал за форменное обмундирование полицейского Л. Согласно рапорту Л., Я. схватил его за куртку в районе левого плеча. Однако о том, что Я. хватал его за левое плечо и он испытывал от этого физическую боль, потерпевший Л. не указывал. В своем объяснении Л. также не указывал о том, что испытывал физическую боль от действий Я. Суд пришел к выводу, что причинение физической боли при противоправных дей-

ствиях Я. в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, в ходе судебного следствия не установлено.

Сопротивление без насилия и воздействие на представителя власти, связанное с хватанием его одежды, не подпадают под признаки, характеризующие предусмотренное ч. 1 ст. 318 УК преступление (приговор Коченевского районного суда Новосибирской области от 30.08.2019 по делу № 1-30/2019). Суд апелляционной инстанции подтвердил правильность выводов суда нижестоящей инстанции в своем решении (апелляционное постановление Новосибирского областного суда от 18.11.2019 по делу № 22-5883/2019).

Представляется, что любое причинение физической боли, если это было вызвано действиями подсудимого в целях воспрепятствования законной деятельности представителя власти, должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 318 УК. Установление самого факта причинения боли представителю власти будет достаточно, чтобы действия нарушителя были квалифицированы по ч. 1 ст. 318 УК. Важным остается фиксация факта не только оказания сопротивления, но и причинения физической боли. Об этом представитель власти должен указывать в документах, составляемых им собственноручно (рапорта, заявления, объяснения и т. д.) непосредственно после происшествия. Если в этих документах нет указания на то, что потерпевший испытал боль, то обвинения по ч. 1 ст. 318 УК будет доказать сложнее.

Приведем другой пример, когда обвиняемый отталкивал представителя власти, кратковременно хватал его за обмундирование с целью воспрепятствования его законной деятельности.

К. обвинялась в совершении двух преступлений по ч. 1 ст. 318 УК и двух преступлений по ст. 319 УК. По обвинению в двух деяниях по ч. 1 ст. 318 УК суд ее оправдал.

Из показаний потерпевших и свидетелей следовало, что К. умышленно схватила Потерпевшего № 1 за рукав форменного обмундирования и дернула его в свою сторону, а также умышленно толкнула свидетеля руками в область плеч.

Однако, несмотря на признание подсудимой своей вины, суд посчитал, что в ее действиях в данной части не содержится составов инкриминируемых преступлений. Как следовало из показаний потерпевших в судебном заседании, физической боли от действий подсудимой они не испытали. Показания свидетелей о том, что подсудимая дергала рукав куртки Потерпевшего № 1 с такой силой, что рукав мог оторваться, суд расценил как их субъективное восприятие событий (приговор Кетовского районного суда Курганской области от 15.07.2020 по делу № 1-100/2020). Суд апелляционной инстанции оставил в силе приговор (апелляционное постановление Курганского областного суда от 17.09.2020 по делу № 22-1407/2020).

Несмотря на то, что насильственные действия в виде толчков, захватов одежды сотрудников полиции, как в описанных выше примерах, не образовывали состава преступления по ч. 1 ст. 318 УК, они могут нарушать закон. Такие действия, например, подпадают под ст. 19.3 КоАП, неповиновение и сопротивление представителю власти.

Недоказанность реальности угрозы. Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК, характеризуется угрозой применения насилия. Как следует из того же п. 14 Постановления № 14, угрозой является высказывание или иные действия применительно к потерпевшему любое физическое насилие, когда такая угроза воспринималась потерпевшим как реальная. Угроза должна обладать способностью быть реализованной в настоящий момент, быть потенциально опасной для жизни и здоровья потер-

певшего. Реальность угрозы устанавливается в каждом конкретном случае с учетом всех фактических обстоятельств, имеющих отношение к делу. При этом должно учитываться не только субъективное восприятие потерпевшего, но и поведение виновного, его личность, характер взаимоотношения сторон, обстоятельства происшедшего.

На эти аспекты обратил внимание суд и оправдал П. Как следовало из приговора, П., находившийся в состоянии опьянения, в здании ОМВД России высказал в адрес участкового угрозу, фразу «я тебя завалю». Суд указал, что эту фразу П. озвучил в момент нахождения в камере для административно задержанных, при этом решетка камеры была закрыта на ключ, что исключало свободный выход подсудимого П. из нее.

Свои высказывания П. какими-либо действиями не сопровождал, не имел при себе каких-либо предметов, поскольку перед водворением его в камеру его досмотрел потерпевший. Потерпевший в этот период находился за пределами камеры, в коридоре. При таких обстоятельствах у потерпевшего не имелось реальных оснований опасаться высказанной в его адрес угрозы, так как она не имела реального характера (приговор Ульяновского районного суда Хабаровского края от 18.02.2020 по делу № 1-13/2020).

Недоказанность законной деятельности представителя власти. Из п. 12 Постановления № 14 следует, что по ст. 318 УК может быть квалифицировано только такое преступное деяние, которое совершено в связи с законным исполнением представителем власти своих должностных обязанностей.

По делу в отношении К. следствие обвинило ее в том, что она умышленно применила к Р. — инспектору ПДН — насилие, не опасное для жизни и здоровья, с целью воспрепятствования ее законной деятельности. Якобы инспектор Р. пресекала административное правонарушение К. и намерева-

лась отправить К. на медицинское освидетельствование.

Из материалов дела следовало, что К., на момент ее обнаружения инспектором Р. в районе перекрестка, хотя и находилась в состоянии опьянения, однако действий, подпадающих под признаки какого-либо административного правонарушения, не совершала. В связи с этим действия сотрудника полиции Р., выразившиеся в ограничении К. в передвижении, а также в применении физической силы для направления на медицинское освидетельствование, в отсутствие законных оснований для предъявления такого требования законными признаны быть не могут.

Как пояснила подсудимая, удары инспектору она нанесла не умышленно, желая защитить себя от ее противозаконных действий, и только после того, как та применила к ней прием — загиб руки за спину, причинив сильную боль.

Суд оправдал К. в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК (приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода от 22.10.2020 по делу № 1-322/2020). Апелляционная инстанция оставила приговор в силе (апелляционное постановление Белгородского областного суда от 09.12.2020 по делу № 22-1468/2020).

В другом примере Кировский областной суд оправдал подсудимую на том основании, что законность действий потерпевшего по административному задержанию подсудимой и ее помещению в камеру не соответствовала установленным судом фактическим обстоятельствам дела и не подтверждалась приведенными в приговоре доказательствами (приговор Кировского областного суда от 11.03.2020 по делу № 22-422/2020). Аналогичные решения принимали суды кассационной инстанции (кассационное постановление Пятого КСОЮ от 31.01.2023 по делу № 7У-3940/2022). ■

Антон Вячеславович Комаров, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы

Оскорбление представителя власти. На что обращают внимание суды

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- **Каковы типичные дела по статье 319 УК и типичный набор доказательств по ним**
- **Когда по делу об оскорблении представителя власти назначение судебно-лингвистической экспертизы не обязательно**
- **Когда обвинение по статье 319 УК суды считали недоказанным или излишне вменным**

По данным Судебного департамента при ВС РФ, с 2020 по 2022 год количество осужденных лиц по ст. 319 УК неуклонно снижается. Число оправдательных приговоров и прекращенных дел по реабилитирующим основаниям остается практически неизменным. В 2020 году осуждено 8741 лицо. Вынесен один оправдательный приговор. Уголовные дела за отсутствием состава, события преступления, непричастностью к преступлению, не прекращались. В 2021 году осуждено 6786 лиц. Оправдательные приговоры не выносились. Пре-

кращено одно уголовное дело за отсутствием состава преступления. В 2022 году было осуждено 4621 лицо, оправдательные приговоры суды не выносили, уголовные дела по реабилитирующим основаниям не прекращали.

В статье проведем краткий анализ уголовных дел по ст. 319 УК, чтобы определить ключевые моменты, на которые следует обращать внимание по этим делам.

Признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 319 УК, описаны в п. 17 и 18 недавно принятого по-

становления Пленума ВС РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление № 14). Всего их можно насчитать четыре.

1. Деяние должно быть публичным.
2. Действия должны носить оскорбительный характер.
3. Оскорбления должны быть выражены в отношении представителя власти.
4. Представитель власти должен находиться при исполнении своих должностных обязанностей, предусмотренных законом, или в связи с их исполнением.

Признак публичности

Под публичностью следует понимать присутствие третьих лиц при совершении преступления или, в зависимости от формы оскорбления, доведение его до сведения третьих лиц. Минимальное количество присутствующих третьих лиц в законе и судебной практике не установлено.

Но логично предположить, что оскорбление будет публичным, если оно совершено в присутствии хотя бы одного постороннего лица. Посторонним следует понимать лицо, которое не является представителем данного конкретного органа государственной власти или местного самоуправления.

Из п. 17 Постановления № 14 следует, что оскорбление может быть совершено посредством публичного высказывания в адрес потерпевшего ругательств либо размещения унижающих потерпевшего сведений в СМИ или в интернете, без ограничения доступа к соответствующим сведениям других лиц, а равно иных публичных действий, унижающих честь и достоинство потерпевшего. Например, срывание форменного головного убора или погон, при условии, что это не причинило физическую боль либо вред его здоровью.

Типичные дела. Типичные дела, где оскорбления в отношении представителя власти носят публичный характер, это, как правило, преступления, совершенные в отношении сотрудников правоохранительных органов. Так называемые бытовые оскорбления. Противоправное поведение имеет место, когда сотрудники полиции, прибыв по вызову граждан, выполняя свои должностные обязанности, сталкиваются с оскорблениями в свой адрес. Либо сотрудники полиции, уже находясь в общественном месте, выдвигая законные требования гражданам или пресекая их незаконные действия, сталкиваются с оскорбительными действиями в свой адрес, при наличии посторонних лиц.

ИЗ ПРАКТИКИ. Приговором Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 06.07.2021 П. признан виновным по ст. 319 УК. Будучи в состоянии алкогольного опьянения, находясь в коммунальной квартире, в ответ на законные требования участкового полиции прекратить выражаться нецензурной бранью в отношении соседки по квартире, в присутствии гр. Н. и Л., выразился грубой нецензурной бранью, в неприличной форме в адрес личности и служебной деятельности И. Тем самым П. совершил публичное оскорбление представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей. Апелляционным определением Санкт-Петербургского городского суда от 23.08.2021 по делу № 22-5533/2021 приговор оставлен без изменения.

Также публичное оскорбление в классическом виде совершается и в отношении представителя власти или органа местного самоуправления при исполнении им своих должностных обязанностей.

ИЗ ПРАКТИКИ. Красносельский районный суд г. Санкт-Петербурга приговором от 26.07.2021 осудил А. за оскорбление главного специалиста отдела земельного контроля Комитета по кон-

тролю за имуществом Санкт-Петербурга, а также за оскорбление ведущего отдела земельного контроля Управления контроля использования имущества южных районов Санкт-Петербурга.

Потерпевшие — сотрудники контролирующего органа — обследовали земельный участок, на котором А. самовольно разместил летнее кафе. Преступные действия А. выразились в том, что он, в дневное время, при демонтаже кафе, прилегающего к земельному участку, облил одного из потерпевших бензином, оскорблял обоих потерпевших, грозился все поджечь. Доказательствами совершения публичного преступления явились показания свидетелей Н. и П., видеозапись совершенного А. преступления. Апелляционным определением Санкт-Петербургского городского суда от 30.11.2021 по делу № 22-7788/2021 приговор оставлен в силе.

Публичное оскорбление представителя власти возможно через размещение в сети Интернет обращений в отношении конкретного лица, носящих оскорбительный характер.

ИЗ ПРАКТИКИ. Кемеровский областной суд приговором от 18.11.2021 осудил А. за публичное оскорбление сотрудника полиции Ф. Осужденный А. был недоволен действиями Ф., который сопровождал расследование уголовного дела по обвинению А. в оскорблении судьи (ч. 2 ст. 297 УК). А. умышленно разместил на странице «КАНАЛ» на сайте «В» в интернете две видеозаписи, содержащие оскорбления, унижающие честь и умаляющие достоинство Ф., а также высказывания, имеющие негативную оценку Ф., при этом страница в интернете, на которой А. разместил видео, имела более 60 тысяч подписчиков. Видеозаписи в итоге находились в свободном доступе, и их просмотрели более 45 тысяч раз. Апелляционным определением Пятого АСОЮ от 02.03.2022 по делу № 55-88/2022 приговор в части признания А. виновным по ст. 319 УК оставлен без изменения.

Недоказанность признака публичности. В редких случаях оправдательных приговоров признак публичности не находит своего подтверждения.

ИЗ ПРАКТИКИ. Радужнинский городской суд ХМАО — Югры приговором от 28.05.2020 по делу № 1-17/2020 осудил К. по ч. 1 ст. 318 УК и оправдал по обвинению по ст. 319 УК.

Сотрудники полиции Х. и Д. доставили находящегося в состоянии опьянения К. из квартиры его супруги в отдел полиции. Там он не только нанес удар Х. в пах, но и стал оскорблять присутствующих.

Однако, оценивая показания потерпевшего Х. и свидетеля Д. в ходе судебного следствия, суд признал их не соответствующими действительности в части описания обстоятельств высказываний К. публичных оскорблений в адрес представителя власти Х. в связи с исполнением им своих должностных обязанностей. Показания потерпевшего и свидетеля полностью противоречили показаниям свидетелей В. и С. — фельдшеров скорой медицинской помощи, которые прибыли в отдел полиции. Они пояснили, что осмотр К. они проводили с трудом, в связи с тем, что К. был агрессивен, жаловался на них, грозился их уволить. По их словам, ругань К., в том числе оскорбления, были обращены ко всем окружающим.

Суд указал, что К. выражался нецензурной бранью в связи с происходящими событиями, и она была обращена ко всем присутствующим в комнате разбора отдела полиции, в том числе и к сотрудникам полиции, и к работнику скорой помощи. При этом суд посчитал, что потерпевший Х. и свидетель Д. в условиях происходящего могли заблуждаться по поводу высказываний К., относя их на свой адрес. Таким образом, высказанное оскорбление, обращенное к неопределенному кругу лиц, не имеющее конкретного адресата, привело к вынесению оправдательного приговора. В апелляционном и кассационном порядке стороны приговор не обжаловали.

Оскорбительный характер действий

По смыслу ст. 319 УК действия виновного лица должны выражаться в оскорблении потерпевшего, то есть в унижении чести и достоинства лица, выраженном в неприличной форме. Оскорбление может быть совершено в устной, письменной формах, а также путем определенных действий (плевок в лицо, пощечина, неприличный жест и пр.).

Если выражение оскорбления в виде физического действия не вызывает сомнений, то в случае устного выражения перед правоохранительными органами встает вопрос: являются ли слова, высказанные лицом в адрес представителя власти, оскорбительными?

Если ответить на этот вопрос трудно, то следствие назначает экспертизу с привлечением эксперта-лингвиста. Эксперт устанавливает, содержит ли речевой акт оскорбление. Специалисту важно установить обстоятельства высказывания. Именно они позволяют эксперту относить высказанные слова к неприличным или оскорбительным.

Речевое произведение (текст) выступает вещественным доказательством по уголовному делу, поскольку в нем содержатся признаки объективной стороны преступления, совершенного посредством слова. Однако если формулировка оскорбления не вызывает сомнений и в деле достаточно иных доказательств, которые подтверждают оскорбление потерпевшего, то заключение эксперта не требуется (кассационное постановление Третьего КСОЮ от 16.03.2023 по делу № 7У-672/2023).

Совокупность оскорбления и насилия в отношении представителя власти

Ситуации, когда во время применения насилия к представителю власти лицо оскорбляло должностное лицо, суды квалифицировали по-разному. В одних случаях — как совокупность преступлений по ст. 318 и 319 УК,

в других — только по ст. 318 УК, объясняя это тем, что действия обвиняемый совершил в одном и том же месте, в одно и то же время, с единой направленностью намерений (кассационные определения Седьмого КСОЮ от 22.07.2022 по делу № 7У-6361/2022, Шестого КСОЮ от 20.07.2021 по делу № 77-3564/2021). Однако в этом вопросе Пленум ВС РФ поставил точку: публичное оскорбление представителя власти, совершенное во время или после применения в отношении него насилия или угрозы применения насилия, квалифицируется по ст. 318 УК и ст. 319 УК (п. 20 Постановления № 14).

Статус потерпевшего как представителя власти

В п. 10 и 11 Постановления № 14 Пленум ВС РФ привел определения представителя власти как потерпевшего и указал, что необходимо выяснить, является ли сотрудник правоохранительного или контролирующего органа представителем власти, либо наделено ли в установленном законом порядке иное должностное лицо распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. Такое должностное лицо может выполнять функцию представителя власти не только в органах государственной власти или органах местного самоуправления, но и в других организациях. В частности, в госучреждениях, если оно в установленном порядке наделено соответствующими полномочиями. В п. 11 Постановления № 14 раскрыто понятие представителя власти в части, касающейся должностного лица контролирующего органа.

Сложности возникают при решении вопроса о том, наделен ли потерпевший «распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости», или нет. От ответа на этот вопрос зависит и ответ на вопрос, является ли он представителем власти или нет. Таким образом, каждый раз, в ходе расследования

или рассмотрения уголовного дела в суде необходимо исследовать доказательства, подтверждающие должностное положение и полномочия потерпевшего.

ИЗ ПРАКТИКИ. Приговором 2-го Западного окружного военного суда от 15.04.2021 В. осужден по ч. 1 ст. 318, ст. 319, ч. 1 ст. 205, ч. 1 ст. 222.1 УК.

В ходе рассмотрения уголовного дела в суде подсудимый В. вину в совершении преступления по ст. 319 УК не признавал. Он пояснял, что К. — глава администрации Глуховского сельсовета Дивеевского муниципального района Нижегородской области, С. — начальник отделения надзорной деятельности и профилактической работы по Дивеевскому району ГУ МЧС России по Нижегородской области не являются представителями власти. К. не имел полномочий предъявлять требования, связанные с пожарной безопасностью. Незаконными были и требования сотрудника МЧС РФ С., которого он не оскорблял.

Суд в приговоре указал, что утверждения В. о том, что потерпевшие К. и С. не являлись представителями власти, опровергаются доказательствами. В частности, документами о должностном положении и полномочиях потерпевших, согласно которым потерпевшие занимали должности: К. — главы администрации, С. — начальника отделения надзорной деятельности. В соответствии с примечанием к ст. 318 УК они являлись представителями власти. Не принял суд и доводы В. о незаконности действий потерпевших, потребовавших погасить разведенные им на своем участке костры, поскольку требования представителей власти к В. были обусловлены тем, что 27.03.2020 он развел на своей придомовой территории, не подготовленной для выжигания и в отсутствие первичных средств тушения пожара, а также надлежащего контроля, три костра в непосредственной близости от деревянных строений. Это нарушило нормы постановления Правительства Российской Федерации от 25.04.2012 № 390 «О противопожарном режиме». При этом суд указал: довод В. на то, что 27.03.2020 в Нижегородской области

еще не был введен особый противопожарный режим, не свидетельствует о неправомерности действий представителей власти. В рамках имеющихся у них полномочий они предпринимали действия, направленные на обеспечение противопожарного режима в соответствии с указанным нормативным правовым актом, нормы которого нарушил осужденный (кассационное определение ВС РФ от 28.04.2022 № 222-УД22-13-А6).

Нахождение представителя власти при исполнении своих должностных обязанностей

Установление данного признака обычно не вызывает затруднений.

ИЗ ПРАКТИКИ. Мировой судья судебного участка № 46 Егорьевского судебного района Московской области приговором от 02.04.2021 осудил К. по ст. 319 УК.

В ходе судебного заседания К. заявляла, что потерпевший — дознаватель Ф., находившийся в помещении судебного участка мирового судьи, так же, как и она, пребывающий в статусе свидетеля по уголовному делу, не мог являться объектом преступления как представитель власти. По ее мнению, он не находился при исполнении должностных обязанностей.

Суд указал, что вина К. подтверждается показаниями потерпевшего Ф. (дознавателя отдела дознания ОМВД России по г.о. Егорьевск), согласно которым он проводил дознание по уголовному делу в отношении И. (супруга осужденной К.). В день происшествия, при исполнении обязанностей, Ф. в форменном обмундировании находился в помещении мирового суда Егорьевского судебного района Московской области, куда был приглашен для допроса в качестве свидетеля. При этом также находившаяся в суде К. в присутствии своих родственников и судебных приставов высказала в его адрес оскорбления. Постановлением Первого КСОЮ от 11.05.2022 по делу № 7У-3228/2022 приговор оставлен без изменения.

Но в судебной практике встречаются и оправдательные приговоры, когда сторона обвинения не представляет доказательства, подтверждающие нахождение должностного лица при исполнении своих обязанностей.

ИЗ ПРАКТИКИ. Оправдывая Е. по обвинению по ст. 319 УК, Сургутский городской суд ХМАО — Югры в приговоре от 23.11.2020 по делу № 1-99/2020 указал, что представленные стороной обвинения доказательства не только не подтверждают виновность подсудимого, но содержат в себе противоречия и порождают сомнения, которые в соответствии с ч. 3 ст. 14 УПК должны толковаться и толкуются судом в пользу подсудимого.

Как показал Е., он ехал в поезде с вахты. Примерно около 24 часов он тихо разговаривал с одним из пассажиров, так как остальные пассажиры уже спали. В это время к ним подошла женщина, одетая в форму. Женщина высокомерно спросила: «Что сидим? Чего не спим?». Он ответил: «Сидим, разговариваем, не спится». Женщина с недовольством и очень озлобленно спросила у него: «Вы с какого вагона? Билет есть?». Несмотря на то, что речь и тон данной женщины показались и были восприняты им оскорбительно, он спокойно ответил, что у него электронный билет, место 35. Затем женщина спросила у него паспорт, чтобы затем проверить по билетам. Он ответил, что паспорт показать не может, так как он находится в куртке, а куртка лежит под спальным местом № 33, где в это время спал пассажир. Сказал, что у него есть удостоверение и там также есть фамилия, и она может проверить. После чего показал ей пенсионное удостоверение в развернутом виде. Женщина посмотрела его, записала фамилию на бумажку, затем сказала, выразив недовольство: «Ложитесь спать». Он спросил у женщины: «А вы кто?». На что она ответила: «Узнаешь потом, кто я такая, я тебе еще покажу и научу, как нужно со мной разговаривать» и ушла. Затем они несколько минут посидели и легли спать.

На следующий день во время сна Х. почувствовал, что кто-то схватил его правое плечо в районе ключицы, резко поднял на ноги и поставил возле спального места. Произошло это примерно в 13 часов на станции Сургут. Одет он был в футболку, трико и носки. Открыв глаза, он увидел перед собой двух сотрудников полиции. Он задал вопрос сотруднику полиции: «Что случилось, в чем причина?». Сотрудник полиции ответил, что они снимают его с поезда. Он задал вопрос сотруднику полиции: «За что вы снимаете меня с поезда?», на что тот ответил, что начальник поезда отказал в дальнейшем проезде, составлен информационный лист о том, что он находится в алкогольном опьянении, употребляет спиртное, выражается нецензурной бранью, мешает отдыхать пассажирам. Он ответил: «Как я могу мешать пассажирам и выражаться, если я сплю на своем месте с ночи? Жалоб, замечаний ни от пассажиров, ни от проводников никаких не было».

Суд посчитал данные показания последовательными и непротиворечивыми и что представленные стороной обвинения доказательства их не опровергают. Показания бортпроводницы и полицейских суд посчитал содержащими противоречивую информацию по сути предъявленного Е. обвинения. Более того, отвергая доказательства, представленные стороной обвинения, суд указал на то, что суду не представлено достоверных фактов «правомерного нахождения в вагоне потерпевшего полицейского — в связи с исполнением им своих должностных обязанностей по обеспечению безопасности граждан и общественного порядка в общественных местах, пресечению противоправных деяний, в связи с пресечением им противоправного поведения Е., поскольку факт такого поведения подсудимого не установлен».

При этом суд первой инстанции сослался на решение по делу об административном правонарушении судьи Сургутского городского суда ХМАО — Югры от 09.10.2018 в отношении Е., вступившем в законную силу 28.11.2018. Этим решением городской суд отменил поста-

новление начальника полиции Сургутского ЛО МВД России на транспорте от 30.03.2018 по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 20.1 КоАП «Мелкое хулиганство» в отношении Е. и прекратил дело об административном правонарушении в связи с недоказанностью обстоятельств. Это решение также опровергало предъявленное Е. обвинение по ст. 319 УК. Апелляционным постановлением суда ХМАО — Югры от 05.05.2021 по делу № 22-762/2021 приговор оставлен без изменения. В кассационном порядке приговор не обжаловался.

Проанализировав практику применения ст. 319 УК, можно сделать вывод о том, что, несмотря на достаточно простую правовую конструкцию состава преступления, органы предварительного следствия и суды допускают ошибки. Сторона защиты также не проявляет достаточной процессуальной настойчивости, позволяя уголовным делам с низким качеством расследования, отсутствием или наличием спорных доказательств, поступать в суды.

Можно порекомендовать защитникам при вступлении в дело включать принцип

объективизма. Стороне защиты необходимо полно и структурированно проводить свое расследование и изучать все обстоятельства произошедшего:

- законность появления представителя власти на месте происшествия;
- законность выдвижения им каких-либо требований подзащитному;
- наличие документального подтверждения нахождения лица при исполнении своих должностных обязанностей.

Кроме того, нужно детально установить предполагаемые оскорбительные действия, совершенные в отношении представителя власти, в связке с показаниями свидетелей.

В спорных ситуациях, когда высказанные слова невозможно однозначно отнести к неприличным или оскорбительным, при отсутствии экспертного заключения в материалах уголовного дела, стороне защиты необходимо привлекать эксперта-лингвиста с целью получения заключения. Если по уголовному делу назначается судебно-лингвистическая экспертиза или уже проведена, то помощь специалиста, обладающего специальными знаниями, также необходима защите. ■

ЗАПОМНИМ

- ✓ Если формулировка оскорбления не вызывает сомнений и в деле по статье 319 УК достаточно иных доказательств, которые подтверждают оскорбление потерпевшего, то заключение эксперта не требуется
- ✓ В ходе расследования или рассмотрения уголовного дела по статье 319 УК необходимо исследовать доказательства, подтверждающие должностное положение и полномочия потерпевшего
- ✓ Пленум ВС РФ устранил противоречие в практике и указал, что если в ходе применения насилия к представителю власти обвиняемый высказывал оскорбления потерпевшему, то такие действия квалифицируются по совокупности преступлений по статьям 318 и 319 УК

Наталья Владимировна Ильютченко, к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Новый дополнительный механизм реализации освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- **Какие вопросы могут возникнуть на практике при применении нового механизма прекращения уголовного дела (преследования) в связи с истечением сроков давности**
- **Применяется ли новый механизм прекращения уголовного преследования в связи с истечением сроков давности, если дело вернулось в следствие, но истекли сроки на дополнительное расследование**

С 24 июня текущего года вступил в силу Федеральный закон от 13.06.2023 № 220-ФЗ, который дополнил ст. 27 УПК новой частью 2.2. Новая норма поставила несколько вопросов, на которые попытаемся ответить в этой статье.

При этом отметим, что прекращение уголовных дел в связи с истечением сроков

давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК) — это не единичные случаи. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2020 году прекращено 6657 уголовных дел по данному основанию, по которым были установлены лица, совершившие преступления, в 2021 году — 6761, в первом полугодии 2022 года — 2999¹.

Почему изменились нормы УПК

Новый закон принят для реализации правовых позиций, изложенных в постановлении Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П (далее — Постановление № 33-П).

В Постановлении № 33-П КС РФ признал ч. 2 ст. 27 УПК и п. «в» ч. 2 ст. 78 УК не соответствующими Конституции. Как отметил КС РФ, в нарушение выраженных в Конституции принципов верховенства права, законности, справедливости, гуманизма, равенства всех перед законом и судом подозреваемый или обвиняемый, не считая себя виновным, вынужден делать выбор: настаивать на неограниченном по времени продолжении своего же уголовного преследования либо соглашаться с прекращением такого по указанному нереабилитирующему основанию. Чрезмерное же затягивание расследования ведет к снижению эффективности последующей судебной защиты лицом своих прав и законных интересов.

КС РФ поручил законодателю внести изменения в УПК, но ввел временный порядок прекращения уголовного преследования в связи с истечением сроков давности на досудебной стадии. В соответствии с ним, если уголовное дело не передано в суд в дополнительный срок, не превышающий 12 месяцев со дня истечения срока давности уголовного преследования, оно подлежит незамедлительному прекращению и без согласия на то обвиняемого (подозреваемого). Последние могут оспорить такое решение в суд в порядке ст. 125.1 УПК. Такой порядок вводился с 21.07.2022 (даты вступления Постановления № 33-П в силу) и начинал применяться постепенно в зависимости от категории уголовного дела.

Как изменились нормы УПК

Законодатель творчески подошел к реализации Постановления № 33-П и предложил

другой механизм прекращения уголовного преследования в связи с истечением сроков давности на досудебной стадии. Этот механизм представляет собой сложную конструкцию условной замены нереабилитирующего основания прекращения уголовного преследования на реабилитирующее. Цель закона состоит в том, чтобы исключить недовольство подозреваемого (обвиняемого) формальным лишением права на реабилитацию.

С 24.06.2023 при соблюдении необходимых условий уголовное преследование прекращается по п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК, то есть ввиду непричастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления. Назовем эти условия:

- 1) истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, предусмотренные ст. 78 УК на досудебной стадии;
- 2) подозреваемый (обвиняемый) возражает против прекращения уголовного преследования в связи с истечением срока уголовного преследования;
- 3) дело не передано в суд;
- 4) отсутствует иное основание прекращения уголовного дела;
- 5) соблюдены сроки прекращения уголовного преследования, которые зависят от категории преступления. Два месяца расследования для преступления небольшой тяжести, три — средней тяжести, 12 месяцев — тяжкого или особо тяжкого преступления.

При соблюдении всех вышеперечисленных условий уголовное преследование прекращается по реабилитирующему основанию. Как видим, новый «льготный» процессуальный механизм освобождения от уголовной ответственности при истечении сроков давности отличается от того механизма, который действовал с 22.07.2022 до 23.06.2023 в соответствии с Постановлением № 33-П.

1 Пояснительная записка к проекту федерального закона № 285563-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // duma.gov.ru.

Какие сложности могут возникнуть при применении новой нормы

Новая ч. 2.2 ст. 27 УПК, при всей простоте, порождает сложности в некоторых случаях ее применения.

Можно ли распространить новый механизм прекращения уголовного преследования на «старые» дела. Обвиняемые (подозреваемые), в отношении которых уголовное преследование было прекращено за истечением сроков давности и без их согласия, с применением механизма, установленного Постановлением № 33-П, могут предположить, что более «льготные» новые правила нормы ч. 2.2 ст. 27 УПК распространяются и на них. Однако это не так. В силу ст. 4 УПК при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено уголовно-процессуальным кодексом. Действует общее правило, что процессуальный закон обратной силы не имеет. Парадоксально, что сам В.А. Рудников, заявитель, по жалобе которого КС РФ принял Постановление № 33-П, не может требовать прекращения уголовного дела по реабилитирующему основанию, так как закон обратной силы не имеет.

Если уголовное дело не передано в суд. Необходимо конкретизировать положение о том, что значит «уголовное дело не передано в суд». Для того чтобы дать ответ, необходимо понять, с какого момента возникает противоположная ситуация, то есть уголовное дело считается переданным в суд. Здесь надо опираться на соответствующие нормы УПК, и уголовное дело будет считаться поступившим в суд, когда оно направлено прокурором с соответствующими документами (обвинительным заключением,

обвинительным актом, обвинительным постановлением) и поступило в канцелярию суда и надлежащим образом зарегистрировано. Уже в стадии подготовки к судебному заседанию мы встречаем утверждение «поступившему в суд уголовному делу» (ч. 1 ст. 227 УПК). Следовательно, «льготный» порядок прекращения уголовного преследования будет действовать только до момента окончания стадии предварительного расследования. Таким образом, отвечая на вопрос, прекращается ли уголовное преследование ввиду непричастности обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления, если к моменту, когда дело уже в суде, истекли предусмотренные ч. 2.2 ст. 27 УПК сроки на дополнительные расследование, констатируем, что — нет, не прекращается. Дело уже в суде, и не выполняется условие № 3 для прекращения дела.

Так же и для ситуации, когда дело уже рассматривается в суде, но сроки для допроса в соответствии с категорией преступления, указанные в ч. 2.2 ст. 27 УПК, истекли. К этой ситуации новый механизм прекращения уголовного дела тоже не имеет отношения.

Если уголовное дело вернулось обратно в следствие. Сложнее ответить на вопрос, повлечет ли автоматически прекращение дела ввиду непричастности обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления, если суд вернет дело в порядке ст. 237 УПК, но при этом истечет срок на допрос расследование. Нужно сначала ответить на вопрос о том, имеет ли значение кратность передачи дела в суд: то, сколько раз его туда направляли. Например, дело передается в суд не первый раз.

Представляется, что в этой ситуации допустимо применить новую ч. 2.2 ст. 27 УПК. Иначе снова может возникнуть тот же самый процессуальный тупик, когда обвиняемый возражает против прекращения производ-

ства по делу в связи с истечением сроков давности уголовного преследования и расследование затягивается на неопределенный период времени.

Может быть ситуация, когда вновь установленный дополнительный срок на принятие решения о прекращении уголовного преследования истек, а прокурор решил направить дело, например, для производства дополнительного дознания или дополнительного следствия. Будет ли здесь возможность или необходимость перейти с «льготного» порядка на общий? Законодатель не отвечает на этот вопрос. С одной стороны, установленные сроки нужны, чтобы ситуация не затягивалась.

С другой, появление возможности их нового продления — это снова возвращение назад к той же проблеме «бесконечного следствия». В этой ситуации было бы разумным прекращать уголовное преследование по ч. 2.2 ст. 27 УПК, если сроки на дополнительное расследование истекли.

Если постановление о прекращении уголовного преследования вынесено до вступления в силу нового закона, но его отменил суд. Может быть и другая ситуация: суд первой, апелляционной или кассационной инстанции в рамках производства по ст. 125.1 УПК отменил постановление о прекращении уголовного преследования за истечением сроков давности. При этом к моменту возвращения дела в следствие (дознание) истекли сроки для допроса следствия. Как представляется, в этом случае выполняется условие № 1 о том, что дело «не передано в суд», поскольку уголовное дело не было передано в суд для рассмотрения по существу, а было прекращено на досудебной стадии. В этой ситуации, если обвиняемый возражает против прекращения уголовного преследования за истечением срока давности, следствию (дознанию) придется применить ч. 2.2 ст. 27 УПК.

Как выбрать механизм прекращения дела

Еще один вопрос связан с конкуренцией оснований прекращения уголовного преследования. В ч. 2.2 ст. 27 УПК сказано, что дело может быть прекращено и по другим основаниям, то есть введен «остаточный» принцип для реабилитирующего основания (непричастности). Это обстоятельство будет вызывать несогласие у обвиняемых (подозреваемых) и провоцировать новые обращения, в том числе и в КС РФ, а также обжалование решения о прекращении уголовного преследования в порядке ст. 125.1 УПК.

Сейчас ключевое значение на досудебной стадии при истечении сроков давности уголовного преследования имеет позиция обвиняемого (подозреваемого). Это определяет два варианта движения производства по уголовному делу. Первый, условно «старый»: при согласии обвиняемого (подозреваемого) дело прекращается в связи с истечением сроков давности уголовного преследования (п. 3 ст. 24 УПК). Второй, новый, вариант при той ситуации истечения сроков давности (ст. 78 УПК) — прекращение уголовного преследования по реабилитирующему основанию, ввиду непричастности обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления, если нет других реабилитирующих или нереабилитирующих оснований прекращения уголовного преследования.

Подчеркнем, что на судебных стадиях ничего не изменилось. Цель нового закона — не допустить бессрочного расследования дела, исключить неопределенность для лица, когда сроки привлечения к уголовной ответственности истекли на досудебной стадии.

В статье рассмотрены не все сложности применения нового дополнительного механизма освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Изучив практику прекращения уголовных дел по новой ч. 2.2 ст. 27 УПК, мы вернемся к ответам на другие вопросы. ■

Святослав Олегович Махтюк, старший инспектор пятого отдела управления контроля за следственными органами ГСУ СК России

Восстановление доказательств и их оценка по утраченным уголовным делам

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- **Каковы допустимые источники и способы восстановления доказательств по уголовным делам**
- **Что учитывать при оценке восстановленных доказательств**
- **Почему восстановление доказательств не требует возвращения уголовного дела прокурору**

Процедура восстановления уголовного дела либо отдельных его материалов — исключительный механизм, предусмотренный уголовно-процессуальным законом. Являясь нерядовым событием в практике судопроизводства, утрата уголовного дела (полная или частичная) может заставить врасплох следователя или судью, в чьем производстве оно находится. И хотя каждому правоприменителю кажется, что утрата материалов — маловероятная для него перспектива, внезапное возникнове-

ние такой чрезвычайной ситуации способно создать серьезные трудности в доказывании и разрешении уголовного дела.

По общему правилу, закрепленному в ст. 158.1 УПК, восстановление утраченного уголовного дела либо его материалов производится по постановлению руководителя следственного органа, начальника органа дознания, а в случае утраты уголовного дела или материалов в ходе судебного производства — по решению суда, направляемому руководителю следственного

органа или начальнику органа дознания для исполнения.

Известно, что именно суд производит итоговую оценку доказательств, в том числе восстановленных, а в ряде случаев и вовсе оказывается непосредственным инициатором восстановления материалов дела. В этой связи при реализации рассматриваемой процедуры целесообразно ориентироваться на конкретные подходы судов апелляционной и кассационной инстанций, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ. Данное предложение и представленный ниже анализ судебных решений выглядят особенно актуальными на фоне конструкции и содержания ст. 158.1 УПК, которая лишь в общих чертах регламентирует механизм восстановления уголовных дел.

Общие правила восстановления материалов дела

Цель — восстановить материалы, а не сформировать новые. Цель восполнения утраченной части доказательственной базы и иных материалов уголовного дела — создать надлежащие условия для продолжения судопроизводства и обеспечить права и законные интересы участников уголовного процесса как со стороны обвинения, так и со стороны защиты.

В связи с этим, как отмечает Конституционный Суд РФ, ст. 158.1 УПК не предполагает формирование новых доказательств, а предусматривает специальную процедуру восстановления утраченных. Поводом для изложения данной позиции стала необоснованная попытка восстановить по одному из дел протокол судебного заседания путем проведения нового судебного рассмотрения уголовного дела (определения КС РФ от 26.11.2018 № 2877-О и от 26.02.2021 № 327-О).

При этом следует указать, что восстановление утраченного уголовного дела допускается при соблюдении условий состоя-

тельности процесса и только в пределах предъявленного ранее обвинения, так как суд не может быть инициатором обвинительной деятельности (постановление КС РФ от 20.04.1999 № 7-П).

Прекращенные и законно уничтоженные дела процессуальному восстановлению не подлежат. Важно определить, какие уголовные дела считаются утраченными и могут быть восстановлены в порядке ст. 158.1 УПК. В этой части суды отмечают: «Распространяя свое действие на случаи утраты уголовных дел в период досудебного или судебного производства, данная статья не касается случаев восстановления уголовных дел, производство по которым было прекращено, а сами материалы уголовных дел — уничтожены в связи с истечением сроков их хранения, определяемых в зависимости от срока давности уголовного преследования». Из этого следует, что уголовное дело для инициирования процедуры восстановления материалов должно находиться в производстве следователя, дознавателя либо суда (определение КС РФ от 27.06.2017 № 1247-О, постановление президиума ВС Республики Башкортостан от 31.10.2012 по делу № 44У-807/2012, постановление ВС Республики Крым от 14.12.2018 по делу № 4У-1124/2018).

Восстановление материалов — процессуальное действие. Восстановление уголовного дела расценивается как процессуальное действие, осуществляемое в порядке ст. 164 УПК и предполагающее ознакомление сторон с восстановленными материалами. При этом мероприятия по восстановлению включаются в общий срок расследования, предусмотренный ст. 162 УПК, а их проведение в рамках установленного срока, но после окончания выполнения следственных действий не требует возобновления расследования (определение Шестого КСОЮ от 01.04.2022 № 77-1695/2022).

Допустимые источники восстановления доказательств

Уголовно-процессуальный закон не приводит исчерпывающего или хотя бы открытого перечня источников, используя которые можно восстановить утраченные доказательства. В связи с этим выбор конкретного способа восстановления остается за правоприменителем (при безусловном соблюдении требований ст. 158.1 УПК).

Восстановление доказательств — не только их копирование. Важный вывод относительно процедуры восстановления уголовного дела сформулирован апелляционным судом по делу в отношении В. Большая часть документов, содержащихся в томе № 1 и включенных следователем в перечень доказательств в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 220 УПК, подтверждающих обвинение, являлись ксерокопиями, которые получены следователем путем копирования из контрольного производства по уголовному делу.

Суд указал: «По смыслу закона восстановление уголовного дела является не просто технической деятельностью, а особой формой предварительного расследования, состоящей в повторном собирании доказательств об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, путем производства следственных действий истребования и приобщения материалов (выемка, осмотр документов, их приобщение), оценки их в совокупности и принятия решений либо подтверждения решений, принятых ранее». Невыполнение следователем указанных мероприятий суд счел безусловным нарушением порядка восстановления утраченных материалов дела.

По результатам рассмотрения апелляция отменила обвинительный приговор и вернула уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом (апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 18.02.2016 № 22-750/2016 по делу № 1-38/2015).

Недопустимость восстановления содержания протоколов «по памяти». Постановлением городского суда уголовное дело в отношении Э. возвращено прокурору в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК с указанием на нарушения, допущенные при составлении обвинительного заключения.

Суд установил, что протокол осмотра места происшествия по делу был утрачен следователем, проводившим предварительное следствие. Имеющийся в материалах уголовного дела протокол осмотра места происшествия, указанный в обвинительном заключении в качестве доказательства обвинения, был составлен следователем М. по памяти после утраты оригинала документа. Это является безусловным нарушением порядка восстановления утраченных материалов.

С учетом изложенного вывод суда о возвращении уголовного дела прокурору апелляция признала обоснованным (апелляционное постановление Московского областного суда от 13.05.2014 по делу № 22-2702/2014).

Восстановление по материалам контрольных и надзорных производств. Нередки случаи, когда в целях восстановления материалов судами в ходе разбирательства исследовались контрольные (надзорные) производства, из которых были получены копии утраченных документов, допрошены лица, осуществлявшие восстановление материалов уголовного дела (постановление Третьего КСОЮ от 12.01.2023 № 77-173/2023).

Восстановление по копиям из приложений к ходатайствам. В рамках одного из судебных разбирательств осужденный полагал свои права нарушенными в связи с приобщением и исследованием судом в заседании восстановленных документов, утраченных из уголовного дела по его обвинению, с которыми у осужденного якобы не имелось возможности ознакомиться. Фигурант посчитал,

что тем самым суд первой инстанции увеличил объем доказательств.

Апелляция с таким мнением осужденного не согласилась, отметив следующее. Приобщение и исследование судом копий оспариваемых документов, сохранившихся в материалах, рассмотренных судом при избрании в отношении Д. меры пресечения (копий протокола допроса свидетеля, личного досмотра Д. и его явки с повинной), «не расширяет доказательную базу против осужденного и, согласно обвинительному акту, не увеличивает объем предъявленного обвинения», поскольку эти документы уже были представлены в итоговом документе органа дознания в числе доказательств, подтверждающих обвинение.

Восстановление материалов носило исключительный характер и было связано с уничтожением указанных доказательств из уголовного дела режущим предметом, что было обнаружено после ознакомления подсудимого с материалами уголовного дела.

Нарушений порядка восстановления утраченных материалов уголовного дела в данном случае не допущено, поскольку исследовались, обозревались и приобщались копии документов, изготовленные с уничтоженных из уголовного дела подлинников протоколов процессуальных и следственных действий.

Вопреки доводам жалобы осужденного, восстановленные материалы дела исследовались с участием сторон, поэтому сторона защиты не была лишена возможности как участвовать в их исследовании, так и оспаривать их допустимость и достоверность предусмотренными законом способами (апелляционное постановление Приморского краевого суда от 08.04.2019 по делу № 22-1330/2019).

К аналогичным выводам пришла кассационная инстанция по делу В. (определение Седьмого КСОЮ от 14.07.2021 по делу № 77-2759/2021).

Восстановление по материалам из ГАС «Правосудие», аудио- и видеозаписям судебных заседаний. Конституционный Суд РФ в одном из своих определений прямо разрешает судам восстанавливать утраченные материалы дела по сохранившимся копиям, включая электронные, размещенные в государственной автоматизированной системе «Правосудие».

Кроме того, для восстановления протокола судебного заседания или других материалов дела важное значение имеют аудио- и видеозаписи, которые объективно фиксируют ход разбирательства (определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 2877-О).

Оценка восстановленных доказательств

В целом восстановленные доказательства проверяются и оцениваются по общим правилам. Однако важно отметить некоторые нюансы.

Для подтверждения подлинности восстановленных материалов почерковедческая экспертиза не обязательна. По уголовному делу в отношении К. в порядке ст. 158.1 УПК был восстановлен утраченный лист протокола его допроса в качестве подозреваемого.

Выражая недоверие восстановленным материалам, защита ходатайствовала о проведении по ним почерковедческой экспертизы. Суд первой инстанции ходатайство отклонил. Данное решение кассация признала обоснованным, отметив, что проведение указанного экспертного исследования в соответствии с положениями ст. 196 УПК обязательным не является (определение Девятого КСОЮ от 06.12.2022 № 77-2373/2022).

Допускается восстановление вещественных доказательств. По уголовному делу о неосторожном причинении смерти при оказании медицинской помощи следствие столкнулось с утратой вещественных дока-

зательств — медицинских карт. В ходе расследования они использовались при проведении экспертных исследований, в связи с чем для удобства использования были отсканированы и сохранены в электронном виде одним из экспертов.

Изложенное позволило восстановить утраченные медицинские карты, приобщить к материалам уголовного дела их копии, которые с учетом проведенного допроса изготовившего их эксперта были обоснованно признаны судом допустимыми доказательствами (определение Первого КСОЮ от 17.09.2020 № 77-1773/2020).

Признавать восстановленные материалы вещественными доказательствами не обязательно. Использование судом отдельных материалов уголовного дела, восстановленных по их сохранившимся копиям либо посредством проведения процессуальных действий, не предполагает каких-либо изъятий из установленного порядка доказывания по уголовным делам, а, напротив, предписывает руководствоваться им.

Таким образом, закон не предусматривает обязательное признание восстановленных материалов уголовного дела вещественными доказательствами, поскольку следователь самостоятельно направляет ход расследования, принимает решение о производстве следственных и иных процессуальных действий (постановление Третьего КСОЮ от 12.01.2023 № 77-173/2023).

Отсутствие фототаблицы к протоколу — не основание для его восстановления. Рассматривая уголовное дело в отношении Т., суд апелляционной инстанции оценивал доводы стороны защиты о необходимости восстановления протокола осмотра места происшествия. В обоснование ходатайства адвокат указывал, что к данному протоколу не прилагается фототаблица, упомянутая в тексте протокола. Изложенное, по мнению защитни-

ка, является грубым нарушением уголовно-процессуального закона и предполагает необходимость восстановления материалов уголовного дела в порядке ст. 158.1 УПК.

Отказывая в удовлетворении ходатайства, судебная коллегия отметила, что отсутствие фототаблицы к протоколу осмотра места происшествия не является основанием для исключения этого протокола из числа доказательств по уголовному делу, а равно для инициирования процедуры, предусмотренной ст. 158.1 УПК (апелляционное определение Московского городского суда от 11.10.2022 № 10-17332/2022).

Заверены должны быть не только восстановленные материалы, но и копии документов, которые восстанавливаются. По смыслу закона при восстановлении уголовного дела копии документов, которые копируются, должны быть заверены штампом «копия верна» и содержать указание о фамилии должностного лица, их заверившего. Для признания восстановленных документов относимыми доказательствами необходимо, чтобы они были заверены надлежащим образом еще до момента появления необходимости восстановления уголовного дела.

Однако данные требования уголовно-процессуального закона при восстановлении уголовного дела в отношении К. выполнены не были.

Данное уголовное дело, состоящее из двух томов, после его рассмотрения судом апелляционной инстанции было утрачено. Суд принял решение о его восстановлении. Копия решения была направлена для исполнения в следственный орган, который дело восстановил и направил в президиум областного суда для рассмотрения в кассационном порядке.

Кассация обнаружила, что большая часть документов, представленных следственным органом, не заверены штампом «копия верна» и являются ксерокопиями. Другая часть

восстановленных документов в материалах уголовного дела содержат отметку старшего следователя Г. о том, что они были распечатаны с электронного носителя и соответствуют оригиналу. Однако и данные документы надлежащим образом также заверены не были.

Президиум областного суда допущенные нарушения счел существенными, отменил приговор, апелляционное определение и апелляционное постановление в отношении К. и передал дело на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе (постановление президиума Ростовского областного суда от 18.12.2014 № 44-у-271).

При отсутствии части документов, сопутствующих проведению ОРМ, восстановление не требуется. В материалах дела о покушении на мошенничество отсутствовал протокол личного досмотра потерпевшего С. после проведения ОРМ «оперативный эксперимент». Изложенное, по мнению защитника, ставило под сомнение передачу потерпевшим денег подсудимому В. и не опровергало их присвоение самим потерпевшим.

Вместе с тем суд указал, что передача денег С. подсудимому подтверждается последовательными показаниями потерпевшего, протоколом осмотра места происшествия и обнаружением фрагментов обгоревших купюр со следами сгорающего вещества, показаниями оперативных сотрудников, понятых и представителей общественности, протоколом явки с повинной В. в присутствии своего защитника, просмотром видеозаписи, зафиксировавшей момент передачи денег. Оснований для восстановления недостающего протокола личного досмотра потерпевшего суд не усмотрел.

При этом апелляционная инстанция согласилась исключить из приговора указание на отсутствующие в деле документы: постановление о проведении оперативного эксперимента, рапорт оперуполномоченного, заявление З. о согласии на участие в опера-

тивном эксперименте, акты осмотров и выдачи технических средств, денег и др.

Несмотря на исключение указания в приговоре на данные документы, судебная коллегия признала обоснованным вывод суда первой инстанции о законности проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении В., допустимости доказательств, полученных в результате ОРМ, а также об отсутствии оснований для восстановления недостающих материалов (апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28.03.2018 № 22-88/2018 по делу № 1-19/2017).

Для признания копии восстановленного протокола допроса допустимым доказательством может быть допрошен участвовавший в нем адвокат. Данную позицию продемонстрировал в одном из своих решений Верховный Суд РФ. Оценивая допустимость в качестве доказательства копии протокола допроса подозреваемого В., незаконно изъятую из уголовного дела при выполнении требований ст. 217 УПК путем вырезания, суд пришел к выводу, что ее (копии) использование в целях доказывания возможно, поскольку органом предварительного расследования протокол допроса восстановлен в соответствии с установленной ст. 158.1 УПК процедурой. Более того, допрошенная в судебном заседании адвокат С., защищавшая законные права и интересы В. в ходе его допроса, показала, что она принимала участие в указанном следственном действии, подпись в протоколе принадлежит ей (апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 16.12.2015 № 72-АПУ15-49).

По вопросам утраты и восстановления материалов может быть допрошен следователь. Процессуальный спор о допустимости ряда доказательств и необходимости восстановления материалов дела возник при судебном разбирательстве в отношении Ч.

Сторона защиты полагала недопустимым доказательством заключение судебно-медицинской экспертизы трупа П., проведенной на основании постановления следователя М., так как материалы не содержали постановления о принятии им дела к своему производству.

Кроме того, защитник заявлял доводы о незаконности приобщения к материалам дела постановлений о его движении (изъятии и передаче различным следователям и их принятиях дела к производству). Перечисленные документы представлены суду в виде незаверенных фотокопий плохого качества. Данное обстоятельство, по мнению стороны защиты, лишило обвиняемого права заявлять ходатайства и отводы следователю, приносить жалобы на его действия (бездействие), в связи с чем суд обязан был возвратить дело руководителю следственного органа в порядке ст. 158.1 УПК.

Приведенные доводы судебная коллегия нашла несостоятельными и указала, что оспариваемые стороной защиты документы были изъяты из надзорного производства прокуратуры, сформированного из копий материалов настоящего уголовного дела, представленных следователем прокурору в период предварительного расследования. Вопреки доводам защиты, представленные суду копии постановлений выполнены в хорошем качестве, в них четко виден текст и подписи лиц-составителей.

«При этом в ходе судебного разбирательства судом был допрошен в качестве свидетеля следователь М., который привел убедительные причины возможной утери подлинников указанных постановлений, подтвердил соответствие представленных прокурором копий указанных постановлений подлинникам, которые имелись в материалах уголовного дела, и были вынесены в том числе им, однако были утеряны».

Приобщение к материалам дела указанных копий не повлекло нарушения прав и за-

конных интересов обвиняемого, так как в материалах уголовного дела содержатся иные процессуальные документы о проведении расследования по нему конкретными следователями (апелляционное определение Московского городского суда от 29.06.2021 № 10-10138/2021).

Ознакомление сторон с оригиналами восстановленных документов до их утраты — дополнительная гарантия соблюдения процедуры их восстановления. К такому выводу пришел Седьмой КСОЮ, оценивая представленные в материалах уголовного дела копии протоколов личного досмотра Б. и обыска гаражного бокса. Суд указал, что оснований сомневаться в правомерности использования этих документов в доказывании не имеется, поскольку копии указанных протоколов были восстановлены и приобщены к материалам дела в соответствии с требованиями закона. При этом в решениях нижестоящих судов справедливо указано, что оригиналы протоколов до их утраты были исследованы в судебном заседании, представлялись на обозрение свидетелям, каких-либо замечаний от участников процесса, в том числе со стороны защиты, не поступало (определение Седьмого КСОЮ от 01.09.2021 № 77-3167/2021).

Отграничение от возвращения дела прокурору

Восстановление утраченных материалов не тождественно дополнительному расследованию. Восстановление отдельных утраченных материалов дела по их сохранившимся копиям направлено не на получение новых доказательств, а на восстановление уже существовавших и потому не тождественно производству дополнительного расследования. Отсутствие отдельных утраченных материалов не препятствует продолжению судебного разбирательства. Процедура, предусмотренная ст. 158.1 УПК,

не предполагает снятия дела с судебного рассмотрения и, как следствие, возвращения его прокурору и в дальнейшем следователю для дополнительного расследования и восстановления утраченных материалов (определение Восьмого КСОЮ от 13.09.2021 № 77-3607/2021).

Подмена восстановления материалов дела его возвращением прокурору недопустима.

Н. осуждена судом первой инстанции по ч. 3 ст. 159 УК. При рассмотрении дела в апелляции установлено, что в материалах отсутствовало поручение следователя о наделении оперативных сотрудников полномочиями по производству следственных действий, результаты которых положены в основу приговора в качестве доказательств, а также отсутствовали протоколы выемок первичных финансово-хозяйственных документов и постановления об их проведении.

Участвовавшими в заседании суда апелляционной инстанции прокурорами не инициировалась процедура восстановления отдельных утраченных материалов дела в порядке ст. 158.1 УПК. Прокуроры заявляли ходатайства о приобщении недостающих

постановлений, допросе следователя и указанных оперуполномоченных полиции. Суд в удовлетворении ходатайств отказал и принял решение об отмене приговора и возвращении дела в порядке ст. 237 УПК, при этом восстановление утраченных документов суд также не инициировал.

С данным решением не согласилась кассация, которая указала, что, приняв при таких обстоятельствах «по собственной инициативе» решение о возвращении уголовного дела прокурору, которое, исходя из заявленных в нем оснований, направлено на подмену предусмотренного ст. 158.1 УПК порядка, суд апелляционной инстанции принял на себя несвойственную функцию по инициированию восстановления процессуальных документов, отсутствие которых создает процессуальную оспоримость доказательств стороны обвинения, а следовательно, по организации восполнения недостатков доказательственной базы стороны обвинения». Апелляционное определение отменено, дело направлено на новое рассмотрение (постановление президиума Нижегородского областного суда от 19.07.2017 № 44У-95/2017). ■

ЗАПОМНИМ

- ✓ Доказательства могут быть восстановлены по копиям материалов, ранее представлявшимся в суд в качестве приложения к ходатайствам следователя; по материалам контрольных и надзорных производств, аудио- и видеозаписям судебных заседаний, документам из ГАС «Правосудие»
- ✓ Восстановление доказательств предполагает не повторное проведение следственных действий и не просто механическое копирование материалов. Данная процедура является дуалистичной: требует создания копий восстанавливаемых материалов и обязательного проведения следственных действий, подтверждающих их происхождение и обосновывающих допустимость. При этом копии восстановленных материалов должны быть надлежащим образом заверены

Владимир Юрьевич Стельмах, д. ю. н., доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России

Следственные действия в отношении адвокатов: всегда ли нужна санкция суда

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- Можно ли в отношении адвокатов проводить безотлагательные следственные действия без санкции суда
- Как правильно указывать в документах предметы, подлежащие отысканию у адвокатов в ходе следственного действия
- Допускается ли производство осмотра места происшествия в отношении адвоката до возбуждения дела

Важнейшим средством доказывания в уголовном процессе являются следственные действия. По общему правилу, исходя из конституционного принципа равенства всех граждан перед законом и судом, они проводятся в одинаковом порядке в отношении всех субъектов.

Вместе с тем закон предусматривает особенности производства следственных действий в отношении лиц, выполняющих отдельные значимые виды публично-

правовой деятельности. К таковым относятся и адвокаты.

Адвокатская тайна как причина особого порядка следственных действий

На них возложены обязанности по реализации конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи в рамках всех видов судопроизводства. В рамках осуществления такой

помощи адвокат неизбежно получает от своего клиента информацию о причастности подзащитного к совершению преступления либо об обстоятельствах, опровергающих версию органов предварительного расследования. Адвокат, принимая на себя функцию представительства интересов своего клиента (в уголовном судопроизводстве по защите лица от уголовного преследования), вступает с подзащитным в специфические доверительные отношения, в рамках которых обвиняемый (подозреваемый) сообщает защитнику сведения, заведомо будучи уверенным, что они не поступят от адвоката к органам, осуществляющим уголовное преследование.

Получение этих сведений следственными органами от адвоката недопустимо, поскольку в противном случае было бы фактически ликвидировано право на защиту от уголовного преследования. Как справедливо отметил Н.А. Колоколов, такие действия представляют собой «взлом презумпции невиновности»¹. Безусловно, органы предварительного расследования могут добывать информацию о соответствующих обстоятельствах из других источников (например, путем допроса свидетелей и потерпевших, изъятия вещественных доказательств и производства судебных экспертиз, проведения очных ставок между потерпевшим и обвиняемым), однако поступление подобных сведений именно от адвоката должно быть исключено.

Учитывая приведенные выше обстоятельства, законодатель устанавливает для указанных сведений правовой режим адвокатской тайны и конструирует механизм, гарантирующий от разглашения этой информации². В частности, в ст. 450.1 УПК и ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельно-

сти и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатуре) предусмотрен ряд особенностей производства следственных действий в отношении адвокатов.

Вместе с тем формулировки названных норм оставляют возможность для неоднозначного толкования, что осложняет правоприменительную практику и не способствует ее единообразию.

Возможность безотлагательных следственных действий в отношении адвокатов без решения суда

Согласно ч. 1 ст. 450.1 УПК осмотр, обыск и выемка в таких объектах, как жилище адвоката, а также помещение, используемое для занятия адвокатской деятельностью, производятся по судебному решению. Однако неясно, могут ли указанные следственные действия производиться без судебного разрешения в безотлагательных ситуациях, то есть в порядке ч. 5 ст. 165 УПК. На практике это иногда имеет место. Правда, единого мнения относительно законности подобного порядка проведения следственных действий нет.

Так, Ставропольский краевой суд отменил решение районного суда о признании законным обыска, произведенного в жилище адвоката, однако не потому, что это в принципе недопустимо, а лишь в силу того, что следователь не разъяснил участникам следственного действия права на заявление ходатайства об участии в судебном заседании по решению вопроса о законности проведения следственного действия (апелляционное постановление СК по уголовным делам Ставропольского краевого суда от 13.09.2019 по делу № 3/6-299/2019). То есть суд оставил без оценки вопрос

1 Колоколов Н.А. Допрос адвоката: общепризнанный взлом презумпции // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 10–15.

2 См.: Гриненко А.В., Овчаренко Е.И. Участие адвоката в уголовном судопроизводстве: генезис и современность // Адвокатская практика. 2018. № 2. С. 25.

о принципиальной возможности производства следственного действия в отношении адвоката без судебного разрешения, а основал свое решение на иных нарушениях, напрямую не касающихся применения ч. 5 ст. 165 УПК.

Закон по обозначенному вопросу допускает как минимум два варианта толкования.

Первый вариант толкования закона. Статья 450.1 УПК является своего рода дополнением к ч. 1 ст. 165 УПК, расширяя круг следственных действий, проведение которых допускается только по судебному решению, за счет включения в этот перечень осмотра и выемки, если они производятся в отношении адвоката. Однако сам порядок производства следственных действий полностью укладывается в рамки, установленные ст. 165 УПК. При таком толковании следственное действие, включенное в перечень, имеющийся в ч. 5 ст. 165 УПК, в безотлагательных случаях может быть произведено без судебного решения, независимо от того, в отношении кого оно проводится (в том числе и в отношении адвоката). Например, обыск в жилище производится по судебному решению, в том числе и обыск в жилище адвоката (ст. 450.1 УПК), вместе с тем в безотлагательных случаях обыск в жилище можно произвести без судебного решения в порядке ч. 5 ст. 165 УПК. Таким образом, ст. 450.1 УПК выступает специальной нормой по отношению к ч. 1 ст. 165 УПК, а ч. 5 ст. 165 УПК является специальной нормой по отношению и к ч. 1 ст. 165 УПК, и к ст. 450.1 УПК. Если опираться на такое толкование, производство следственного действия в отношении адвоката в экстренных случаях допускается без судебного решения.

Второй вариант толкования закона. Часть 5 ст. 165 УПК закрепляет исключение из об-

щего правила. Статья же 450.1 УПК регламентирует другую ситуацию, касающуюся только одного субъекта — адвоката и в силу этого принципиально отличающуюся от общего порядка производства следственных действий (как обычного, так и специального, предусмотренного ч. 5 ст. 165 УПК). К примеру, обыск в жилище производится по судебному решению, в безотлагательных случаях его проведение допускается без судебного решения в порядке ч. 5 ст. 165 УПК, однако эти правила не распространяются на обыск в жилище адвоката, поскольку порядок его проведения регулируется другой нормой — ст. 450.1 УПК. Иными словами, приоритетом выступают субъектные особенности участника следственного действия (адвоката). Тогда получается, что ч. 5 ст. 165 УПК выступает специальной нормой по отношению к ч. 1 ст. 165 УПК, а ст. 450.1 УПК — специальной нормой по отношению к ч. 5 ст. 165 УПК. При таком толковании проведение следственного действия в отношении адвоката без судебного решения невозможно.

Позиция автора. Верным представляется второй вариант толкования. Законодатель ввел ст. 450.1 УПК с конкретной целью — обеспечить сохранение адвокатской тайны путем закрепления особенностей производства следственных действий в отношении адвокатов. Эта цель является более узкой в сравнении с общими целями нормативной регламентации следственных действий. Необходимо учитывать и исторический аспект — ст. 450.1 УПК была введена в закон после ст. 165 УПК, как бы «поверх» правовой конструкции, образованной ч. 1 и 5 ст. 165 УПК. Будет вполне справедливо предположить, что законодатель, учитывая как общий, так и специальный порядок производства следственных действий, решил предусмотреть в отношении адвокатов особо квалифицированный порядок, выхо-

дящий за рамки регулирования, содержащегося в ст. 165 УПК. Соответственно, следует поддержать Д.А. Мыльцына, полагающего, что следственные действия не могут быть проведены в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК (без судебного решения), несмотря на безотлагательность ситуации³.

Необходимо учитывать и то, что в ч. 5 ст. 165 УПК сформулирован исчерпывающий перечень следственных действий, проведение которых в безотлагательных ситуациях возможно без судебного решения. В этот перечень не включаются действия, производимые в помещениях, используемых для занятия адвокатской деятельностью. Таким образом, применение ч. 5 ст. 165 УПК для проведения осмотра, обыска и выемки в указанных местах в принципе незаконно.

Предметы, изымаемые в ходе следственного действия

В ходатайстве следователя и в постановлении судьи о разрешении производства следственного действия должны быть указаны как конкретные основания для проведения следственного действия, так и подлежащие отысканию предметы (ч. 2 ст. 450.1 УПК). Это правило действует в отношении не только выемки, но также осмотра и обыска, хотя, по общему правилу, нормативная конструкция данных действий таких ограничений не предполагает. Напротив, общепринятым является подход, согласно которому осмотр допускает возможность обнаружения и изъятия любых материальных предметов, а одно из главных отличий обыска от выемки заключается в том, что до производства обыска неиз-

В ходатайстве следователя и в постановлении судьи должны быть указаны как конкретные основания для проведения следственного действия, так и подлежащие отысканию предметы

вестно, какие именно предметы могут быть обнаружены.

Судебная практика выработала оптимальный компромисс в толковании и применении закона. О формировании однозначного подхода свидетельствует значительное число судебных решений в различных субъектах Российской Федерации.

Конкретное указание объектов подразумевает приведение в постановлении не обязательно индивидуальных, но в некоторых случаях только родовых признаков соответствующих объектов.

из практики. Судья Киевского районного суда г. Симферополя дал разрешение на производство обыска в квартире адвоката. При этом в ходатайстве следователя и в постановлении судьи были указаны следующие объекты, подлежащие отысканию: мобильные телефоны, смартфоны, жесткие диски, флеш-накопители, ноутбуки, планшеты и иные электронные носители информации, имеющие значение для расследуемого уголовного дела. Обжалуя судебное решение, защитник отметил, что не было соблюдено требование ст. 450.1 УПК об указании индивидуальных особенностей, по которым отыскиваемые объекты возможно отграничить от остальных подобных объектов, не имеющих значения для дела. Отклоняя жалобу защит-

³ Мыльцын Д.А. Проблемы реализации прав адвоката в рамках производства в отношении него обыска и возможные пути их разрешения // Адвокатская практика. 2022. № 2. С. 53.

ника, суд апелляционной инстанции указал, что в постановлении о разрешении производства обыска указаны конкретные объекты поиска (апелляционное постановление СК по уголовным делам ВС Республики Крым от 27.08.2020 по делу № 3/6-460/2020).

По другому делу, возбужденному по факту фальсификации протокола общего собрания акционерного общества, суд указал в постановлении, что в ходе обыска могут быть изъяты документы, связанные с деловой перепиской адвоката с участниками данного общества. Признавая постановление судьи законным, апелляционный суд отметил, что из постановления ясен круг и характер документов, которые могут быть обнаружены в жилище адвоката при проведении обыска (апелляционное постановление СК по уголовным делам Приморского краевого суда от 11.11.2019 по делу № 3/6-217/2019).

Такой подход следует признать правильным. С одной стороны, до проведения следственного действия, как правило, невозможно точно установить конкретные объекты (с указанием их индивидуально-определенных наименований), содержащие значимую для дела информацию. Подобное требование заведомо невыполнимо и блокирует проведение следственных действий, что противоречит назначению уголовного судопроизводства. С другой стороны, для изъятия объектов, в отношении которого в постановлении о разрешении следственного действия указано обобщающее наименование, необходимо учитывать конкретные фактические обстоятельства совершения преступления.

При этом, если в постановлении судьи о разрешении проведения следственного действия указывается лишь самая общая фраза (например, «предметы и документы, имеющие значение для дела»), без какой-либо конкретизации хотя бы в обобщенном виде подлежащих отысканию предметов, такие постановления отменяются вышестоящими судами (апелляционные постановления: СК по уголовным делам

Курского областного суда от 11.09.2019 по делу № 22К-1219/2019; СК по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 26.08.2020 по делу № 3/6-1037/2020).

Осмотр места происшествия до возбуждения дела

Статья 450.1 УПК, предусматривающая особенности производства осмотра, обыска и выемки в отношении адвокатов, распространяется только на возбужденное уголовное дело. Следовательно, остается коллизийным вопрос о порядке производства осмотра места происшествия в отношении адвоката до возбуждения дела.

УПК в принципе не предусматривает получение судебного разрешения на проведение следственных действий до принятия решения о возбуждении дела. Соответственно, положения ст. 450.1 УПК к отмеченной ситуации неприменимы — ни в силу буквального содержания указанной нормы, распространяющей свое действие на случаи осуществления в отношении адвоката уголовного преследования, ни в силу того, что ее применение до возбуждения уголовного дела противоречит более общим нормам — ст. 29 и 165 УПК, а также совокупности норм УПК, регламентирующих проведение доследственной проверки.

Таким образом, до возбуждения уголовного дела осмотр места происшествия в жилище адвоката, в помещении, используемом для занятия адвокатской деятельностью, и в иных местах, где могут находиться предметы и документы, составляющие адвокатскую тайну, должен производиться без получения судебного решения. Нельзя считать, что судебное разрешение на проведение осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела обязательно в силу положений ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Данная норма, устанавливая дополнительные гарантии

осуществления адвокатской деятельности, должна применяться в системном единстве с положениями УПК, регламентирующими производство следственных действий и в целом порядок движения дела. Соответственно, после возбуждения уголовного дела ч. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре имеет приоритет перед правилами, закрепленными в УПК, поскольку касается одного конкретного аспекта проведения следственных действий — получения судебного решения. Однако до возбуждения уголовного дела применение ч. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре невозможно, так как она противоречит всей совокупности положений УПК, регламентирующих не только порядок производства следственных действий, но также проведение проверки сообщения о преступлениях и порядок возбуждения уголовного дела.

Разумеется, могут возникнуть опасения, что органы предварительного расследования будут «обходить» установленные ст. 450.1 УПК дополнительные условия производства осмотра в отношении адвоката, проводя это следственное действие до возбуждения дела. Однако законность проведения такого осмотра должна оцениваться на последующих этапах производства по уголовному делу. Следует учитывать, что осмотр до возбуждения уголовного дела производится, как правило, в условиях наличия минимальной информации о преступном

событии. Поэтому если в поступившем сообщении содержались сведения о наличии преступного деяния, приоритет требуется отдавать необходимости производства осмотра, поскольку его непроведение незамедлительно после получения сообщения повлечет утрату следов преступления и обусловит сложности в принятии по делу законного и обоснованного решения. Если же в ходе следственной проверки установлены основания для возбуждения дела, однако указанное решение не принято, а осмотр произведен, очевидно, что его проведение противоречит закону, а результаты должны быть признаны недопустимыми доказательствами. Вполне возможно заявление соответствующего ходатайства как в судебном разбирательстве при рассмотрении дела по существу, так и ранее — путем направления жалоб руководителю следственного органа, прокурору или в суд в порядке ст. 125 УПК. ■

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Гриненко, А.В., Овчаренко, Е.И. Участие адвоката в уголовном судопроизводстве: генезис и современность // Адвокатская практика. — 2018. — № 2.
- 2 Колоколов, Н.А. Допрос адвоката: общепризнанный взлом презумпции // Уголовный процесс. — 2014. — № 1.
- 3 Мылъцын, Д.А. Проблемы реализации прав адвоката в рамках производства в отношении него обыска и возможные пути их разрешения // Адвокатская практика. — 2022. — № 2.

ЗАПОМНИМ

- ✓ Применение части 5 статьи 165 УПК для проведения осмотра, обыска и выемки в помещениях, используемых для занятия адвокатской деятельностью, в принципе незаконно
- ✓ Нельзя считать, что судебное разрешение на проведение осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела обязательно в силу положений части 3 статьи 8 Закона об адвокатуре

Вадим Владимирович Хилюта, д. ю. н., доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета им. Я. Купалы

Фальсификация процессуальных документов по гражданским делам: когда есть состав преступления

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- **Какие документы могут признаваться предметом фальсификации доказательств по гражданскому делу**
- **Как суд определяет значимость того или иного документа при разрешении гражданского дела в случае обнаруженной подложности**

Вопрос о фальсификации доказательств имеет существенное значение для решения любого дела. Фальсифицироваться могут различные доказательства, в рамках как уголовного, так и гражданского судопроизводства.

Но любые ли процессуальные документы, которые подвергаются подделке, могут являться предметом преступления, предусмотренного ст. 303 УК?

В данной статье на конкретной ситуации попытаемся разобраться, являются ли процессуальные документы, закрепляющие распорядительные действия участников процесса, предметом ст. 303 УК.

Обстоятельства дела

Н. обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159, ч. 1 ст. 303 УК. Как следует из обвинитель-

ного заключения, он совершил покушение на мошенничество в особо крупном размере, группой лиц по предварительному сговору, но преступление не было доведено до конца по независящим от него обстоятельствам.

Согласно обвинению, неустановленный соучастник, действующий в интересах ООО «Э», обладая информацией о совершенном платеже от И. в адрес Б. с назначением платежа по договору уступки права (требования) от 09.04.2013 и доподлинно осознавая, что договор уступки права (требования) от 09.04.2013 в действительности между И. и Б. никогда не заключался, решил воспользоваться полученной информацией в своих корыстных целях и добиться, путем обмана, принятия судом решения о расторжении вышеуказанного договора и взыскания с Б. денежных средств в размере 94 843 200 руб., с целью последующего их обращения в конкурсную массу по делу «Ф» и распределения между кредиторами И., в том числе ООО «Э». С целью реализации задуманного, неустановленный соучастник в точно не установленное следствием место и время, но не позднее 03.07.2020 обратился к Н. и предложил в обмен на часть денежного вознаграждения, которое он намеревался получить после распределения денежных средств Б. между кредиторами, в том числе ООО «Э», принять участие в предстоящем преступлении. Н. дал свое добровольное согласие, вступив с неустановленным соучастником в преступный сговор, направленный на приобретение путем обмана права на имущество, принадлежащее Б., а именно денежные средства в размере 94 843 200 руб., то есть в особо крупном размере, группой лиц по предварительному сговору, а также на фальсификацию доказательств по гражданскому делу.

Далее, в ходе участия в рассмотрении вышеуказанного гражданского дела, желая неминуемо добиться путем обмана судьи незаконного принятия решения об удовлетворении гражданского иска и, как след-

ствии, незаконного получения права требования денежных средств от Б. в размере 94 843 200 руб., Н. организовал изготовление при неустановленных следствием обстоятельствах фальсифицированных документов. Эти документы Н., действуя умышленно группой лиц по предварительному сговору с неустановленным соучастником, в период с 04.02.2021 по 11.02.2021 лично предоставил в С-кий районный суд г. Москвы, для приобщения к материалам гражданского дела с целью введения в заблуждение судьи и принятия последним на основании указанных документов, содержащих заведомо ложные, не соответствующие действительности сведения, решения в пользу соучастников преступления и, как следствие, незаконного получения права требования денежных средств от Б. в размере 94 843 200 руб.

Таким образом, как констатировали органы предварительного следствия, Н., действуя группой лиц по предварительному сговору с неустановленным соучастником, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, совершил умышленные действия, непосредственно направленные на приобретение путем обмана, то есть предоставления суду заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, права требования денежных средств, принадлежащих Б. на сумму 94 843 200 рублей, то есть в особо крупном размере, однако Н. и неустановленный соучастник свои преступные действия до конца довести не смогли по независящим от них обстоятельствам, а именно по причине их выявления представителем потерпевшей Б. — адвокатом Ф. и, как следствие, принятия судом правомочного решения, вступившего в законную силу, в пользу ответчика».

Н. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК. Также предполагаемые действия Н. по организации изготовления документов, констатируемых следствием

как фальсифицированных, и обстоятельства их предоставления в период времени с 04.02.2021 по 11.02.2021 в С-кий районный суд г. Москвы для приобщения к материалам гражданского дела позволили органам предварительного следствия выдвинуть обвинение Н. по ч. 1 ст. 303 УК.

Тем не менее при расследовании данного дела возник вопрос, связанный с оценкой документов: входят ли в предмет преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК, следующие документы:

- исковое заявление о расторжении договора уступки права (требования) от 09.04.2013 и взыскании с Б. денежных средств в размере 94 843 200 руб., направленное в С-кий районный суд г. Москвы;
- копия доверенности на представление Д. интересов арбитражного управляющего Ч. в судебных спорах;
- копия доверенности на представление Н. интересов арбитражного управляющего Ч. в судебных спорах;
- копия претензии о расторжении договора, возврата денежных средств, переданных по договору от финансового управляющего З. в адрес Б.;
- копия уведомления об отказе от договора уступки права (требования) от 09.04.2013;
- запрос от имени Ч. в адрес З.;
- ответ на запрос от имени З. на имя Ч. с прилагаемыми к нему копией претензии о возврате суммы неосновательно обогащения от 17.10.2018 и копией кассового чека (почтового отправления) от 17.10.2018;
- оригинал доверенности на представление Н. интересов арбитражного управляющего Ч. в судебных спорах.

Подделка доверенностей и искового заявления

Часть 1 ст. 303 УК предусматривает ответственность за фальсификацию доказательств по гражданскому, административному делу

лицом, участвующим в деле, или его представителем, а равно фальсификацию доказательств по делу об административном правонарушении участником производства по делу об административном правонарушении или его представителем, а равно фальсификацию доказательств должностным лицом, уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях, либо должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях.

В соответствии с п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» при рассмотрении уголовных дел о фальсификации доказательств (ст. 303 УК) судам следует учитывать особенности доказывания в различных видах судопроизводства, установленные в АПК (ст. 64–66), ГПК (ст. 55–57), КАС (ст. 59, 62, 63), КоАП (ст. 26.2), УПК (ст. 74, 88, ч. 1.2 ст. 144).

Согласно ст. 55 ГПК «доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов».

Поскольку ч. 1 ст. 55 ГПК устанавливает закрытый перечень доказательств по гражданскому делу (к ним относятся только объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов), из числа называемых след-

ствием «сфальсифицированных документов» нужно исключить:

- исковое заявление и его копию о расторжении договора уступки права (требования) от 09.04.2013 и взыскании с Б. денежных средств в размере 94 843 200 руб., направленное в С-кий районный суд г. Москвы 10.07.2020;
- копию доверенности на представление Д. интересов арбитражного управляющего Ч. в судебных спорах;
- копию доверенности на представление Н. интересов арбитражного управляющего Ч. в судебных спорах;
- оригинал доверенности на представление Н. интересов арбитражного управляющего Ч. в судебных спорах.

Данные документы не могут быть отнесены к доказательствам, так как служат лишь основанием для подтверждения полномочий определенных лиц или формулированием позиции (заявленных требований) стороны по делу и никоим образом не удостоверяют фактов, имеющих доказательственное значение для разрешения существа спора.

Подделка сопутствующих документов

В рассматриваемом деле предметом фальсификации доказательств признаны также: копия претензии о расторжении договора, возврате денежных средств, переданных по договору от финансового управляющего З. в адрес Б.; копия уведомления об отказе от договора уступки права (требования); запрос от имени Ч. в адрес З.; ответ на запрос от имени З. на имя Ч. с прилагаемыми к нему копией претензии о возврате суммы неосновательного обогащения и копией кассового чека (почтового отправления).

Между тем доказательствами являются «фактические данные», под которыми следует понимать не факты, а сведения о фактах. На основе этих сведений суд устанавли-

вает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для дела. Не имеют доказательственного значения те фактические данные, которые не содержат информацию о фактах, относящихся к делу.

С этой точки зрения копия претензии о расторжении договора, возврате денежных средств, переданных по договору от финансового управляющего З. в адрес Б.; копия уведомления об отказе от договора уступки права (требования); запрос от имени Ч. в адрес З. не могут являться доказательствами, так как не входят в предмет доказывания.

Вышеуказанные документы не являются обстоятельствами, обосновывающими требования и возражения сторон, которые бы имели значение для правильного разрешения дела. При этом следует указать, что суд не был связан с обстоятельствами, которые были указаны представителем истца, поскольку они не относились к сути заявленных исковых требований. Поэтому, если истец или ответчик (а равно их представители) в обоснование своих требований или возражений ссылаются на факты, не имеющие юридического значения для рассмотрения дела по существу, суд не включает их в предмет судебного доказывания. Следовательно, суд вправе принимать к рассмотрению только те доказательства, которые могут подтвердить или опровергнуть юридические факты, относящиеся к данному делу.

Ни копия претензии о расторжении договора, возврате денежных средств, переданных по договору от финансового управляющего З. в адрес Б., ни копия уведомления об отказе от договора уступки права (требования), ни запрос от имени Ч. в адрес З., ни ответ на запрос от имени З. на имя Ч. с прилагаемыми к нему копией претензии о возврате суммы неосновательного обогащения и копией кассового чека (почтового отправления) не могли подтвердить или опровергнуть факт обязательства, который имел место между сторонами.

В данном случае следует обратить внимание, что фальсификация судебного доказательства происходит именно на уровне источника (материальная форма доказательства) и, как следствие, может повлечь ложность сведений о фактах (содержание доказательства), при этом средства доказывания (процессуальная форма доказательства) не задействованы в процессе фальсификации. Поэтому копии претензии, запроса, уведомления, ответа на запрос не могут быть приравнены к доказательствам, так как эти документы являлись сопутствующими процессуальными документами, необходимыми лишь для возбуждения процессуальной процедуры по делу.

Заявление ходатайства о фальсификации доказательства предполагает опровержение самого существования доказательства. Однако вышеуказанные документы объективно не могли подтвердить или опровергнуть факт существования обязательственных отношений между сторонами, а потому доказательствами являться не могут.

В данном случае важно подчеркнуть, что определением С-кого районного суда г. Москвы, оставленным без изменения апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда, иск оставлен без рассмотрения в связи с несоблюдением досудебного порядка расторжения договора. Это говорит о том, что представленные недостоверные сведения не влияли на доказательственные факты договора уступки права (требования), а имели (могли иметь) процедурное значение.

Недостоверность указанных документов не предпрещает вопрос о фальсификации доказательств по делу. Обвиняемый не представлял документы, которые бы фальсифицировали сам факт наличия обязательства и имели бы существенное значение для разрешения дела по существу. Подложность рассматриваемых документов не могла повлиять на исход дела в связи с наличием до-

казательств, позволяющих установить фактические обстоятельства. По своей сути указанные документы являлись поводами и основаниями для возбуждения производства по делу и последующего судебного разбирательства.

Это обстоятельство вовсе не говорит о том, что любое, даже формальное нарушение процессуальных норм является общественно опасным и по этому основанию должно признаваться преступлением. Недопустимые доказательства не предполагают искажение фактических данных. Как указано в определении, суд первой инстанции «пришел к выводу о том, что истцом не соблюден досудебный порядок урегулирования спора, так как истец не обращался к ответчику с требованием о расторжении договора уступки права требования (цессии), а представленные доказательства соблюдения данного порядка не могут быть расценены как досудебное урегулирование спора».

Таким образом, для того, чтобы имела место фальсификация доказательств по гражданскому делу, необходимо, чтобы фальсифицировались фактические данные, имеющие существенное значение для дела, и произошла фальсификация самих источников доказательств. Рассматриваемые в примере документы не подпадают под такое определение.

Более того, фальсификация указанных документов не находится в причинно-следственной связи с совершением обманных действий при мошенничестве. Фальсификация данных документов не имела своей целью приобретение права на чужое имущество, а была направлена исключительно на возбуждение производства по гражданскому делу с целью выяснения обстоятельств заключения договора уступки права (требования). Следовательно, подделка процессуальных актов и документов, закрепляющих распорядительные действия участников процесса, не образует предмет преступления по ст. 303 УК.

Выводы суда по другому делу

С. приговором суда признан виновным в том, что он, являясь участником по гражданскому делу, изготовил справку о задолженности по заработной плате, расчетный листок за январь 2019 года, внося в них заведомо не соответствующие действительности сведения, а также приказ о расторжении с ним трудового договора с 21.01.2019, внося в приказ заведомо несоответствующие действительности сведения об увольнении 21.01.2019 с должности директора.

18.02.2019 С. предоставил указанные документы вместе с заявлением о выдаче судебного приказа в приемную судебного участка мирового судьи С-кого района Республики Карелия, на основании которого был выдан судебный приказ. После отмены судебного приказа С. 06.03.2019 предоставил указанные сфальсифицированные документы с иском заявлением в С-кий районный суд, изготовил расчет иска и организовал его представление в С-кий районный суд, внося в расчет заведомо недостоверные сведения.

Суд апелляционной инстанции по результатам пересмотра дела заключил следующее. Выводы суда о виновности С. в двух преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 303 УК, основаны на достаточной совокупности ис-

следованных доказательств, проверенных и оцененных в судебном заседании с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности, как это предусмотрено ст. 88 УПК. Факт изготовления С. справки о задолженности по заработной плате, расчетного листка за январь 2019 года и приказа о расторжении с ним трудового договора с 21.01.2019, как и факт предоставления указанных документов в суд, стороной защиты не оспаривается. Данное обстоятельство подтверждается показаниями самого С., а также заключениями экспертов от 5 марта 2019 года № 23, 24 и 20 декабря 2019 года № 2283. Вместе с тем судебная коллегия сочла необходимым исключить из приговора при описании фальсификации доказательств указание на фальсификацию С. доказательства по гражданскому делу — составленного им расчета иска, а также указание на подложность поданного С. искового заявления о взыскании заработной платы. Эти документы лишь раскрывают позицию истца в части заявленных исковых требований и не могут рассматриваться в качестве доказательств по делу в том смысле, который придает им ст. 303 УК (апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 05.10.2020 № 22-1252/2020). ■

ЗАПОМНИМ

- ✓ Не относятся к доказательствам документы, которые служат лишь основанием для подтверждения полномочий определенных лиц или формулированием позиции стороны по делу и никоим образом не удостоверяют фактов, имеющих доказательственное значение для разрешения существа спора
- ✓ О фальсификации доказательств по гражданскому делу можно говорить, если фальсифицировались фактические данные, имеющие существенное значение для дела, и произошла фальсификация самих источников доказательств

Дарья Валерьевна Грибанова, аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, стажер адвоката КА «Московский юридический центр»

Антиконкурентные соглашения и согласованные действия: проблемы разграничения

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- **Чем характеризуются согласованные действия и какую ответственность они влекут**
- **Почему часто смешиваются понятия «согласованные действия» и «антиконкурентное соглашение»**
- **Какие критерии разграничения согласованных действий и соглашения предлагают ученые и как несостоятельность таковых демонстрирует практика**

Оbjectивная сторона ограничения конкуренции (ст. 178 УК) состоит в заключении соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами. Определение антиконкурентного соглашения есть в п. 18 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции): договоренность в письменной форме (содержится в одном или нескольких документах) или в устной форме.

На практике антиконкурентное соглашение считается ничтожной сделкой. Его условия противоречат существу законодательного регулирования, а значит, к отношениям между его участниками неприменимы нормы гражданского законодательства. По этой причине наличие антиконкурентного соглашения «не ставится в зависимость от его заключения в виде договора по правилам, установленным гражданским законодательством,

включая требования к форме и содержанию сделок, и может быть доказано с использованием фактического поведения хозяйствующих субъектов» (обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016; постановление АС Западно-Сибирского округа от 21.11.2019 по делу № А70-9124/2018).

Согласованные действия: специфика и соотношение с соглашением

В случае необоснованного единообразного, одновременного поведения конкурентов на одном товарном рынке речь может идти не только о картелях, но и о согласованных действиях, совершение которых влечет не уголовную (ст. 178 УК), а административную ответственность (ст. 14.32 КоАП). Проблемы в антимонопольном законодательстве приводят к смешению понятий «соглашение» и «согласованные действия», что в науке и судебной практике объясняется отсутствием единообразного подхода к правовой природе согласованных действий. Сложность вносит то обстоятельство, что законодатель периодически менял подходы к пониманию места и роли согласованных действий в антимонопольном праве.

Так, длительное время согласованные действия не рассматривались в качестве самостоятельной правовой категории и были неотделимы от антиконкурентных соглашений. Соглашения и согласованные действия шли через запятую в ст. 11 Закона о защите конкуренции. Аналогичным образом

ст. 178 УК к способам совершения преступления относилась осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий (помимо заключения ограничивающих конкуренцию соглашений и неоднократного злоупотребления доминирующим положением)¹. По этой причине сотрудники антимонопольных органов и суды под согласованными действиями понимали шаги по реализации антиконкурентного соглашения².

В 2011 году с принятием «третьего антимонопольного пакета» согласованные действия были вынесены в ст. 11.1 Закона о защите конкуренции, а с принятием Федерального закона от 08.03.2015 № 45-ФЗ — исключены из диспозиции ст. 178 УК. Однако до настоящего времени четкие критерии разграничения согласованных действий с антиконкурентными соглашениями так и не выработаны³.

Данный вывод подтверждается судебной практикой. Так, Арбитражный суд Поволжского округа отметил, что ныне действующая редакция Закона о защите конкуренции хотя и разграничила запреты на ограничивающие конкуренцию согласованные действия и соглашения (ст. 11.1 и 11 указанного Закона соответственно), однако не дала четко сформулированного разграничения понятий «соглашения» и «согласованные действия» (постановление АС Поволжского округа от 02.12.2014 № Ф06-17806/2013 по делу № А65-6321/2014). Таким образом, в настоящее время выделение запрета согласованных действий в самостоятельную норму вносит путаницу и способствует увеличению числа правоприменительных ошибок.

Под согласованными действиями понимаются действия хозяйствующих субъек-

1 Федеральным законом от 29.07.2009 № 216-ФЗ была изменена редакция ст. 178 УК. См. также: определение Верховного Суда РФ от 12.04.2010 по делу № 46-010-26сп.

2 См.: Кинев А.Ю. Картель — тайная монополия: Сборник статей и интервью. М., 2012. С. 225.

3 См.: Осипова В.Л. Антиконкурентные согласованные действия: понятие и квалификация // Конкурентное право. 2018. № 3. С. 19–22.

тов на товарном рынке при отсутствии соглашения, удовлетворяющие совокупности следующих условий:

- результат таких действий соответствует интересам каждого из хозяйствующих субъектов;
- действия заранее известны каждому из участвующих в них хозяйствующих субъектов в связи с публичным заявлением одного из них;
- действия каждого из указанных хозяйствующих субъектов вызваны действиями иных хозяйствующих субъектов, участвующих в согласованных действиях, при отсутствии на то объективных причин (ст. 8 Закона о защите конкуренции)⁴.

Критерии разграничения, предлагаемые учеными

В научной литературе предлагаются различные критерии разграничения понятий «соглашение» и «согласованные действия». Как отмечают М.А. Егорова и А.Ю. Кинев, ключевым отличием соглашения от согласованных действий является то, что у последних отсутствует признак согласованности воли⁵. Например, хозяйствующие субъекты одновременно повышают цену в отсутствие на то объективных экономических причин, хотя о повышении цен они не договаривались (не выражали свою волю). Однако в таком случае налицо очевидное несоответствие буквального значения термина и придаваемого ему смысла. Кроме того, согласованные действия должны подразумевать согласование воли, поскольку в противном случае параллельное (совпадающее) поведение субъектов на рынке будет автоматически признаваться нарушением антимонопольного законодательства.

На указанное обстоятельство справедливо обращает внимание правоприменитель. По одному из дел суд пришел к выводу, что Московским УФАС не доказано совершение хозяйствующими субъектами

согласованных действий, поскольку фактические обстоятельства не свидетельствовали о согласовании воли, спланированности действий и наличии волеизъявления сторон (постановление Девятого ААС от 02.12.2022 № 09АП-69450/2022 по делу № А40-114208/2022).

А.Я. Рыженков, В.Л. Осипова считают, что соглашения и согласованные действия различаются в предмете доказывания. Для согласованных действий необходимо установить не только сам факт договоренности (как того требует антиконкурентное соглашение), но и его реализацию, а также наступление негативных последствий, влияющих на состояние конкуренции⁶. При этом понятие «согласованные действия» используется для того, чтобы подчеркнуть их совершение в устной форме (то есть когда необходимая степень формализации отсутствует, договоренность существует в устной форме)⁷. По этой причине некоторые исследователи полагают, что установление запрета совершения согласованных действий в действительности имело целью пресечение скрытых антиконкурентных соглашений, доказывание которых весьма проблематично⁸. Например, в одном из дел суд указал, что довод антимонопольного органа о заключении обществом устного антиконкурентного соглашения мог быть подтвержден только посредством доказывания совершения обществом с другим хозяйствующим субъектом согласованных действий (постановление АС Поволжского округа от 02.12.2014 № Ф06-17806/2013 по делу № А65-6321/2014).

Согласиться с таким подходом также нельзя. Возникает закономерный вопрос: от чего производны доказательства, если правовая природа антиконкурентного поведения не определена? Кроме того, не исключается, что в случае возникновения проблем с доказыванием (когда, например, основным источником доказательств выступает коммуника-

ция сотрудников, или поведение компаний на рынке, или когда возникают сложности с доказыванием наступления последствий, предусмотренных ст. 11.1 Закона о защите конкуренции), согласованные действия будут квалифицироваться как устные антиконкурентные соглашения. Поскольку, согласно позиции ФАС России, они запрещены как таковые, можно ограничиться доказыванием факта их наличия⁹.

С.А. Пузыревский критерием для разграничения соглашения от согласованных действий видит наличие или отсутствие публичного информационного обмена (публичных заявлений, например, о том, что хозяйствующий субъект планирует повысить цену)¹⁰.

Этот подход нашел отражение в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства».

К способам обмена информацией при согласованных действиях относят деловую переписку, интервью в различных средствах

массовой информации, публикации в сети Интернет, досье встреч представителей предприятий¹¹. Вместе с тем становится очевидным, что и в этой части принципиальная разница между соглашением и согласованными действиями также отсутствует, поскольку антиконкурентное соглашение подразумевает выражение согласия вне зависимости от формы, в том числе посредством внутренней переписки хозяйствующих субъектов, сообщений по электронной почте, СМС-сообщений или соглашения, достигнутого на интернет-форуме и др.¹²

Кроме того, необходимо учитывать, что сейчас, в эпоху развития цифровой экономики, ценообразование является продуктом работы алгоритмов. Предлагаемый критерий для разграничения соглашения и согласованных действий устарел, поскольку алгоритмические системы координируют действия и при отсутствии публичного заявления одного из участников рынка о планируемом поведении. Они воспроизводят наилучшее ценовое предложение в кон-

-
- 4 Последний критерий также нашел отражение в п. 2 постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства».
 - 5 Конкурентное право: учебник / под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. М.: Юстицинформ, 2018. С. 108.
 - 6 Рыженков А.А. Право и монополии в современной России: Монография. М.: Юстицинформ, 2017. С. 143; Осипова В.Л. Антиконкурентные согласованные действия: понятие и квалификация // Конкурентное право. 2018. № 3. С. 19–22.
 - 7 Данный подход нашел отражение в правовой позиции Европейского Суда справедливости по делу ICI v. Commission (1972) (ECR 619, (1972) CMLR 557, paras. 64 and 65): «под согласованными действиями понимается координация между предприятиями, не достигшая стадии соглашения в явном виде, которая осознанно замещает практическое взаимодействие между ними». См. также: решение Арбитражного суда Свердловской области от 27.03.2018 по делу № А60-10293/2018.
 - 8 См.: Кратенко М.В. Злоупотребление свободой договора: частноправовые и публично-правовые аспекты: монография. М.: Волтерс Клувер, 2010.
 - 9 Правоприменителю необходимо помнить, что устойчивость решений по уголовным делам о картелях во много раз ниже, чем по административным правонарушениям. Как показывает судебная практика, факт заключения картельного сговора обычно устанавливается на основе совокупности косвенных доказательств. При таких обстоятельствах любая вероятность суждений может быть истолкована судами как несоответствие повышенному стандарту доказывания в уголовном судопроизводстве (вне разумных сомнений).
 - 10 Пузыревский С.А. Третий антимонопольный пакет: общая характеристика планируемых изменений антимонопольного законодательства // wiselawyer.ru.
 - 11 См.: Кабанова И.Е. К вопросу о понятии «действия по соглашению» // Конкурентное право. 2012. № 3. С. 22; Конкурентное право: Учебник / Отв. ред. С.А. Пузыревский. М., 2014.
 - 12 Деревягина О.Е. Преступное ограничение конкуренции: теоретические и прикладные аспекты: диссертация кандидата юридических наук. Красноярск, 2021.

кретный момент времени автоматически без взаимодействия с человеком, контактируя друг с другом путем обмена информацией (мониторинга, пересмотра цен компании и др.). Иными словами, известность каждому из субъектов о согласованных действиях друг друга заранее может быть установлена не только при представлении доказательств получения ими конкретной информации, но и исходя из общего положения дел на товарном рынке (указанный подход был отражен в постановлении Президиума ВАС РФ от 21.04.2009 № 15956/08 по делу № А65-3185/2008-СА1-23).

Попутно отметим, что в настоящее время постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» не содержит разъяснений, посвященных использованию агрегаторов¹³. С позиции антимонопольного законодательства агрегаторы (алгоритмические системы) занимаются координацией экономической деятельности (ч. 5 ст. 11 Закона о защите конкуренции). Иными словами, данный тип деятельности, согласно господствующей в практике позиции ФАС России, является, как и картельный сговор, запрещенным. При этом, несмотря на то обстоятельство, что ст. 13 Закона закрепляет возможность признавать ряд антиконкурентных действий допустимыми (например, поскольку использование алгоритмов в условиях современных цифровых рынков способствует внедрению инноваций и направлено на достижение социально полезного эффекта), ч. 5 ст. 11 Закона о защите конкуренции в перечне допустимых антиконкурентных действий не входит. Таким образом, все больше хозяйствующих субъектов, активно внедряющих и использующих платформы-агрегаторы, могут столкнуться с риском уголовного преследования.

Представляется, что решить данную проблему можно несколькими путями.

Во-первых, необходимо помнить, что состав преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 178 УК, характеризуется только прямым умыслом. Следовательно, если хозяйствующий субъект не осведомлен обо всех возможностях своей программы (алгоритма) и, в частности, о риске возникновения картельного сговора, он не может быть привлечен к уголовной ответственности.

Во-вторых, как справедливо отмечал Верховный Суд РФ, положения ст. 41 УК также распространяются и на лиц, допустивших обоснованный риск в ходе предпринимательской и иной экономической деятельности для достижения общественно полезной цели (п. 18.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 в ред. от 11.06.2020). Таким образом, при условии соответствия риска обозначенным в законе критериям лицо также не может быть привлечено к уголовной ответственности.

В-третьих, при правовой оценке действий хозяйствующих субъектов, связанных с использованием ценовых алгоритмов, суды могут принимать во внимание положения ч. 2 ст. 14 УК. Однако центральные понятия ст. 14, 41 УК («обоснованность», «малозначительность») являются оценочными, что на правоприменительном уровне не всегда означает смягчение уголовно-правовой репрессии. В таком случае внесение изменений в ст. 13 Закона о защите конкуренции является оправданным, но при условии разработки перечня критериев допустимости использования алгоритмов во избежание возможных злоупотреблений со стороны хозяйствующих субъектов.

Например, водители платформы Яндекс.Такси организационно являются независимыми экономическими агентами. Водитель регистрируется в качестве индивидуального предпринимателя, а отдельные примеры рассмотрения исков свидетельствуют о том, что суд не признает отношения, возникшие между водителями и ООО «Яндекс.Такси»,

трудовыми (см., например, решение За-москворецкого районного суда г. Москвы от 14.05.2019 по делу № 2-2792/2019 по иску В.Ю. Голованова к ООО «Яндекс.Такси»). Водитель пользуется «посредническими услугами» агрегатора (платформа устанавливает цены и иные параметры действия), он через платформу включен в систему координации экономической деятельности. Это может привести к незаконной координации цен на товарном рынке, запрещенной ч. 5 ст. 11 Закона о защите конкуренции. В таком случае, руководствуясь логикой Пленума ВС РФ в п. 18 постановления от 26.06.2018 № 26 (агрегатор несет ответственность перед пассажиром за причиненный вред), можно говорить о том, что потенциальными субъектами ответственности могут стать владельцы сайта или программы, которые предоставляют потребителям соответствующие услуги, при условии их осведомленности обо всех возможностях алгоритма.

Смещение двух категорий на практике

Как видим, четкий механизм дифференциации антиконкурентных соглашений и иных действий, запрещенных антимонопольным законодательством, в настоящее время отсутствует. Поэтому неудивительно, что решения антимонопольного органа о наличии нарушения ст. 11.1 Закона о защите конкуренции практически отсутствуют (в 2017, 2018, 2020 году — 0 дел, в 2019-м — пять, в 2021-м — одно)¹⁴. Пожалуй, единственным ограничительным критерием выступает доля, которой участники согласованных действий должны обладать на рынке, — по Закону о защите конкуренции она должна составлять не менее 20 процентов.

Судебная практика по ст. 178 УК в вопросах разграничения антиконкурентных соглашений и согласованных действий способствует размыванию границ между правонарушением и преступлением, демонстрируя несостоятельность критериев, предложенных законодателем. Часто в мотивировочной части одного и того же решения антиконкурентное соглашение раскрывается через категорию согласованных действий.

из ПРАКТИКИ. В приговоре Московского районного суда г. Санкт-Петербурга отмечается, что генеральный директор ООО1, директор ООО2 и действующая по доверенности представитель указанных Обществ Б., желая избежать негативных для участников преступного сговора последствий в виде исключения из аукционов одного из них, создали новое, подконтрольное им коммерческое общество с целью заключения с ним ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля). По условиям картельного сговора указанные фирмы получили право на заключение государственных контрактов по максимально высокой, наиболее выгодной для себя цене. Суд, квалифицируя действия хозяйствующих субъектов по п. «а» ч. 2 ст. 178 УК, то есть как заключение ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), указал, что лица совершили согласованные действия, имитирующие конкурентную борьбу при участии в государственных закупках, под видом добросовестной коммерческой деятельности (приговор от 23.12.2019 по делу № 1-1041/2019).

В другом деле суд указал, что ст. 178 УК предусматривает заключение соглашения хозяйствующими субъектами-конкурентами, ограничивающее конкуренцию, то есть подразумевает согласованность действий (кассационное опреде-

13 В этих целях законопроект от 07.07.2022 № 160280-8, посвященный совершенствованию антимонопольного регулирования «цифровых» рынков, предлагает внести изменения в Федеральный закон «О защите конкуренции» // sozd.duma.gov.ru.

14 Доклад о состоянии конкуренции в РФ за 2021 год // fas.gov.ru.

ление Красноярского краевого суда от 09.08.2012 по делу № 22-6726/2012).

Полагаем, что правоприменитель рассматривает согласованные действия хозяйствующих субъектов как неотъемлемую часть антиконкурентного соглашения. Согласованные действия — это действия, направленные на реализацию картельного сговора, используемые в качестве одного из доказательств заключения антиконкурентного соглашения. Указанное косвенно следует из текста Пояснительной записки к проекту Федерального закона «О защите конкуренции»¹⁵. В ней отмечается, что, с одной стороны, согласованные действия могут являться следствием реализации участниками соглашения, с другой — антиконкурентное соглашение обеспечивает все необходимые условия для согласования действий, результатом которых уже становится ограничение конкуренции.

ИЗ ПРАКТИКИ. В одном деле суд пришел к выводу, что полученный итог аукциона вне сговора (взаимной информированности) участников был невозможен. Указанное подтверждалось согласованными действиями участников, их собственными показаниями, исследованными доказательствами, в том числе протоколом осмотра их переписки и переговоров (приговор Индустриального суда г. Перми от 14.12.2021 по делу № 1-421/2021).

В другом деле судебная коллегия, признавая доводы кассационного представления необоснованными, отметила, что в постановлении о возбуждении уголовного дела по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 178 УК не указано, какие согласованные действия осуществлялись М. и Ш. в целях ограничения конкуренции (кассационное определение Краснодарского краевого суда от 27.07.2011 по делу № 22-5768/2011). И такие решения не единичны (см., напр., приговоры: Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 08.06.2022 по делу № 1-194/2022, Новгородского районного суда

Новгородской области от 10.03.2021 по делу № 1-18/2021 (1-39/2020; 1-729/2019)¹⁶.

Представляется, что данный подход нельзя признать верным, поскольку согласованные действия законодатель относит к самостоятельной правовой конструкции, отличной от антиконкурентных соглашений. Осуществление хозяйствующим субъектом недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством согласованных действий образует состав административного правонарушения (ч. 6 ст. 14.32 КоАП), а не преступления. Иными словами, согласованные действия не должны подменять собой антиконкурентное соглашение из-за сложностей, возникающих в процессе доказывания по ст. 178 УК. В противном случае это будет способствовать необоснованному расширению уголовно-правового запрета и размыванию границ уголовно-правового регулирования.

Кроме того, принимая во внимание то обстоятельство, что по своей природе картель является деянием, совершаемым при необходимом соучастии, становится все более очевидной невозможность проведения четких границ между понятиями «соглашение» и «согласованные действия», поскольку в практике судов совместные и согласованные умышленные действия свидетельствуют о наличии предварительного сговора на совершение преступления (постановление Камызякского районного суда Астраханской области от 14.11.2018 по делу № 1-178/2018). Иными словами, в отечественном правопорядке происходит недопустимое смешение двух правовых институтов — института соучастия и института согласованных действий.

Опыт зарубежных стран

В правоприменительной практике зарубежных стран одностороннее публичное раскрытие информации может рассматриваться как выражение намерения относи-

тельно будущей модели поведения. Поэтому если хозяйствующий субъект не желает участвовать в антиконкурентной согласованной практике, он должен прямо заявить об этом — в противном случае для признания нарушения будет достаточно его молчаливого согласия¹⁷.

Неудивительно, что некоторые антимонопольные системы, например США, отказались от такой правовой конструкции, как согласованные действия, и используют понятие «неявное соглашение» (*implicit agreement*), для которого достаточно сознательной приверженности общей схеме¹⁸.

Другие антимонопольные системы, например Кыргызская Республика, Сингапур, Финляндия, Турция, Швейцария, запрещают любые соглашения (сговор) и согласованные действия, которые имеют своей целью (или результатом) предотвращение, ограничение или устранение конкуренции. Интересно, что Швейцария в последние годы все чаще прибегает к использованию понятия *overall arrangement* для выявления нескольких нарушений в одном «общем нарушении». Представляется, что указанный подход был воспринят в том числе с целью избежание понятийной путаницы.

В этой связи анализ положительного зарубежного опыта может быть полезным для российского законодательства.

Таким образом, дальнейшая научная разработка критериев разграничения понятий «антиконкурентное соглашение» и «согласованные действия» (или исключение последнего ввиду отсутствия самостоятельного со-

держания) приобретает особую значимость. Смешение двух категорий на практике может привести к грубым ошибкам при оценке существования антиконкурентного поведения, что ставит под сомнение законность и обоснованность приговора и может послужить основанием для его отмены. ■

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Деревягина, О.Е. Преступное ограничение конкуренции: теоретические и прикладные аспекты: дисс. канд. юрид. наук: 12.00.08. — Красноярск, 2021. — 259 с.
- 2 Кабанова, И.Е. К вопросу о понятии «действия по соглашению» // Конкурентное право. — 2012. — № 3.
- 3 Кинев, А.Ю. Картель — тайная монополия: Сборник статей и интервью. — М., 2012. — 232 с.
- 4 Конкурентное право: учебник / под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. — М.: Юстицинформ, 2018. — 628 с.
- 5 Конкурентное право: Учебник / отв. ред. С.А. Пузыревский. — М., 2014. — 640 с.
- 6 Кратенко, М.В. Злоупотребление свободой договора: частноправовые и публично-правовые аспекты: монография. — М.: Волтерс Клувер, 2010. — 208 с.
- 7 Кутькина, А.А. Соглашение и согласованные действия как виды сговора в конкурентном праве Европейского союза // Конкурентное право. — 2015. — № 3.
- 8 Осипова, В.Л. Антиконкурентные согласованные действия: понятие и квалификация // Конкурентное право. — 2018. — № 3.
- 9 Пузыревский, С.А. Третий антимонопольный пакет: общая характеристика планируемых изменений антимонопольного законодательства // *wiselawyer.ru*.
- 10 Рыженков, А.А. Право и монополии в современной России: Монография. — М.: Юстицинформ, 2017. — 208 с.
- 11 Чурилов, А.Ю. Использование технологии блокчейн при осуществлении монополистической деятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 3.

15 fas.gov.ru.

16 В судебной практике можно также встретить примеры, когда, несмотря на упоминание в обвинении об осуществлении подсудимым согласованных действий, юридическая оценка таким действиям в рамках предварительного следствия не давалась. См., напр., приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 13.02.2012 по делу № 1-15/2012 (1-888/2011).

17 Case C- 194/14 P AC-Treuhand v Commission.

18 См.: Кутькина А.А. Соглашение и согласованные действия как виды сговора в конкурентном праве Европейского союза // Конкурентное право. 2015. № 3. С. 8–11; Чурилов А.Ю. Использование технологии блокчейн при осуществлении монополистической деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 3. С. 52–61.

Кристина Вадимовна Ивасенко, к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ им. М.В. Ломоносова

Запрет поворота к худшему при разрешении вопросов о конфискации вещдоков, процессуальных издержках и гражданском иске

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- Как судебные решения, не разрешающие вопросы существа уголовного дела, соотносятся с запретом поворота к худшему
- Подпадают ли под действие этого запрета решения суда о конфискации вещественных доказательств, процессуальных издержках и решения по гражданскому иску

Суть правила о запрете поворота к худшему заключается в том, что положение осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено¹, не может быть ухудшено без требования о том участников со стороны обвинения.

Действующий уголовно-процессуальный закон широко оперирует термином «поворот к худшему» применительно к провероч-

ным инстанциям (ст. 252, ч. 5 ст. 321, ч. 3 ст. 339, ч. 4 ст. 389.8, ст. 389.24, ст. 401.6, ч. 5 ст. 401.16 УПК). Однако ни одна норма не дает каких-либо критериев, относительно того, что считать ухудшением положения лица. Профильные постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 о применении норм УПК, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции, и от 25.06.2019 № 19 о приме-

нении норм гл. 47.1 УПК, регулирующих производство в суде кассационной инстанции, акцентируют внимание на запрете ухудшать положение, но также не толкуют сколько-нибудь подробно содержание понятия «ухудшение».

Запрет поворота к худшему регулярно становится предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Собственно, именно его постановления в наибольшей степени и сформировали пределы действия поворота к худшему. Среди наиболее значимых решений стоит выделить постановление от 11.05.2005 № 5-П². Центральной проблемой, на которой было сосредоточено внимание суда, являлась сама по себе возможность поворота к худшему при пересмотре в порядке надзора вступившего в законную силу решения суда по жалобам потерпевшего, его представителя или по представлению прокурора. Вместе с тем суд попутно сформулировал важнейшее положение о том, что с точки зрения ухудшения или улучшения положения осужденного могут рассматриваться только такие решения, «которые определяется уголовно-правовой статус лица как виновного или невиновного в совершении преступления и подлежащего или не подлежащего уголовной ответственности и наказанию» (абз. 2 п. 1.3). Вследствие этого в правоприменении устоялось понимание ухудшения положения осужденного как действий, изменяющих в неблагоприятную для него сторону объем предъявленного обвинения и назначенное наказание.

В связи с принятием ряда новых решений Конституционного Суда РФ на сегодняшний день интерес вызывает следующая проблема: как иные, непосредственно не разрешающие вопросы существования уголовного дела решения соотносятся с запретом поворота к худшему? Включаются ли они в пределы действия этого правила или находятся вне его? Речь идет о трех решениях: о конфискации имущества, признанного вещественным доказательством по уголовному делу; о процессуальных издержках; а также о гражданском иске.

Мнения ученых

Несмотря на то, что вопрос о пределах действия запрета поворота к худшему в отношении решений, определяющих имущественное положение осужденного, актуален для практики, в литературе он не получил широкого освещения. Авторы, которые все же обращали на него свое внимание, сходятся во мнении, что изменения, в целом связанные с определением имущественного положения (имущественной ответственности) лица, в отношении которого ведется производство по делу, то есть все, названные выше, безусловно подпадают под действие запрета поворота к худшему.

И.В. Килина включает увеличение размера возмещения морального вреда, взысканных с осужденного процессуальных издержек и другие изменения, связанные с определением имущественного положения лица, в число критериев поворота к худшему³. Аналогичную позицию высказывал

-
- 1 Для краткости далее по тексту указанные лица будут объединены единым термином «осужденный», ввиду того что рассматриваемые в статье вопросы в большей степени касаются именно ухудшения положения осужденного. В необходимых случаях оправданный и лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено, будут указываться самостоятельно.
 - 2 «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан».
 - 3 Килина И.В. Поворот к худшему при пересмотре приговоров и иных итоговых решений суда в апелляционном порядке: дисс. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2019. С. 35, 42–43.

С.А. Трухин⁴. Указанные авторы, презюмируя, что увеличение гражданско-правовой ответственности в рамках предъявленного гражданского иска, взыскание процессуальных издержек и конфискация имущества осужденного ведут к ухудшению его положения, не ставят данный вывод под сомнение и не обосновывают его дополнительно.

Вопрос конфискации: определяющее решение КС РФ

В 2017 году перед Конституционным Судом РФ был поставлен вопрос, касающийся решения о конфискации имущества по довольно громкому уголовному делу в отношении гражданина А.Е. Певзнера. Заявитель привлекался к уголовной ответственности за контрабанду (ч. 2 ст. 188 УК) принадлежащей ему и его супруге картины К. Брюллова «Христос во гробе». Само уголовное дело еще в 2013 году было прекращено судом в связи с истечением срока давности уголовного преследования, а картина, признанная вещественным доказательством как орудие преступления, была в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК конфискована и оставлена на хранение в Государственном Русском музее.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского областного суда от 24.06.2014 решение суда первой инстанции в части конфискации вещественного доказательства изменило и обязало после надлежащего таможенного оформления вернуть картину законным владельцам (Певзнеру). В таком виде решение вступило в силу. Однако почти два года спустя Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, действуя на основании кассационного представления заместителя Генерального прокурора РФ, решение пересмотрела и определила оставить в силе постановление суда первой инстанции, вещественное доказательство в виде картины вновь конфисковать. Верховный Суд РФ в данном случае руководствовался

тем, что решение о конфискации вещественного доказательства не может расцениваться как ухудшающее или улучшающее положение лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, а значит, не подпадает под действие ст. 401.6 УПК и может быть принято спустя год после вступления обжалуемого решения в силу.

На момент рассмотрения жалобы А.Е. Певзнера (2017 год) суды, напомним, при определении пределов поворота к худшему исходили из двух критериев, выработанных еще в далеком 2005 году: объема обвинения и назначенного наказания. Между тем конфискация имущества в качестве иной меры уголовно-правового характера (гл. 15.1 УК), а не как вид наказания⁵, появилась в Уголовном кодексе позднее, лишь в 2006 году⁶, то есть и не могла быть учтена Конституционным Судом РФ при формулировании позиции в постановлении 2005 года № 5-П.

КС РФ проанализировал правовую природу конфискации имущества как безвозмездного изъятия имущества у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (ст. 234 ГК), место конфискации имущества в системе уголовного законодательства (ст. 104.1 УК) и законодательства об административных правонарушениях (п. 4 ч. 1 ст. 3.2, ст. 3.7 КоАП), и придал уголовно-правовой конфискации имущества подсудимого статус меры особого рода, соотносимой с наказанием, но не тождественной ему. В этой связи без признания ст. 401.6 УПК неконституционной пределы ее действия были скорректированы. Так, помимо объема обвинения и наказания, оценке с точки зрения «ухудшения-улучшения» положения осужденного стали подлежать также иные публично-правовые санкции, структурно обособленные от наказания и выраженные в возложении обязанности претерпеть дополнительные, по отношению к наказанию, правоограничения уголовно-превентивного

свойства, по своей конституционно-правовой природе соотносимые по некоторым признакам с наказанием, хотя и не тождественные ему (п. 4 постановления Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 № 5-П).

Следствием этого стало применение в отношении решения о конфискации имущества всех базовых правил запрета поворота к худшему. Во-первых, изменение в неблагоприятную сторону для осужденного при пересмотре вступившего в законную силу решения возможно лишь в пределах одного года с момента вступления решения суда в силу. Во-вторых, ухудшение положения осужденного допускается только по представлению прокурора, жалобе потерпевшего и иных участников со стороны обвинения и в пределах доводов, указанных в жалобе или представлении.

Решение вопроса о процессуальных издержках

Суд, постановляя приговор, должен среди прочего разрешить вопрос о том, на кого и в каком размере должны быть возложены процессуальные издержки (п. 13 ч. 1 ст. 299, п. 3 ч. 1 ст. 309 УПК). Порой они могут составлять значительную для осужденного сумму, и решение о том, должен ли он их выплачивать или нет, может оказаться весьма существенным (недаром освобождение от выплаты процессуальных издержек рассматривается как преференция, установленная для особых производств в порядке гл. 40, 40.1, ст. 226.9 УПК). Но чтобы утверждать, что вопрос с издержками сегодня подпадает под действие правила о запрете поворота

к худшему, следует проанализировать, какой критерий из выработанных Конституционным Судом РФ в данном случае применим.

Природа издержек. Согласно разъяснениям Пленума ВС РФ, процессуальные издержки представляют собой необходимые и оправданные расходы, связанные с производством по уголовному делу, в том числе суммы, выплачиваемые физическим и юридическим лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство в качестве участников или иным образом привлекаемым к решению стоящих перед ним задач, на покрытие расходов, понесенных ими в связи с вовлечением в уголовное судопроизводство (п. 1 постановления от 19.12.2013 № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» (ред. от 15.12.2022)). Очевидно, что размер процессуальных издержек по уголовному делу не влияет на объем обвинения и наказание и никак не меняет уголовно-правовой статус лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Быть может, возложение обязанности возместить процессуальные издержки является иной публично-правовой санкцией или правоограничением уголовно-превентивного свойства? Полагаем, что ответ также должен быть отрицательным, поскольку основанием возмещения процессуальных издержек является не само по себе противоправное деяние, а те убытки, которые вынуждены нести привлекаемые к участию в деле лица в связи с данным уголовным процессом. При этом они не обязательно вызваны неправомерным поведением подсудимо-

4 Трухин С.А.: Критерии ухудшения положения лица, в отношении которого ведется апелляционное производство // Законность. 2016. № 6. С. 52; Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 14.

5 Конфискация имущества как вид наказания была закреплена в п. «ж» ст. 44 УК и действовала до вступления в силу Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ.

6 Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”».

го, поскольку возникают и при вынесении оправдательного приговора и при прекращении уголовного дела. В соответствии с УПК они могут быть взысканы из разных источников — как за счет средств участников уголовного судопроизводства, так и за счет средств федерального бюджета. То есть если бы процессуальные издержки были санкциями, их «следовало бы рассматривать и в качестве санкций или же мер уголовно-правового характера, налагаемых на государство либо участников уголовного судопроизводства, не являвшихся (не являющихся) обвиняемыми (осужденными)» (определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 № 2104-О).

Обобщая сказанное, можно заключить, что раз решением о взыскании процессуальных издержек уголовно-правовой статус лица, в отношении которого оно принято, судом не определяется, вопрос об обвинении в совершении преступления и назначении наказания не разрешается, санкцией такое решение также не является, то пересмотр данного решения не может расцениваться как ухудшающий или улучшающий положение этого лица, а значит, не подпадает под действие правила о запрете поворота к худшему. Это фактически означает, что допускается ситуация, при которой осужденный, обжаловавший приговор, например, в надежде смягчить наказание, может столкнуться с тем, что суд, признав, назначенное наказание законным, обоснованным и справедливым, при этом установит, что вопрос о процессуальных издержках разрешен судом первой инстанции неверно. Тогда, действуя в ревизионном порядке, суд увеличит их размер или возложит на жалобщика издержки, ранее отнесенные на счет федерального бюджета, ведь это не ухудшает его положение с точки зрения обвинения и не меняет его уголовно-правовой статус. Кроме того, если выводить процессуальные издержки за пределы запрета поворота к худшему, то после вступления в силу обжаловать при-

говор в этой части можно будет бессрочно. В частности, последнее утверждение проследживается при анализе определения Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2190-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Тауц Инны Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Следуют ли суды подобному толкованию поворота к худшему?

Позиции судов. Суды по-разному интерпретируют положения закона об ухудшении положения осужденного в части взыскания процессуальных издержек.

ИЗ ПРАКТИКИ. По прошествии года с момента вступления приговора в силу Второй КСОЮ в связи с представлением зампрокурора, указавшего на немотивированность решения суда и на отсутствие оснований освобождения осужденного от взыскания с него процессуальных издержек, определил приговор отменить в части освобождения осужденного от взыскания издержек, дело вернуть на новое рассмотрение в порядке ст. 396–399 УПК. Со ссылкой на позицию Конституционного Суда РФ, выраженную в определении от 27.09.2018 № 2190-О, суд признал, что пересмотр решений в части взыскания процессуальных издержек не подпадает под действие ст. 401.6 УПК (кассационное определение от 04.02.2021 по делу № 77-299/2021).

В другом деле Шестой КСОЮ пришел к диаметрально противоположным выводам, указав, что кассационное представление в части решения о возмещении за счет средств федерального бюджета процессуальных издержек, связанных с оплатой труда адвоката, в силу ст. 401.6 УПК и разъяснений в п. 6 постановления Пленума ВС РФ «О применении норм главы 47.1 УПК РФ, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», надлежит оставить без удовлетворения, поскольку с момента вынесения судом указанного постановления прошло более года (определение от 22.01.2020 № 77-36/2020).

В практике апелляционных инстанций также можно встретить решения, основанные на прямо противоположных позициях. В некоторых случаях суды, опять же со ссылкой на упомянутое определение Конституционного Суда РФ 2018 года, отмечают, что на решения о процессуальных издержках требования ст. 389.24 УПК не распространяются (апелляционные определения Мурманского областного суда от 23.09.2021 по делу № 22-1153/2021, Саратовского областного суда от 18.11.2021 № 22-2899/2021). Но в большинстве решений суды, напротив, указывают на ст. 389.24 УПК как на препятствие для взыскания процессуальных издержек с осужденного или увеличения их размера без соответствующих требований со стороны обвинения (апелляционное определение Архангельского областного суда от 13.10.2020 по делу № 22-3088/2020; апелляционное постановление Пермского краевого суда от 28.10.2021 по делу № 22-6830/2021; апелляционный приговор ВС Республики Тыва от 25.01.2022 № 22-94/2022).

Необходимое регулирование. Очевидно, что неоднородность судебной практики, вызванная неурегулированностью вопроса о возможности ухудшения положения осужденного в части взыскания процессуальных издержек в законе и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, противоречит принципу равенства всех перед законом и судом и должна быть устранена.

Думается, что для этого есть предпосылки в позициях самого же Конституционного Суда РФ. Так, в п. 4.1 определения от 05.12.2019 № 3271-О КС РФ, проверяя конституционность ч. 1 ст. 389.24 УПК в единстве с п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК, выстроил следующую логическую цепочку, которая, на наш взгляд, применима и к вопросу о процессуальных издержках:

1) апелляционные жалобы и представления относятся к числу обязательных элемен-

тов механизма возбуждения апелляционного производства;

2) в системной связи с таким порядком деятельности суда на апелляционной стадии находится правило о недопустимости поворота к худшему;

3) указанное регулирование обусловлено необходимостью обеспечить права на судебную защиту, на обжалование в суд решений госорганов и на пересмотр приговора вышестоящим судом надлежащими гарантиями их беспрепятственного осуществления в условиях реальной свободы обжалования, которая, помимо прочего, предполагает отсутствие у стороны защиты причин опасаться того, что инициированная ею процедура апелляционного производства тем или иным образом приведет к принятию судебного акта, ухудшающего положение подсудимого по сравнению с обжалуемым актом.

В этом же определении Конституционный Суд РФ отмечает, что правило о запрете поворота к худшему направлено на недопущение негативных последствий, которые могли бы наступить для инициатора апелляционного обжалования приговора. Полагаем, что требование об обязательном наличии жалобы (представления) участников со стороны обвинения применительно к действиям суда, направленным на любые неблагоприятные изменения для осужденного, в том числе и в части взыскания процессуальных издержек, должно быть непреложным для судов вышестоящих инстанций. Начало жалобы — базовое неотъемлемое правило для всех проверочных инстанций, которое обусловлено их предназначением, в соответствии с п. 2 ст. 5 и ст. 389.9 УПК, рассматривать уголовные дела по жалобам и представлениям. Увеличение размера взысканных издержек или их взыскание при первоначальном решении о возложении их на счет федерального бюджета ухудшает положение лица, поскольку возлагает на него дополнительные имущественные обязательства, не установленные

первоначальным решением суда, в этой связи на них следует распространять не только такой элемент запрета поворота к худшему, как наличие жалобы или представления, указывающих на нарушения законности в части вопроса о взыскании процессуальных издержек, но и годичный срок, установленный для кассационного и надзорного производств.

Поворот к худшему в отношении гражданского иска

Еще один вопрос связан с поворотом к худшему в отношении гражданского иска, заявленного в уголовном процессе. Начать стоит с анализа производства в апелляционной инстанции, ввиду того что постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» прямо урегулировало данный вопрос. В п. 31 данного постановления сказано, что положения ст. 389.24 УПК («отмена приговора или изменение иного судебного решения в сторону ухудшения положения») распространяются на гражданский иск в части требования о наличии жалобы потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, их законных представителей и (или) представителей или представления прокурора. Текущая практика подтверждает следование судов апелляционной инстанции данным разъяснениям (постановление Первого КСОЮ от 26.07.2022 № 77-3687/2022).

В то же время применительно к производству в кассационной инстанции суды высказывают несколько иной взгляд. Например, в определении по жалобе гражданина В.М. Колобова Конституционный Суд РФ, руководствуясь названными выше критериями (обвинение, наказание, публично-правовая санкция), пришел к выводу, что «решением суда кассационной инстанции об отмене приговора в части гражданского иска с направлением дела для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства не определяется

и не изменяется уголовно-правовой статус лиц, в отношении которых они приняты, вопрос об обвинении в совершении преступления и назначении наказания не разрешается, а значит, сам по себе пересмотр таких решений не может расцениваться как ухудшающий или улучшающий положение этих лиц и, следовательно, как подпадающий под действие статьи 401.6 УПК Российской Федерации» (абз. 5 п. 2 определения КС РФ от 26.11.2018 № 2863-О).

Впрочем, Верховный Суд РФ еще ранее основывал свои решения на аналогичных доводах. В одном из кассационных определений отмечено, что запрет, содержащийся в ст. 401.6 УПК, в системном толковании со ст. 252, 389.24, 389.25 УПК «не может распространяться на судебные акты, которыми в рамках уголовного дела разрешается гражданский иск, поскольку в этом случае не затрагиваются вопросы доказанности вины и объема осуждения, квалификации преступления, назначения наказания, режима его отбывания, то есть определяющие правовое положение осужденного, а, следовательно, отмена или изменение <...> судебных решений по данному уголовному делу в части гражданского иска, не может повлиять на это положение, в том числе ухудшить его» (кассационное определение Верховного Суда РФ от 30.07.2014 № 3-УДп14-2).

Возникает вопрос: почему на решение по гражданскому иску (а равно и на решение о взыскании процессуальных издержек, рассмотренное ранее) не распространяются именно положения ст. 401.6 УПК в части срока? Имеет ли годичный срок для обжалования в неблагоприятную сторону иную природу, нежели остальные элементы запрета поворота к худшему? Возможно ли, что при производстве в апелляционной инстанции увеличение размера гражданского иска признается ухудшением положения лица, тогда как после вступления решения в силу оно перестает быть таковым? Из анализа решений высших

судов явствует, что запрет поворота к худшему рассматривается как институт, состоящий из элементов, которые применяются автономно друг от друга.

Как известно, проверка вступившего в силу решения суда в силу действия принципа правовой определенности является мерой экстраординарной и допустимой как дополнительная гарантия исправления существенных нарушений законности. Введение пресекающего срока для обжалования судебного решения, по истечении которого положение осужденного (оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено) должно оставаться неизменным, было обусловлено необходимостью в какой-то момент окончательно стабилизировать его правовое положение с точки зрения уголовно-правового статуса. Правило о сроке призвано гарантировать действие принципа, запрещающего осуждать повторно за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах). В этой связи действительно можно говорить о том, что правило о сроке имеет иную природу, нежели другие составные элементы запрета поворота к худшему, как, например, требование к суду проверочной инстанции действовать в пределах доводов жалобы участников со стороны обвинения.

Тогда допустим, что срок, установленный ст. 401.6 УПК, действительно, не должен распространяться на решение в части гражданского иска. В таком случае следует признать, что осужденный в уголовном процессе находится в более слабом положении с точки зрения защиты его прав, чем, например, в процессе гражданском, хотя бы потому что проверочные производства в соответствии с нормами ГПК ограничены гораздо более краткими сроками. Так, кассационные жалоба, пред-

ставление могут быть поданы в кассационный суд в срок, не превышающий трех месяцев со дня вступления в силу обжалуемого постановления (ст. 376.1 ГПК), а в Судебную коллегию ВС РФ — также в срок, не превышающий трех месяцев, но со дня вынесения определения кассационным судом, рассмотревшим жалобу, представление по существу (ст. 390.3 ГПК). Пропущенные сроки могут быть восстановлены при наличии уважительных причин пропуска. Однако надо учитывать, что заявление о восстановлении срока может быть удовлетворено, если обстоятельства, объективно исключаящие возможность подачи кассационных жалобы, представления, имели место в период не позднее одного года со дня вступления обжалуемого постановления в силу (ч. 6 ст. 112 ГПК).

Фактически годичный срок, установленный ст. 401.6 УПК, находится в единстве с подходом, предусмотренным в ГПК для обеспечения правовой определенности, признания законной силы судебных решений и их неопровержимости, без чего недостижим баланс публично- и частноправовых интересов. Тем не менее в уголовном процессе с учетом того, что суды не признают изменение в части гражданского иска ухудшением положения лица (а именно об этом говорится в определении КС РФ по жалобе Колобова), такой пересмотр возможно инициировать бессрочно. Ведь для подачи жалобы (представления) в порядке выборочной кассации какого-либо срока традиционно не установлено. Представляется, что рассогласованность регулирования однородных по своей юридической природе отношений отражается не лучшим образом на правовом положении осужденного и должна быть устранена⁷.

Кроме того, следует учитывать, что в едином процессе решение по граждан-

7 На недопустимую противоречивость регулирования данного вопроса в гражданском процессуальном и уголовно-процессуальном праве обращает внимание судья Ю.М. Данилов в своем мнении к определению Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 2863-О по жалобе гражданина В.М. Колобова.

скому иску является составной частью приговора по уголовному делу, «не может быть признаваемо отдельным, независимым от приговора решением и составляет лишь дополнение приговора о виновности и наказании»⁸. Исходя из этого, можно заключить, что требования и правила, установленные для обжалования всего приговора, должны в равной мере применяться и при обжаловании части этого приговора.

Выводы

В настоящее время суды при толковании пределов запрета поворота к худшему продолжают придерживаться достаточно узкого понимания, сформировавшегося еще в 2005 году и сконцентрированного вокруг уголовно-правового статуса осужденного. Вместе с тем со временем стали возникать ситуации, которые потребовали расширения данных пределов. Так, была введена новая категория «иной публично-правовой санкции, структурно обособленной от наказания». Позднее внесение дополнений в ст. 401.6 УПК⁹ потребовало принятия постановления по жалобе гражданина Атрощенко. В нем Конституционный Суд РФ признал, что ст. 401.6 УПК не соответствует Конституции РФ, так как, концентрируя в себе огра-

ничения на поворот к худшему, не устанавливает правил, препятствующих ухудшению положения реабилитированного в части возмещения ему имущественного вреда (постановление КС РФ от 23.09.2021 № 41-П).

Приведенные доводы относительно противоречивости регулирования ГПК и УПК в части гражданского иска, а также разрозненность судебной практики при решении вопросов о процессуальных издержках показывают необходимость корректировки пределов запрета поворота к худшему в сторону их расширения, поскольку триада критериев «обвинение — наказание — иная публично-правовая санкция» не охватывает всех возникающих ситуаций. ■

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Килина, И.В. Поворот к худшему при пересмотре приговоров и иных итоговых решений суда в апелляционном порядке. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Ижевск, 2019. — 216 с.
- 2 Тальберг, Д.Г. Гражданский иск в уголовном суде, или соединенный процесс. — М., 1888. — 169 с.
- 3 Трухин, С.А. Критерии ухудшения положения лица, в отношении которого ведется апелляционное производство // Законность. — 2016. — № 6.
- 4 Трухин, С.А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2016. — 28 с.

8 Тальберг Д.Г. Гражданский иск в уголовном суде, или соединенный процесс. М., 1888. С. 201–202.

9 Часть 2 ст. 401.6 УПК введена Федеральным законом от 07.10.2022 № 384-ФЗ.

ЗАПОМНИМ

- ✓ В соответствии с позицией КС РФ в отношении решения о конфискации имущества применяются все базовые правила запрета поворота к худшему
- ✓ Противоречивость регулирования ГПК и УПК в части гражданского иска, а также разрозненность судебной практики при решении вопросов о процессуальных издержках требуют корректировки пределов запрета поворота к худшему в сторону их расширения

Юрист компании
Контрагенты

ПРОВЕРЯЕМ КОНТРАГЕНТА КАК ОППОНЕНТА

Дарим 3 дня полного доступа
к сервису, который предупреждает
о рисках в случае споров

law.1cont.ru

8 (800) 505-89-49

Получите бесплатную консультацию по проверке
контрагентов на горячей линии

Никита Александрович Колоколов, д. ю. н., профессор, судья
Верховного Суда РФ в отставке

ВС РФ оправдал предпринимателя, обвиненного в злом неисполнении судебного решения

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- При каких обстоятельствах Верховный Суд РФ не нашел признаков злого уклонения от исполнения судебного решения со стороны гендиректора компании ЖКХ
- Какие сведения должны проверить органы предварительного расследования, прежде чем возбуждать уголовное дело по статье 315 УК

В статье опишем уголовное дело в отношении руководителя муниципального предприятия, обвиненного по ч. 2 ст. 315 УК в злом неисполнении судебного решения о погашении задолженности перед кредитором. Только в Верховном Суде РФ смогли увидеть несостоятельность позиции обвинения и оправдали предпринимателя. Это дело еще раз иллюстрирует про-

блему плохого знания неуголовных отраслей права со стороны «правоприменителей-уголовников».

Фабула дела

Арбитражный суд Алтайского края решением от 29.03.2019 взыскал с коммунального муниципального предприятия «Баланс» (далее — МП) и районной администрации

Смоленского района Алтайского края в солидарном порядке в пользу «Алтайэнерго-сбыт» задолженность в размере 636 тыс. руб. После вступления данного судебного решения в силу судебные приставы-исполнители потребовали от директора МП — Олега Попова погасить долг и предупредили его об уголовной ответственности по ст. 315 УК.

О сложившейся ситуации Попов проинформировал руководство районной администрации. Понимая, что судебных приставов-исполнителей не интересует причина сложившейся с неплатежами ситуации, и те намерены привлечь его к уголовной ответственности, 04.07.2019 Попов с занимаемой должности уволился. Несмотря на это уголовное дело в отношении Попова дознаватель ФССП РФ все же возбудил.

Позиция суда первой инстанции

Мировой судья судебного участка Смоленского района Алтайского края приговором от 28.09.2021 по делу № 1-12/2021 осудил Попова по ч. 2 ст. 315 УК к 380 часам обязательных работ, но освободил его от назначенного наказания в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности.

«Злостность» в поведении Попова мировой судья усмотрел, во-первых, в том, что директор после предупреждения его о возможности привлечения к уголовной ответственности продолжал расходовать доходы на поддержание МП в рабочем состоянии. Он тратил деньги на ГСМ, запасные части и т. д. Во-вторых, суд счел верным вывод следствия о том, что Попов не организовал массового обращения в суды с исками к злостным неплательщикам по коммунальным услугам. В-третьих, чашу терпения стороны обвинения переполнил тот факт, что Попов перепродал дебиторскую задолженность МП на сумму почти 1,4 млн руб. некоему ООО «ФинансГрупп» всего за 262 тыс. руб. «живых денег», которые тут же истратил на нужды предприятия.

Апелляционная инстанция оставила в силе приговор в части квалификации деяния Попова (апелляционное постановление Смоленского районного суда Алтайского края от 14.03.2022 по делу № 10-1/2022). Не нашел оснований для отмены приговора и кассационный суд (кассационное постановление Восьмого КСОЮ от 06.10.2022 по делу № 7У-9241/2022).

Позиция защиты

Защитник осужденного — адвокат Адвокатской палаты Алтайского края Светлана Левицкая в кассационной жалобе, адресованной в ВС РФ, в очередной раз обратила внимание на то, что решение арбитражного суда должно исполняться за счет казны муниципального образования, о чем Попов своевременно напомнил районной администрации. Также защитник напомнила, что инкриминируемое Попову деяние не образует состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК.

Обращает на себя внимание необычный довод защитника. Чтобы усилить аргумент о том, что Попов не уклонялся от исполнения решения суда, адвокат обратилась к специалисту по русскому языку на предмет исследования текста арбитражного суда о взыскании задолженности в пользу «Алтайэнерго-сбыт». В своей жалобе адвокат отметила, что, согласно лингвистическому исследованию, определенный в решении арбитражного суда путь взыскания задолженности по договору энергоснабжения «за счет казны муниципального образования» относится к обоим указанным в решении должникам, как к МП «Баланс», так и к районной администрации Смоленского района Алтайского края. Как отметила адвокат, Попову было известно, «что суд удовлетворил иск именно в той редакции, в какой просил истец — за счет казны муниципального образования». При этом Попов в тот же день, когда ему стало известно об исполнительном производ-

стве, обратился к главе района, то есть руководителю учредителя КМП «Баланс», со служебной запиской, уведомив последнюю о необходимости погашения долга и испрашивая необходимые для этого денежные средства. Сам Попов доступа к казне муниципального образования не имел. Все эти обстоятельства говорили о том, что подсудимый не помышлял злостно уклониться от исполнения решения суда.

Адвокат также в апелляционной и кассационной инстанциях указывала на то, что суд скопировал текст обвинительного заключения в приговор. В довершение ко всему адвокат указала, что суд не дал оценку тому обстоятельству, что договор об уступке права требования долга между МП и ООО «ФинансГрупп» был согласован с учредителем КМП «Баланс» — главой администрации района — и заключен с ее одобрения.

Реабилитация осужденного в Верховном Суде РФ

Судебная коллегия ВС РФ согласилась с позицией защиты и отменила все судебные акты по делу. ВС РФ напомнил о презумпции невиновности: что подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность (ст. 14 УПК).

Злостное неисполнение судебных решений выражается, как правило, в продолжительном неисполнении судебного решения, несмотря на неоднократные требования пристава-исполнителя, либо в отказе от исполнения судебного решения. ВС РФ счел, что признаки состава данного преступления в действиях Попова не усматриваются.

При этом ВС РФ отметил, что в приговоре суда не приведено доказательств, которые бы свидетельствовали о том, что Попов умышленно заключил договор уступки права требования дебиторской задолженности с целью неисполнения вступившего в законную силу решения суда либо воспрепятствования его исполнению. В приговоре

суд привел показания Попова, который пояснял, что договор уступки права требования дебиторской задолженности между МП и ООО «ФинансГрупп» он заключил в связи с тем, что предприятие никак не могло получить задолженность от должников — граждан, уклонявшихся от оплаты коммунальных услуг. При этом решение о заключении договора уступки права требования дебиторской задолженности принято по согласованию с Администрацией муниципального образования, в собственности которой находилось имущество, переданное в хозяйственное ведение МП. Данные показания Попова, по мнению ВС РФ, обвинение не опровергло.

Осужденный также пояснял суду, что не имел умысла уклониться от исполнения судебного решения. Он лично обращался в Администрацию муниципального образования, как к солидарному должнику, с просьбой найти средства на погашение задолженности по судебному решению перед АО «Алтайэнергосбыт», поскольку с этой компанией МП заключило в рамках исполнения муниципального контракта на энергосбережение для нужд Администрации, а МП в то время испытывало финансовые трудности. Ему необходимо было погасить долги перед поставщиком угля для нужд населения, а также выплатить зарплату работникам предприятия, закупить необходимое оборудование, приобрести GSM и запасные части, без которых невозможно было оказать услуги гражданам по тепло- и водоснабжению, а также по вывозу бытовых отходов.

Эти показания Попова подтвердили допрошенные в судебном заседании свидетели, в том числе глава администрации района М. и начальник управления ЖКХ А. Свидетели пояснили, что Попов обращался в администрацию за выделением денег для погашения задолженности по судебному решению перед АО «Алтайэнергосбыт». В администрации совместно с Поповым проводились планерки по данному вопросу, но погасить

задолженность администрация не имела возможности из-за отсутствия выделенных на эти цели средств. Оставшуюся часть задолженности перед АО «Алтайэнергосбыт» по судебному решению МП погасило за счет казны муниципального образования лишь в конце года, когда получило дополнительную дотацию от бюджета края.

Об отсутствии в действиях Попова признака злостности неисполнения судебного решения, по мнению ВС РФ, свидетельствовал также тот факт, что между предъявлением ему судебным приставом-исполнителем требований о погашении долга по исполнительному листу и возбуждением уголовного дела прошло мало времени. Судебный пристав предъявил Попову требование об исполнении решения суда 14.06.2019, а инкриминированный ему период уклонения от исполнения судебного решения датирован с момента вступления 30.04.2019 решения суда в силу по 04.07.2019, в день увольнения Попова с должности руководителя предприятия. Получалось, что фактически Попову дали всего 20 дней, с 14.06.2019 по 04.07.2019, как на это и указывала адвокат в жалобе, на исполнение решения арбитражного суда.

В итоге ВС РФ отменил все судебные решения постановления по делу Попова, прекратил дело в связи с отсутствием в его действиях состава преступления и признал право на реабилитацию (кассационное определение ВС РФ от 05.04.2023 по делу № 51-УД23-2-К8).

Основные выводы

Во-первых, сообщение о неисполнении решения суда — не более чем повод для организации качественной доследственной проверки, а не сигнал к немедленному возбуждению уголовного дела. Приняв заявление о преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 315 УК, органы дознания обязаны установить наличие или отсутствие реальных оснований к возбуждению уголовного дела.

Во-вторых, для привлечения должностного лица к уголовной ответственности за злостное неисполнение судебного решения по ч. 2 ст. 315 УК нужно изучить комплекс обстоятельств, в силу которых конкретное судебное решение не исполняется. В частности, проверить, не действует ли должностное лицо в условиях фактически крайней необходимости. В нашем примере что для конкретного населенного пункта более значимо: нормальное функционирование всего комплекса ЖКХ или взыскание долга?

В-третьих, суду есть смысл проверить доводы защиты и обстоятельства о реальных общественно опасных последствиях деяния. В деле Попова деньги для выплат «Алтайэнергосбыту» в соответствующих бюджетах все же имелись, и до конца отчетного периода времени долг был погашен.

В-четвертых, в рамках расследования и рассмотрения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 315 УК, следует помнить, что предприниматели действуют на свой страх и риск, и для предпринимательской деятельности свойственен принцип «разумности расходов». Соответственно, нельзя забывать про «разумный срок исполнения судебного решения» и бесосновательно широко толковать понятие «злостное неисполнение судебного решения». В деле Попова ВС РФ отметил, что директор фактически не успел совершить инкриминируемое ему преступление. Следовательно, одним из признаков «злостности» является неразумный срок выполнения обязательства.

В заключение отметим, что ЖКХ — отрасль традиционно убыточная. В силу этого убытки, которые в течение определенного периода несут компании, поставляющие электроэнергию, в конце года погашаются из специально на то предназначенных средств соответствующих бюджетов. Сторона обвинения изначально об этом прекрасно была осведомлена. Можно ли при таких обстоятельствах назвать ее поведение целесообразным? ■

Информация для системы РИНЦ / Table of contents

Разграничения норм УК РФ о применении насилия в отношении представителя власти и в отношении участников процесса / Differentiation of the norms of the Criminal Code of the RF on the use of violence against a representative of the authorities and against participants of the process

Карабанова Е.Н., д. ю. н., заведующий отделом
НИИ Университета прокуратуры РФ

Karabanova E.N., doctor of law, head of the depart-
ment of the Research institute of the University
of the prosecutor's office of the RF

(e-mail: avtor@ugpr.ru)

Аннотация: в статье показано соотношение норм статей 296 УК РФ «Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования» и 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти». Уточняется, в каких случаях насилие в отношении участника судебного заседания охватывается статьей 296 УК РФ.

Abstract: the article shows the correlation between the norms of articles 296 of the Criminal Code of the RF «Threat or violent actions in connection with the administration of justice or the conduct of a preliminary investigation» and 318 of the Criminal Code of the RF «Use of violence against a representative of the authorities». It clarifies in which cases violence against a participant of a court session is covered by article 296 of the CC of the RF.

Ключевые слова: применение насилия в отношении представителя власти; угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия.

Keywords: use of violence against a representative of authority; threat or violent actions in connection with the administration of justice.

Оскорбление представителя власти. На что обращают внимание суды / Insulting a representative of the authorities. What the courts pay attention to

Комаров А.В., адвокат Адвокатской палаты г. Москвы

Komarov A.V., lawyer of the Moscow chamber
of advocates

(e-mail: avtor@ugpr.ru)

Аннотация: в статье характеризуются типичные дела по статье 319 УК РФ и набор доказательств по ним. Уточняется, когда по делу об оскорблении представителя власти назначение судебно-лингвистической экспертизы не обязательно.

Abstract: the article characterizes typical cases under article 319 of the CC of the RF and a set of evidence on them. It is specified when, in the case of insulting a representative of the authorities, the appointment of a forensic linguistic examination is not necessary.

Ключевые слова: оскорбление представителя власти; публичность; должностное лицо.

Keywords: insulting a representative of authority; publicity; official.

По техническим причинам информация для системы Российского индекса научного цитирования в текущем номере журнала опубликована в сокращенном виде. Полные сведения для РИНЦ на русском и английском языках размещены в электронной версии журнала (e.ugpr.ru) и доступны на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Как сделать журнал в два раза удобнее?

Добавьте к бумажной версии электронную.

Вы сможете читать «Уголовный процесс» с правовой базой и архивом номеров на любом устройстве

Посмотрите, как работает электронный журнал, на сайте e.ugpr.ru с бесплатным демодоступом на три дня.

Узнайте, как получить комплект по специальной цене:

8 800 511-20-91

Не забудьте сообщить менеджеру, что у вас есть текущая подписка на журнал

«АКТИОН» Право

Справочно-
образовательная
система правовых
решений

679

юрдепов
внедрили в работу
Акцион Право

Протестируйте всем отделом

action-pravo.ru

ВАШЕМУ ЮРДЕПУ БУДУТ ДОСТУПНЫ

КОРПОРАТИВНОЕ
ОБУЧЕНИЕ

ПРАВОВЫЕ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ЭКСПЕРТНАЯ
ПОДДЕРЖКА

ЮРИДИЧЕСКИЕ
ЖУРНАЛЫ

ПРОВЕРКА
КОНТРАГЕНТОВ